

Шалва Амонашвили

*Исповедь
отца сыну*

*Мартовский
возраст*

Письма к дочери

Издательский Дом Шалвы Амонашвили
МОСКВА
2010 год

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Книга эта была написана и издана в 1980 году, когда моему сыну Паате, перед которым я исповедовался, исполнилось 16 лет.

Я предлагаю Вам ее почти без изменений, если не считать редакционную правку и оглавления отдельных частей.

Но Вам будет интересно, каков он — мой сын — сегодня и изменились ли наши взгляды на воспитание.

С этой целью я счел возможным дать Вам сведения в качестве «дополнительных страниц», которые размещены в тексте.

Спасибо Вам, что Вы раскрыли эту книгу.

Буду рад, если поможет она Вам в воспитании собственных детей.

Перед Вами большая жизненная романтика.

Желаю Вам удачи.

Искренне

Ш.А. Амонашвили

ВСТУПЛЕНИЕ

Завтра тебе в торжественной обстановке вручат паспорт, и ты вернешься домой радостный, сразу повзрослевший: ты уже не ребенок, а совершеннолетний юноша, и мы — твои родители, твоя сестренка, бабуля, близкие — будем отдавать этим переменам должное.

А начнем с того, что я преподнесу тебе новую электробритву — пора тебе уже бриться; мама сунет в карман авторучку — ты любишь писать, вот и пиши; сестренка передаст сочиненный ею рассказ о тебе, он красочно оформлен как книжка, там она пишет, как она гордится тобой и если она никого не боится, то только потому, что надеется на тебя; а бабуля попросит тебя сесть на стул, чтобы в таком положении она смогла свободно поцеловать тебя в щечку, и угостит твоими любимыми сладостями.

И все мы вспомним о пройденном пути длиной в шестнадцать лет. Весь твой путь от младенчества до рождения гражданина.

Мы не имеем причин быть недовольными тобой. Возможно, ты не выделяешься в школе своими «однообразными» пятерками, учителя не выражают восхищения по поводу твоей одаренности. Но от многих разных людей (среди них и твои учителя, и наши соседи, и сотрудники по работе) неоднократно слышали мы похвальные слова о тебе: честный, воспитанный, трудолюбивый.

Особенно порадовало нас письмо одного старика-крестьянина, прошедшего всю войну и знающего цену человеческим отношениям. После того как ты летом поработал со школьными товарищами на селе, этот старик, по имени Хемзе, написал письмо директору школы: «Уважаемый директор! Прошу прочесть это письмо. Может быть, Вам покажется, что нам делать нечего и потому развлекаемся письмами. Но я люблю хорошо воспитанных юношей. Таким остался для меня Паата. Передайте, пожалуйста, благодарность старика его учителям и родителям».

Какая мать, какой отец не порадуются такому письму? Разумеется, и я, и твоя мама вовсе не думаем, что в твоём воспитании все обстоит благополучно, все уже завершено, ты — само совершенство. Были у нас досадные оплошности и промахи в процессе твоего воспитания, но то, чего мы добились в созидании твоей личности, пока что можно считать хорошей основой для дальнейшего твоего совершенствования.

Мы воспитывали тебя в атмосфере гуманности, а это требовало от нас большого терпения и постоянного поиска путей к твоему маленькому сердцу и душе. Мы стремились привить тебе высочайшие человеческие качества, зажечь в тебе любовь к жизни и страсть к преобразующей деятельности, обогатить идеалами человечества, породить в тебе смысл жизни.

Удалось ли нам направить тебя на путь самовоспитания и самосовершенствования, руководствуясь этими целями?

Проверять все это будет жизнь: она не раз проведет тебя через свои испытания, после каждого из которых могут быть оценены плоды наших стараний.

А пока попытаюсь взглянуть на путь в 16 лет, от младенчества до совершеннолетия, и обрисовать атмосферу, в которой мы стремились созидать в тебе Человека. Это для нас, твоих родителей, имеет двоякий смысл.

Во-первых, нам необходимо оценить наши педагогические убеждения, которые, кстати сказать, развивались и складывались вместе с твоим развитием и становлением. В процессе возникновения наших убеждений ты, сам этого не подозревая, являлся самым активным участником и, как это ни парадоксально, даже воспитывал нас.

Воспитывая тебя, мы сами воспитывались и как родители, и как учителя, и, вообще, как граждане нашего общества.

Ты укрепил нашу семью радостью материнства и отцовства, обогатил наши семейные отношения. И почему многие думают, что воспитываются только дети, тогда как сами дети становятся наилучшими наставниками своих воспитателей?

Во-вторых, мы считаем, что родители обязаны отчитываться перед своими сыновьями и дочерьми, ставшими совершеннолетними, в том, как они воспитывали их, какие воспитательные цели ставили перед собой, какой идеал Человека хотели воплотить в них. Они обязаны говорить им правду: как и с какой ответственностью стремились выполнить свой долг — долг родителей.

Кто-то из родителей может возразить: «Мы воспитали ребенка, а теперь и отчитываться перед ним?» Да, наши дети имеют на это право, и мы обязаны говорить им, чего не успели, не смогли, не додумались дать им в свое время. Такое откровение, я убежден, станет основой для углубления взаимоотношений и взаимопонимания между родителями и их взрослыми детьми, оно поможет и нашим детям осознать себя как будущих родителей.

Вот какие мотивы побуждают меня взглянуть на путь в 16 лет, пройденный нами.

ОТ ПЕРВОБЫТНОЙ БЕСПЕЧНОЙ УЛЫБКИ ДО ПЕРВЫХ СЛЕЗ СОЖАЛЕНИЯ

Ожидание

Ожидание было мучительным. Мы волновались за жизнь матери, и на это было причин предостаточно — анализ крови, кардиограмма. Тем более что, оберегая маму, мы заботились и о твоём будущем.

Что говорить, родители хотят умного, способного, а еще лучше — талантливого ребенка. И вот будущая мама где-то вычитала, как ей казалось, мудрую мысль о проведенных кем-то опытах, доказывающих, что если мать в период беременности начнет увлекаться, допустим, музыкой или, скажем, математикой, то родится ребенок с определенными способностями к музыке или математике или же и к тому и к другому.

В нашей маленькой квартире в течение многих месяцев непрерывно звучали величественные мелодии Баха, Моцарта, Бетховена, Листа, Шопена, Чайковского, Палиашвили. Мама очень хотела, чтобы ее будущий ребенок был наделен музыкальными способностями.

Не знаю, насколько это повлияло на твое стремление к музыке, так как, со временем, ты, учась музыке, проявил довольно скудные музыкальные способности. Зато эти месячники классической музыки оказались высшей школой музыкального образования для

меня: я, до того не разбиравшийся в музыке, вдруг начал проникать в глубины ее гармонии, вместе с мамой посещал концертные залы. Я пристрастился к классической музыке. Музыка в нашем доме не стихает и по сей день. Да и ты, признайся, равнодушен к ней.

В ожидании твоего появления мать решила еще и на другое: получив отпуск, она засела за научную работу. И так как мы с мамой коллеги, научные проблемы мы обсуждали вместе, искали, обобщали.

Всё это опять-таки служить было призвано главным образом твоему будущему: пусть родится сын со склонностью к научной деятельности.

Я пока еще не обнаруживаю прямой связи между научными пристрастиями в семье до твоего рождения и теми способностями, которые ты проявляешь. Правда, ты увлекся литературой и недавно начал писать рассказы. Но чтобы стать ученым, нужно особое умение. Может, оно у тебя появится в будущем, но до сих пор я его в тебе не замечал. Так что мудрая мысль, вычитанная мамой, пока что помогла нам насыщать духовной жизнью ту семейную атмосферу, в которой ты должен был появиться.

Эти знания сейчас складываются как особая новая наука, которая называется пренатальной педагогикой, то есть педагогикой до рождения. Научно установлено, что ребенок, находясь в утробе матери в четырех-пяти-месячном возрасте, начинает воспринимать внешние звуковые раздражители и реагирует на них. Скажем, если звучит в среде грубая музыка, грубая речь, грохочет что-то, то это вызывает в нерожденном ребенке учащение пульса и сердцебиения, то есть происходит отклонение от нормы. Если же звучит в среде гармоничная музыка и добрая речь, то ребенок не обнаруживает никаких отклонений.

На основе подобных экспериментальных знаний разработаны системы воспитания детей до рождения. Соз-

даются клинические лаборатории пренатального воспитания детей.

Мой сын Паата начал писать рассказы в студенческие годы и публиковать их. В последние годы он серьезно занялся литературным творчеством. Вышли его книги: «Америка — XXI век» (М., Изд., «Беловодье», 2003), «Пучок лучей» (Тбилиси, Изд., «Матрица», 2004). Занимается он и наукой, социологией.

Трудно, конечно, утверждать, что эти успехи связаны с нашими стараниями до его рождения. Но также трудно отрицать это.

Мы очистили, «проветрили» семейную атмосферу от — и до этого редких — проявлений нервозности, грубости, раздражающего шума и заполнили чуткостью и любовью.

Нам не терпелось начать твое воспитание; мы захотели приступить к нему еще до твоего рождения, и в конечном счете оказалось, что это мы сами себя готовили к тому, чтобы стать твоими родителями.

Отец

Твое рождение одновременно было рождением мамы и папы, матери и отца. Да, я родился вместе с тобой: ты — как ребенок, я — как папа. «Я папа, я родитель, я отец!..» В этот февральский день я со всей серьезностью удивлялся тому, что ни по радио, ни в газетах не сообщали вестей о твоём рождении.

Смешно, правда?

Хоть я и готовился к твоему появлению, ты тем не менее потряс меня. Как тебе описать, как тебе дать понять, какие чувства кипели во мне, в новорожденном папе? Я возвысился, возмужал, вдруг я вообразил, что мне поручена судьба чуть ли не всей нашей планеты. Я стал куда серьезнее, чем и удивил моих друзей и товарищей.

Нет, чувства новорожденного папы неописуемы, — просто настанет время, когда и ты переживешь то же самое.

Постепенно я начал осознавать свое новое, изменившееся общественное положение.

Что значит быть папой?

Мало сказать, что папой не становятся, не имея собственного ребенка, что папа содержит семью, помогает маме в воспитании детей.

Папа — не тот человек, который, возвращаясь домой пьяным, приносит из магазина конфеты: «Вот тебе, сынок, проявление моей чуткости!»

Папа — не тот человек, который, заботливо держа в руках завернутого в пеленки младенца, окутывает его густым дымом сигареты.

Папа — не тот человек, который гоняется за сыном с ремнем, дабы свершить свою воспитательную миссию.

Звание папы следует осмыслить не столько с позиции ребенка, ибо ребенок не всегда будет ребенком, а папа всегда останется отцом, — а с точки зрения его общественной деятельности.

Ребенок будет расти, и в один прекрасный день он обнаружит, что вчерашний его папа, которого он так искренне любил, избивает маму, на работе его называют лодырем, он пьяница, распутник. Кем же после этого он станет для своего вчерашнего ребенка и сегодняшнего юноши, если юноша или девушка станут стыдиться своего отца, отвергнуть его.

Так какой же он — настоящий папа?

Настоящий папа — труженик во всех сферах жизни. Он может быть рабочим шахт и мартеновских печей; машинистом железнодорожных составов и электричек в метро; матросом танкера дальнего плавания и летчиком пассажирских самолетов; ученым и поэтом; артистом и политиком; предпринимателем и крупным бизнесменом. Он может быть учителем школы и вра-

чом больницы. Но кем бы он ни был, всюду его уважают, почитают, с ним советуются. Он хороший друг, хороший коллега. Готов помочь нуждающимся, умеет сопереживать и радоваться. Он общественник, защитник прав человека, своих прав свободы. Не даст никому унижить себя и не унижит никого.

И, конечно же, настоящий папа — тот, кто, широко раскинув руки, бежит навстречу своему ребенку, бросающемуся в его объятия с оглушительными и радостными возгласами: «Папа пришел!»

Папа всегда проявляет нежность к жене, любовь и уважение к родителям, несет в дом радость и заботу. Он держит в своей правой руке руку сына с молотком, в левой — левую руку с гвоздем, и так, вместе, они забивают гвоздь в доску, мастера скамейку для садика. Он хмурит брови и огорчается при детской шалости ребенка, а в другой раз спрашивает маму снять или облегчить наказание: «Он больше не будет!»

Я убежден, что с воспитанием своих детей успешно могут справиться только такие папы (и, разумеется, такие же мамы). Мы обязаны, мы должны дать моральное право нашим детям гордиться своими папами и мамами, ведь мы знаем, как им этого хочется. И папа, одержимый созидательной и преобразующей деятельностью, честный, справедливый и отзывчивый, остается папой для своих детей на всю жизнь. Он не перестает воспитывать и напутствовать их даже после своей смерти, даже в тех случаях, когда дети знакомятся со своим погибшим отцом по фотографиям.

Мне так и хочется крикнуть: «Папы, берегите свою честь, ибо это самое ценное наследство, какое мы можем оставить детям!»

Нарисовав себе такой образ папы, я повседневно старался уподобляться ему, я шлифовал себя, я спешил успеть это до того, как ты смог осознать своего отца

как человека, как гражданина. Я должен был сотворить себя настоящим папой для тебя.

Чего греха таить, я мечтал стать для тебя другом, достойным подражания.

Имя

Как тебя назвать? Думаешь, это было просто?

Конечно, есть специальные справочники, в которые занесены тысячи имен, распространенных в мире. Можно выбрать, что душе угодно. Но — нет.

Я не сомневаюсь в том, что ни один человек нашей планеты не носит имя, которое не было бы выбрано родителями специально для него.

Однако следует оговориться: наши родители назвали нас тем или иным именем, исходя из разных мотивов и соображений. Среди них были и есть такие, как сохранение родовых имен в память о предках или заслуги близкого человека. Эти традиции очень хороши и достойны того, чтобы их сохраняли впредь. Разве не достоин похвалы поступок родителей, назвавших своих детей именем Леван, в честь того заботливого и талантливого врача, который разработанным им способом оперировать ребенка сразу же после рождения исцелил от врожденного порока сердца более двухсот мальчиков и столько же девочек и тем самым спас их от неминуемой гибели!

Наши родители выбирали для нас самое красивое, самое модное, самое подходящее, самое распространенное или же, наоборот, самое редкое имя. И вот живем мы с этими именами, может быть, теперь уже вовсе не модными, вовсе не редкими и вовсе не красивыми. Но мы привыкли к своим именам, мы уже вступили в широкое общение и широкие связи с людьми, которые нас знают по этим именам.

Можно ли упрекать наших пап и мам за то, что они так старались украсить нас достойным по их представлениям именем?

Вся беда в том, что мы, родители, не можем ждать того времени, когда ребенок вырастет и сам выберет себе имя по своему вкусу.

Не можем потому, что ребенок сразу же после рождения становится членом общества людей, а связи в нем не могут быть осуществлены, если у человека не будет своего имени.

Но случается такое, когда взрослый человек конфликтует со своим именем, пытается избавиться от него, переименовать себя, заменить паспорт.

Действительно, как быть человеку, отец которого (конечно, из любви к сыну, из желания украсить его достойным именем, да к тому же еще из стремления ознаменовать свою эпоху) назвал его Трамваем, а сам Трамвай, ставший отцом и побуждаемый теми же чувствами и мотивами, называет своего сына именем, отражающим его профессиональную принадлежность — Пантограф. И ходит теперь Пантограф Трамваевич со своим именем и отчеством, конфликтуя с ними. Он боится назвать их незнакомому человеку, так как предвидит, как тот удивленно уставится на него и поинтересуется, не шутит ли Пантограф Трамваевич. В кругу знакомых и товарищей он уже привык к насмешкам.

Как после этого не выразить ему глубокое огорчение близким людям, которые так легкомысленно отнеслись к величайшему делу — присвоению имени. В конце концов, он заменит паспорт, в котором назовет себя по-новому, но ведь в общественных кругах, где его знают, никогда не забудут его старого имени и часто будут путать с новым.

Вот какая беда.

Мы с мамой хотели назвать тебя таким именем, которое ты счел бы за честь носить. Оно не должно бы-

ло тебе мешать входить в общество; люди, обращаясь к тебе, знакомясь с тобой, не должны были направлять на него особое внимание, ломать себе язык, произнося его. Оно должно было быть звучным и легким.

Но было у нас и более важное намерение, а именно: имя твое должно было стать твоим добрым советчиком, в нем ты должен был находить постоянный зов родителей — не забывать, кто ты и ради чего ты живешь.

В родильный дом, куда меня не пропускали, я послал твоей маме следующее письмо:

«Дорогая, любимая моя!

...Теперь о том, какое имя дать нашему сынишке. Мы должны решить это сегодня-завтра, так как надо зарегистрировать мальчика и взять свидетельство о рождении. Я предлагаю три имени: Гиви — имя твоего отца, Александр — имя моего отца и Паата. Согласен на любое из них. Решай, пожалуйста. Ты его родила, ты и назови его... Целую».

Спустя некоторое время мне принесли ответное письмо. Оно и решило проблему:

«Любимый!

Мы ведь уже много раз говорили об этом. Назовем его Паата. Звучит красиво, и содержание его благородное. Целую тебя...»

Почему мы выбрали именно это красивое, мелодичное сочетание нескольких звуков? Потому, что оно отражало наше общественное кредо, наш идеал, главнейшую цель нашего воспитания.

Думаю, ты понял нас еще в прошлом году, когда мы дали тебе почитать интересный роман Анны Антоновской «Великий Моурави».

Был у грузинского народа яростный враг, может быть, самый коварный и злой из всех врагов — Шах-Аббас. В Грузии тогда царствовала междоусобица, и вражда феодалов друг с другом заставила великого Мо-

урави, героя, полководца Георгия Саакадзе покинуть родину и искать прибежище именно у злостного врага своей родины. Шах-Аббас, жаждущий окончательно покорить Грузию, поручил великому полководцу осуществить свой замысел: дал ему большое войско и отправил против своего же народа. И чтобы тот не осмелился предать его, в качестве заложника оставил при себе любимого сына полководца, красивого юношу Паату. Паата был посвящен в намерения отца, он знал, что Шах-Аббас, как только узнает, как обернулись дела, отрубит ему голову. Но юноша, преданный своей родине, с нетерпением ждал вестей из Грузии. Узнав о приказании шаха отрубить ему голову, он обрадовался — значит, отец не дал врагам растоптать родину, уничтожить и сжечь ее. Вскоре великий полководец получил шахский «подарок» — отрубленную голову своего горячо любимого сына. Это было в 1625 году. С тех пор имя Паата стало у нас символом преданности родине, своему народу, символом высокой гражданственности. Народ полюбил погибшего юношу, а имя Паата у нас переходит из поколения в поколение.

Эта легендарная история и побудила нас назвать тебя именем, которое ты носишь.

Надеюсь, что тебе не придется быть заложником, пусть всегда небо над тобой будет мирным. Но Пааты нужны нашей родине не для того, чтобы оставлять их врагам в качестве заложников, а чтобы они строили наше будущее, ковали счастье своего народа и свое личное счастье.

Прошу тебя, сын мой, почаще задумывайся над своим именем. Зов твоих родителей будет звучать в нем и тогда, когда нас не будет. Прислушивайся к этому зову.

В разное время мы называли тебя разными ласкательными именами. Когда тебе было полтора года, мы звали тебя Бупой: садясь на лошадку, ты любил буб-

нить — «бу-па-бупа». Мы звали тебя и Бубликом: ты любил грызть бублики. Были у тебя и другие прозвища. Но Паата — твое единственное и, я надеюсь, настоящее имя.

Человек должен вживаться в свое имя, задумываться над ним и постоянно прислушиваться к зову предков, через этот зов ощущать теплоту и любовь своих родителей.

Так должен поступать и ты, мой друг!

Чудо

Мы только что распеленали тебя, ты весь запачкан, мокрый. Ты лежишь на спине, болтая ножками и ручками. На лице у тебя ярко, определенно и выразительно написано удовлетворение. И если ты смог бы запомнить тогда мое лицо, наверное, передал бы теперь, как я был удивлен.

Я уже давно привык к тому, что в природе много удивительных явлений, а разум и руки человека создают не менее удивительную действительность.

Но вот я смотрю на тебя, современного акселерата весом 4200 граммов, и меня охватывает глубокое удивление. Есть единственное чудо в мире, действительно удивительное явление — младенец. Это беспомощное существо без самоотверженной заботы взрослых сразу гибнет. Но если воспитать его как следует, из него выйдет человек, способный украсить и обогатить жизнь.

Возможно, миллионы пап и мам, в порыве своих чувств, не задумывались над тем, перед каким величайшим явлением оказались: перед ними не просто их ребенок, а самое удивительное создание природы. Нельзя не задумываться над этим. Нельзя потому, что она, природа, загадочна: она не совершает чуда до конца, возлагая это на нас.

Если ребенок — чудо, то кто же тогда мы — папы и мамы? Рискну сказать — мы, миллионы пап и мам, ровно как миллионы пап и мам, которые жили до нас и которые придут после нас, все мы — уполномоченные природой завершить чудо. Так пойми же это, каждая мама, каждый отец, и ты сразу почувствуешь, кто ты такой!

Кто же он — наш ребенок?

Тогда, в 60-е и 70-е годы, мои педагогические взгляды были еще в стадии формирования. Кроме того, в эпоху тоталитарной идеологии говорить открыто о духовной сущности человека было опасно. Сущность ребенка в книге я приписывал земной природе. Считалось, что это и есть материалистический подход. Но было у нас в семье некое чувство духовности, что сопровождало воспитание сына. Это чувство духовности в дальнейшем сложилось в следующей концепции.

Я принял допущения:

— Высший мир, Мир духовный, Мир Абсолюта существует реально.

— Душа наша есть бессмертная сущность и устремлена к вечному совершенствованию.

— Земная жизнь есть отрезок пути восхождения в совершенствовании.

Из этих допущений я делаю вывод:

— Ребенок есть явление в нашей земной жизни.

— Он, есть носитель своего предназначения, своей миссии.

— В нем заключена неограниченная энергия духа. Это есть духовный аспект ребенка.

В чем же заключается аспект земной природы?

Природа дарит ребенку тело, которое есть инструмент души. Вообразите, что перед вами лежит скрипка, сотворенная самим Страдивари. Мы знаем, что в ней лежат все прекрасные звуки и мелодии, даже те мелодии, для которых еще не родились композиторы. Но сама скрипка, которая совершенна, озвучивать мелодии

не может. Нужен исполнитель, который без скрипки тоже ничего не сделает. Он возьмет скрипку, приложит к подбородку, закроет глаза, и с помощью правой руки, в которой будет держать смычок, и пальцев левой извлечет из божественной скрипки божественную мелодию. Так вот, этот исполнитель есть душа, а скрипка — тело. И чтобы тело могло стать совершенным, так же как дерево, из которого мастер творил скрипку, земная природа заложила в ребенке три мощнейшие естественные страсти:

— страсть к развитию,

— страсть к взрослению,

— страсть к свободе.

Вот кто есть наш ребенок.

И не земная природа доверяет нам ребенка на воспитание, а Творец всего. Потому воспитатели детей есть соратники у Бога.

Поверить Локку, что он «чистая доска», на которой можно написать все, что вздумается взрослому? Или же, может быть, предпочесть точку зрения Руссо, гласящую, что ребенок — это воск, из которого можно вылепить человека любой формы и сути?

Этому теперь могут поверить только наивные. Не был и не существовал живой Эмиль, вылепленный из воска, как нет и детей — чистых ходячих досок. Будь это так, без труда придали бы мы миллионам мальчиков и девочек нужную форму, воспитание не стало бы для нас особой проблемой.

Ребенок — не аморфная масса, а существо, таящее в себе силы, равных которым не сыскать на всей нашей планете.

Сила низвержения Этны?

Сила Ниагарского водопада?

Сила движения Земли вокруг Солнца?

Не надо перечислять: только одна сила, затаенная в ребенке, сила духа, разума и сердца, если ее довести

до совершенства, станет сверхсилой, способной преобразовывать, обогащать, украшать все вокруг — и на Земле, и в Космосе, и в себе.

Дремлющие в ребенке силы будут пробуждаться постепенно: сперва он начнет ощущать, затем — узнавать, а далее и одновременно — радоваться, ходить, говорить, запоминать, наблюдать, общаться, усваивать и, как величественный венец всему этому — мыслить, преобразовывать и созидать.

Но суть в том и заключается, что ребенок сам, какие бы силы ни таились в нем, ничего не сможет развить в себе, не сможет встать даже на ноги, не говоря уже о возвышении до человека. Совершить чудо: сделать, воспитать, создать из него человека — дело рук самого человека, и в первую очередь пап и мам...

Улыбка есть загадочное явление в жизни людей. Недавно я написал маленькую книгу — «Улыбка моя, где ты?». Позволю себе привести здесь сочиненную мною легенду об улыбке.

Я смотрю на своего сына, которого только что распеленали, мокрого и испачканного. Он болтает ручками и ножками и весь измазался. «Фу!» — говорит мама и боится дотронуться до него. Я отворачиваю нос. А бабуля, сияя от блаженства, берет его на руки и нежно опускает в ванночку с теплой водой. Она уже приступает к воспитанию внука. Какое там «фу» — я засучиваю рукава и тоже приступаю к воспитанию, мама включается тоже — стелет постель, а затем садится в кресло и готовится накормить своего первенца.

Улыбка

Мягко сказано — готовится.

Ты когда-нибудь пил молоко, смешанное с кровью? Не удивляйся, не торопись отрицать.

Мать готовится — она стискивает зубы, глаза наполнены слезами; дрожащими руками она достает грудь, сосок которой как бы рассечен ножом, из раны выступает кровь.

Маленький акселерат, только что наслаждавшийся в теплой ванночке, завернутый в чистые пеленки, теперь начинает пищать: он голоден, как волчонок, ему надо есть, ему надо прибавлять в весе каждый день, он повышает голос и сразу, как только вцепится губами в сосок, умолкает. И вскоре из надутого рта начинает сочиться красновато-желтая жидкость. Мама стонет, кусает себе губы, из ее глаз теперь уже потоком льются на твое личико слезы, все ее тело начинает вздрагивать от приступа. Но руки ее как бы приобрели сознательную и самостоятельную жизнь, бережно тебя качают и оттирают твое мокрое от маминых слез лицо.

Ты насытился и заснул. Руки укладывают тебя в постель.

Ты чуть потягиваешься. На твоих губах, как бы изнутри, появляется удивительно мягкая, удивительно нежная первобытная улыбка. Она играет в течение всего секунды — двух, а затем опять возвращается вовнутрь и исчезает. Как будто она у тебя единственная, и ты ее бережешь.

Об этой улыбке известно очень немного. Утверждают только, что она, эта первая улыбка, так неожиданно и беспричинно озаряющая лицо младенца, тоже унаследована от природы, от матери.

Во что она нас посвящает? А что если она намекает, как строить воспитание? Загадка. Я лично принимаю ее как символ права детей радоваться жизни.

Догадки наши не рассеивают таинство Первой Улыбки младенца, она остается загадкой. И пока она есть загадка, пока наука не в состоянии ее разгадать, воспользуюсь случаем и сотворю миф о происхождении Улыбки.

Вот мой миф.

Это было давно, очень, очень давно, когда люди еще не умели улыбаться...

Да, было такое время.

Жили они грустно и уныло. Мир был для них черно-серым. Блеск и величие солнца они не замечали, звездным небом не восторгались, не знали счастья любви.

В эту незапамятную эпоху один добрый ангел на Небесах решил спуститься на Землю, воплотиться в тело и испытать земную жизнь.

«Но с чем я приду к людям?» — задумался он.

Ему не хотелось прийти к людям в гости без подарка.

И тогда он обратился к Отцу за помощью.

— Подари людям вот это, — сказал ему Отец и протянул маленькую искру, она светилась всеми цветами радуги.

— Что это? — удивился добрый ангел.

— Это Улыбка, — ответил Отец. — Положи ее себе в сердце и принесешь людям в дар.

— И что она им даст? — спросил добрый ангел.

— Она принесет им особую энергию жизни. Если люди овладеют ею, то найдут путь, по которому утвердятся достижения духа.

Добрый ангел вложил удивительную искру в сердце свое.

— Люди поймут, что рождены друг для друга, откроют в себе любовь, увидят красоту. Только им нужно быть осторожными с энергией любви, ибо...

И в это самое мгновение добрый ангел спустился с Небес на Землю, то есть воплотился в тело, то есть родился, и он не дослушал последние слова Отца...

Новорожденный заплакал. Но не потому, что испугался темной пещеры, угрюмых и еле различимых лиц людей, с недоумением глазевших на него. Заплакал он от обиды, что не успел дослушать, почему людям надо

быть осторожными с Улыбкой. Он не знал, как быть: подарить людям принесенную для них Улыбку или утаить ее от них.

И решил — извлек из сердца лучик искры и посадил его в уголке своего ротика. «Вот вам подарок, люди, берите!» — мысленно сообщил он им.

Мгновенно пещеру осветил чарующий свет. Это была его Первая Улыбка, а угрюмые люди увидели Улыбку впервые. Они испугались и закрыли глаза. Только угрюмая мама не смогла оторвать глаз от необычного явления, сердце ее зашевелилось, а на лице отразилось это очарование. Ей стало хорошо.

Люди открыли глаза, их взгляд приковала к себе улыбающаяся женщина.

Тогда младенец улыбнулся всем еще, еще, еще.

Люди то закрывали глаза, не выдерживая сильного сияния, то открывали. Но наконец привыкли и тоже попытались подражать младенцу.

Всем стало хорошо от необычного чувства в сердце. Улыбка стерла с их лиц угрюмость. Глаза засветились любовью, и весь мир для них с этого мгновения стал красочным: цветы, солнце, звезды вызвали в них чувство красоты, удивления, восхищения.

Добрый ангел, который жил в теле земного младенца, мысленно передал людям название своего необычного подарка, но им показалось, что слово «улыбка» придумали они сами.

Младенец был счастлив, что принес людям такой чудодейственный подарок. Но иногда он грустил и плакал. Маме казалось, что он голодный, и она спешила дать ему грудь. А он плакал, потому что не успел дослушать слово Отца и передать людям предупреждение, какую им нужно проявить осторожность с энергией Улыбки.

Так пришла к людям Улыбка.

Она передалась и нам, людям настоящей эпохи.

И мы оставим эту энергию последующим поколениям.

Но пришло ли к нам знание, как нам нужно относиться к энергии Улыбки? Улыбка мощь несет. Но как применять эту мощь только во благо, а не во зло?

Может быть, мы уже нарушаем некий важнейший закон этой энергии? Скажем, улыбаемся фальшиво, улыбаемся равнодушно, улыбаемся насмешливо, улыбаемся злорадно. Значит, вредим самим себе и другим!

Нам нужно немедленно разгадать эту загадку, или же придется ждать, пока не спустится с Небес наш добрый ангел, несущий полную весть об энергии Улыбки.

Лишь бы не было поздно.

Вулкан

Может быть, ты живешь вне времени? Может быть, вокруг тебя создано особое, неизвестное нам доселе время и пространство? За несколько месяцев, за три-четыре года ты совершаешь титанический марафонский бег. Каждый день, каждая минута и секунда, действующие в твоём поле развития, сулят удивительные изменения и новообразования.

Так прессуется время только на киноленте, только во сне, только в воображении: секунды равняются часам, минуты — дням, часы — месяцам, а дни — годам.

Однако моя фантазия, чувствую, подводит меня: эти первые месяцы, первые три-четыре года развития ребенка в действительности равны миллионам лет развития человечества. Ведь я, глядя на своего сына, становлюсь свидетелем удивительного явления, дошедшего до меня из тысяч горизонтов времени. Я свидетель того, с какой гармонией природа-мать за миллионы лет бесконечных стараний заложила в первые три-четыре года жизни ребенка суть своего кропотливого со-

зидательного труда, суть самой себя.

Уму непостижимо!

Можно ли переставать восхищаться этим зрелищем, сколько бы миллионов раз ни повторялось оно перед нашим взором!

Я — как часть природы, ее суть, ее венец, я как папа, как мама, как творец и человек среди подобных мне людей, спешу стать соучастником природы — созидать Человека, превосходящего меня и предназначенного людям.

В тебе пробуждаются силы.

Так же начинает пробуждаться вулкан.

Вокруг тебя все начинает сотрясаться, как вокруг вулкана.

Люди боятся землетрясения, извержения вулкана.

Папы и мамы тоже боятся, когда их ребенок начинает извергать свои силы.

Из многих квартир можно услышать несуразные вопли разболтанной педагогики: «Нельзя... нельзя... не трогай... угомонись... не бросай... не ломай... вылезай немедленно... угомонись... угомонись... Ой!»

Тысячи детей в тысячах квартир как бы сговорились между собой: они одновременно могут зацепиться за скатерти, накрытые в честь гостей, потянуть их за собой, и в доме раздастся такой грохот, что соседи этажом ниже с ужасом схватятся за головы. Мамы придут в отчаяние, папы раскроют ладони правой руки, готовясь свершить правосудие, бабушки и дедушки мигом встанут на защиту своих внуков. А те в это время могут ликовать, торжествовать, хохотать до упаду.

«В ребенке злое начало», — поспешат прокомментировать некоторые.

«Надо заглушить это начало», — поспешат посоветовать другие.

Я не могу представить себе, что случилось бы с вулканом, если бы люди закупорили его в кратер и ла-

вина не смогла бы извергаться из него. Но я вполне отчетливо могу предвидеть, основываясь на научных знаниях, что может произойти с ребенком, если папы и мамы будут воспитывать его, предварительно связав ему руки и ноги. Силы, стремящиеся к извержению, приглушатся, бессильными станут не только руки и ноги, но и ум. Развяжи года через два воспитанного таким образом ребенка — и ему, возможно, никогда не вздумается кубарем скатиться с горы или усовершенствовать жизнь.

Какое там злое начало! Ребенок стремится, сам этого не понимая, развивать свои возможности, умения, способности, которыми так щедро одарила его природа.

Он ищет среду, заполненную трудностями. Он чувствует — ему необходимы трудности, именно трудности. Он неугомнен. И вдруг...

Он кладет игрушку в рот. — «Брось, тьфу-тьфу!»

Он лезет под кровать. — «Вылезай!»

Он залезает на диван, чтобы спрыгнуть с него. — «Слезь!»

Он пытается опрокинуть стул. — «Не смей!»

Он бежит по комнатам, ведя за собой паровоз и пыхтя, как паровоз. — «Хватит!»

Пытается разобрать заводную игрушку. — «Нельзя!»

Задаёт вопрос за вопросом: почему? кто? что? — «Замолчи!»

Как быть с бабочкой? Может быть, оторвать ей красивые крылышки, чтобы она не утомляла себя своими полетами от цветочка к цветочку и не портила эти цветы?

Меня пугает и индифферентность некоторых пап и мам, разрешающих ребенку делать все, что ему вздумается — «Пусть!».

Ребенок рвет красочно оформленную книгу. — «Пусть!»

Ломает красивую вазочку. — «Пусть!»

Отрывает голову кукле. — «Пусть!»

Дергает маму за волосы и визжит. — «Пусть!»

И воспитываются дети в очень многих семьях под давлением всезапрещающей императивности взрослых или всеразрешающей хаотической дозволенности.

«Дети оказались в империализме взрослых. Надо их спасти!» — негодуют некоторые теоретики и призывают к священным крестовым походам за освобождение детей. Да, империализм надо ломать и низвергать. Но нужно остерегаться и того, чтобы взрослые не оказались под диктатурой детей.

Диктатура взрослых, царящая во всезапрещающем волевом воспитании, или диктатура детей, расцветающая во всеразрушающем хаосе, несут одинаково горькие плоды — разрушенную судьбу ребенка. Тут нельзя искать золотую середину. Между императивным и вседозволяющим воспитанием середины нет. Есть только единственно правильный подход к воспитанию — гуманный.

Развитие

Зачем ребенку трудности?

Как зачем? Чтобы преодолевать их.

Зачем же создавать трудности, а затем преодолевать их? Нельзя ли без них?

Нет, нельзя.

Трудности в физическом, умственном и духовно-нравственном развитии ребенка — это ступени, преодолеваемая которыми он поднимается на пьедестал человечности. Ребенок чувствует — ему необходимо укреплять свои силы и задатки в преодолении трудностей. А нам необходимо готовить ему эти ступени, каждая из которых будет побуждать к деятельности его физические и духовные задатки.

Я расстилаю ковер, и мы с сыном садимся на него. Я выбираю цветную пластмассовую игрушку и кладу ее на ковер подальше от него. Он без особого труда подползает к ней, мигом овладевает ею — и тут же сует в рот. Затем забрасывает ее под кровать.

Я беру другую игрушку и кладу ее еще дальше, чтобы труднее было до нее добраться. Но расстояние оказалось слишком уж большим, и у него, возможно, пропал бы всякий интерес к игрушке, не придвинь я ее чуть ближе. Он возобновляет наступление, а я измеряю расстояние от первоначального его места на ковре до игрушки. Это «зона ближайшего развития» в ползании за овладение игрушкой. Так постепенно я буду отодвигать игрушку все дальше и дальше...

Сын подрастает — ему полтора года. На том же ковре мы боремся. Он любит борьбу с отцом. Потеет, пыхтит, но не отступает. Я чувствую, как напрягаются его мышцы, заставляю крутиться, падать, может быть, причиняю даже боль. Он ликует, он победил, но ценой каких усилий, знаю лишь я. С каждым разом я усложняю его путь к победе. Он огорчается, когда падаю сразу. Нет, он не хочет, чтобы победа досталась ему без труда, без усилий...

«Ну, прыгай, прыгай же, не бойся!» Он стоит на диване. С маленького стульчика он уже прыгает свободно, но спрыгнуть с дивана пока не осмеливается. «Прыгай же, не бойся!» Он спрыгнул и упал. «Ничего, ничего. Давай еще!» Он опят падает, но радуется. Рекорд повторяется. Надо увеличить высоту... А может быть, дать ему попробовать завтра-послезавтра спрыгнуть со стола?

«Давай побежим, кто быстрее!» Парк большой. Места хватает. Мы бежим, то я обгоняю его, то он меня, попеременно. Вижу, он устал. Мы падаем на травку и начинаем кувыркаться. Завтра-послезавтра надо будет усилить темп и удлинить расстояние.

«Не хочешь залезть на дерево?» Ему пять лет. Он пробует. Не получается. Я помогаю. Каждый раз, проходя в парке мимо того дерева, он пробует забраться на него. Победа!

У нас поход в ущелье. Там много камней, больших и маленьких.

«Давай строить башню!» Он рад. Мы тащим камни, большие и маленькие, аккуратно укладываем друг на друга, чтобы четырехугольная башня не развалилась. Устали. Надо пообедать. В другой, в третий раз возвращаемся туда же достроить башню. На вершине устанавливаем флажок. Высока и красива наша башня, она нравится всем, кто проходит мимо.

Гонзик

Очень сожалею, сын мой, что мы из-за нашей безалаберности потеряли одну интересную книжку, которая так сильно повлияла на тебя. Я не помню автора и названия книги, зато помню ее героя, подружившегося и породнившегося с тобой. Он сходил со страниц книги, играл с тобой, вы вместе устраивали в квартире ералаш или же помогали маме, бабушке полить цветы, переставить стул, принести корзину, достать стакан.

Этот чешский мальчуган, этот Гонзик не давал тебе покоя.

Мы садились обедать. Ты звал Гонзика. Бабушка раскрывала книгу с чудесными, захватывающими, смешными похождениями забавного шалуна. Они были все в красочных картинках. Бабушка начинала читать тебе надписи под картинками, ты смеялся, радовался, слушал внимательно.

Гонзик тоже сидел за столом.

«Видишь, как он аккуратно ест! — говорит бабуш-

ка. — Ешь и ты аккуратно. Давай покажем Гонзику, как мы раскрываем рот... жуем...»

Да, надо показать Гонзику, что мы тоже умеем сидеть за столом, благодарить за обед.

«Видишь, как твой Гонзик умывается! — продолжает бабушка. — Смотри в зеркало, на кого ты похож. Давай умоемся, а то Гонзик обидится».

Да, нельзя обижать Гонзика, надо умываться.

«Смотри, какой он вежливый, будь таким!»

Надо поблагодарить за обед так же, как Гонзик.

Но Гонзик ведь был и пиратом, он завладел необитаемым островом.

Ты из стульев устраиваешь в квартире корабль, это и есть необитаемый остров.

Хотя тебе объясняют, что забираться на застеленную кровать нельзя, это тебе уже непонятно — ведь Гонзик тоже забрался на кровать!..

Бабушка привела тебя из парка, ты промок до ниточки. Осень. Холодно.

В чем дело? Разве дождь на улице?

«Объясните вашему сыну, что он Паата, а не Гонзик... Нельзя же делать все, как Гонзик... Он взял и прыгнул в бассейн, как Гонзик!»

Тебе холодно и ты жалеешь, что прыгнул в бассейн, обещаешь, что больше не будешь.

А когда наступает ночь и пора ложиться, ты начинаешь протестовать.

«Но Гонзик ведь тоже ложится спать в это время!»

Железная логика. Ты ложишься и укрываешься, как Гонзик, и зовешь к себе Гонзика. Ты забираешь книгу под одеяло и скоро засыпаешь. Жизнь продолжается и во сне, и поэтому в другой комнате до нас доходит твой отчетливый тихий голос: «Гонзик... Любимый... Я люблю тебя, Гонзик!»

Поэтому мама и прозвала тебя Гонзиком, и ты долго играл в Гонзика: был умным и глупым, как Гон-

зик, добрым и озорным, как Гонзик, вежливым и диким, как Гонзик.

Наверное, все экземпляры книг о Гонзике давно уже протерлись, тысячи детей десятки тысяч раз переиграли своего героя, сдружились с ним.

Нет таких книг в магазинах? Трудно их достать? Поищите хорошенько, папы и мамы, обойдите книжные магазины, и букинистические тоже, а то ваши дети обеднеют без хороших книг с героями-озорниками!

Буратино

Как я мог представить, что эта маленькая куколка для самодеятельного кукольного театра внесет в твою детскую жизнь столько радости? Как я мог предвидеть, что она станет нашим добрым союзником в твоём воспитании?

Я ее купил просто так, не думая о том, что она может куда успешнее и внушительнее воздействовать на тебя в некоторых исключительных случаях, чем наши, пусть даже хоровые, наставления.

Если бы я все это мог предвидеть, то, не затруднив себя хождением по магазинам, взял бы кусок дерева, вырезал бы из него веселое личико с длинным носом, с помощью красок сделал бы его еще более веселым, затем, сшив и прилепив обычную красную рубашонку, надел бы на правую руку и приступил к воспитанию.

Я принес купленного Буратино домой, и под вечер, когда тебя начали кормить кашей, решил устроить представление. Тогда тебе было два с лишним года.

Надев на правую руку рубашку, я сунул указательный палец в отверстие шейки, большой и средний пальцы — в рукава, залез под стол и начал импровизировать содержание первого акта первого в своей жизни спектакля собственной постановки.

А в это время за столом происходило следующее. Ты начал выкидывать свои обычные номера, размахивая кулачками и отвергая пищу. И, конечно же, как часто случалось в таких напряженных ситуациях, сунул руку в глубокую тарелку с кашей. Она тебе показалась очень горячей, и ты, стало быть, собирался заорать что было мочи, измазав одновременно лицо бабули, а бабуля приготовилась принять ответные меры — промыть тебя теплой струей наставлений. На этом все и застыло.

Откуда бабуле было знать, что папа сидит под столом, обдумывая свой спектакль. А ты и не представлял, что папа дома.

Вдруг из-под угла другого конца стола неожиданно вылез Буратино, весело сияя, в своей красной рубашке, и заговорил тонким голоском:

«Мальчик, как тебя зовут?»

Бабушка забыла о своем измазанном лице и о своих воспитательных намерениях. Ты забыл о том, что тебе следовало заорать. Оба изумленно уставились на необычное зрелище.

«Как тебя зовут, мальчик?» — продолжал тонкий голосок. Буратино, подпрыгивая и пританцовывая, весело махал руками.

Зрители очнулись от первого изумления. Разумеется, на секунду раньше пришла в себя бабуля: «Ну, отвечай, он к тебе, наверное, пришел!»

«Паата!» — все твое изумление звучало теперь в твоём голосе.

«Я — Буратино. Повтори, пожалуйста, мое имя!»

Пришлось поупражняться в произнесении этого сложного имени.

«Ты хочешь дружить со мной?»

Ты кивнул головой.

«А ты отвечай голосом. Скажи так: рад с тобой дружить, Буратино!»

Ты повторяешь.

Буратино медленно, танцующей походкой движется к тебе, напевая одновременно песенку.

«Дай пожать руку!» — Его короткая рука потянулась навстречу твоей, но, увидев, что твоя рука измазана, дернулась назад.

«Пожалуйста, прошу тебя, помой руки, а то я боюсь испачкаться твоей кашей!»

Ты протягиваешь руку бабуле. Она уже успела вытереть себе лицо, а теперь принялась чистить твои руки. Ты не спускаешь глаз с Буратино. Происходит рукопожатие.

«Ты обидел бабулю, извинись, пожалуйста!.. А теперь ешь. Вкусно, правда?.. Ты хочешь, чтобы я приходил к тебе?.. Только если ты не будешь обижать меня... Кончил кашу?.. Поблагодари, пожалуйста, бабулю!..»

Мама, почуяв необычное, тоже включилась в действие, начала объяснять Буратино, что Паата умный и сдержанный мальчик. Буратино рад этому.

Попрощавшись с тобой и пожав руку, Буратино отдаляется от тебя, двигаясь вдоль стола.

Ты тревожишься. «Буратино! — кричишь ему вслед, — Приходи еще!»

Вскоре «приходит» папа, и ты, с помощью мамы и бабули, объясняешь ему, какой к тебе пришел человек.

Папа серьезно начинает обдумывать сценарий, способ выступления, содержание общения.

Буратино появляется один-два раза в день, в заранее назначенное время, иногда совершенно неожиданно, когда возникает особо напряженная ситуация. Его появление восстанавливает атмосферу взаимоуважения, разряжает обстановку возникновения конфликтов.

К приходу Буратино ты готовишься как к празднику. Он может сесть тебе на плечо, на голову, ущипнуть за щеку, подать ложку. Он несет тебе конфету, печенье. Он говорит с тобой обо всем, что тебя интересу-

ет. Рассказывает сказки, учит стихам, приучает тебя быть вежливым, сдержанным. Он всегда знает о твоих каждодневных поступках, радуется твоим добрым делам, огорчается дерзостям. Полон надежд, что ты умный и хороший. Буратино может убаюкивать тебя, и хотя колыбельная в его исполнении звучит не так уж мелодично, ты все же засыпаешь.

Я готов поклясться, я уверен, что ни один воспитатель не смог бы так сильно повлиять на нравственно-этическое и умственное развитие моего Пааты, как его общение с Буратино, продолжавшееся всего 8—10 месяцев.

По моему плану Буратино должен был насовсем попрощаться с тобой и уехать далеко-далеко, как только мы обнаружили бы, что его влияние на тебя начинает слабеть. Но произошла досадная ошибка.

Прошло с тех пор почти сорок лет.

Вы думаете, мы где-то потеряли эту живую игрушку? Вовсе нет! Мы поставили Буратино на длинную палочку и поместили в книжный шкаф.

Зачем вам это? — спрашивали меня гости. И я объяснял им педагогику с участием Буратино. Эта игрушка сыграла свою добрую роль в воспитании дочери. А потом долго ждала, кого еще воспитать.

Но вот родилась дочка у самого Пааты — Нинца.

В тот день мне показалось, что Буратино на палочке заулыбался и потер руки.

Паата, ставший отцом, снял Буратино с палочки, надел его на правую руку и в более совершенной форме повторил педагогику с участием этого человечка.

Потом Буратино вернулся на свое место.

Он член нашей семьи. Мы его очень любим. И радуемся, когда вспоминаем прошлое с его участием. В этом прошлом много поучительных историй.

Буратино на палочке стоит в книжном шкафу. И иногда мне кажется, что ему не терпится стать соучастником воспитания нового ребенка.

— Когда это будет ? — спрашивает Буратино.

— Будет, будет! — успокаиваю я.

Однажды, вернувшись домой с работы, мы с мамой застали тебя сидящим на диване и льющим горькие слезы. Перед тобой лежал неподвижный Буратино. Ты его нашел в самом потайном углу шкафа, куда мы прятали его от тебя, надеясь, что ты никогда не проникнешь туда. Однако, напрягая все свои силы, ты залез в шкаф и, роясь, вдруг наткнулся на Буратино.

«Буратино!» — закричал ты радостно. Ты думал, что, увидев тебя, Буратино сразу подскочит, запоет своим тоненьким голоском, залезет тебе на плечо, начнет шептать сказку.

«Буратино, встань... Буратино, ты спишь?..»

Ты горько заплакал: «Буратино не хочет со мной разговаривать... Буратино не хочет проснуться!..»

Мы, конечно, могли мигом воскресить Буратино. Но было ясно: он уже никогда не смог бы стать твоим воспитателем. Ты начал бы сдирать его с руки, и он, этот человечек, создавший тебе особый, сказочный мир, превратился бы в жалкую игрушку. Поэтому мы уложили его в коробку и сказали тебе: «Да, Буратино больше не проснется!..»

Хотя это не совсем правда. Буратино проснулся для тебя уже на всю жизнь, когда тебе принесли в подарок книгу о Буратино.

Шалость

Ты становишься озорником, неуловимым, неудержимым. С тебя нельзя сводить глаз.

Бабушка разыскивает тебя через каждые 2—3 минуты: ты можешь быть одновременно и в шкафу, и во дворе, и на столе, под столом. От тебя несколько раз

спасали старинную швейную машину системы «Зингер», которой так дорожит бабуля. Ты сбросил с высокой подставки вазу с цветами, и если бы не наш с мамой уговор, был бы ею крепко отшлепан за это. Ты опрокинул огромный таз, наполненный виноградным соком, и на полу образовалось озеро, и если бы опять не наш уговор, за это последовало бы нравоучение папы.

Ты жил бурной жизнью мальчика, рос таким, о каком пишет английский писатель Алан Бек:

«Мальчик — это правда с грязным лицом, красота с порезанным пальцем, мудрость с вареньем в волосах и надежда будущего с лягушкой в кармане.

Когда вы хотите, чтобы он произвел хорошее впечатление, его мозги превращаются в желе, или же он становится дикарем, садистом из джунглей, стремящимся уничтожить весь мир и себя вместе с ним... Мамы любят их, маленькие девочки ненавидят, взрослые игнорируют, а небеса защищают».

Неужели педагогика в конце концов не обнаружит надежный метод, применив который станет возможным донести до твоего понимания и до понимания миллионов мальчишек, тебе подобных, — как опасно для жизни делать глупости на каждом шагу?

Жизнь на волоске — вот такая жизнь у мальчиков.

Ты шарить в ящиках. Слышишь мамин голос: «Что ты там делаешь?» — «Ничего!» Ты достаешь ножницы. «Что ты там ищешь?» — «Ничего!» Идешь с ножницами к аквариуму и пугаешь ими рыбок. «Что ты там стучишь?» — «Ничего!» Затем суешь ножницы в штепсель, раздается страшное «ткац», выключается электричество, в квартире становится темно. Мама вскрикивает и бежит к тебе, задевая по дороге стулья и с грохотом отбрасывая их, у бабули сердце уходит в пятки, она начинает кричать, бегут соседи. Кто-то смог включить электричество. Ты, весь синий, лежишь на полу, приходишь в себя, жжет руку, начинаешь плакать, а мама теряет сознание...

Соседка ведет тебя в школу (ты уже начал ходить в подготовительный класс) вместе со своей дочуркой. Надо пересечь узкую улочку. Но вдруг, увидев на другой стороне улицы своего товарища, ты вырываешь руку и с радостным криком перебегаешь улицу. Надо же было: тут же из-за угла вывернула машина. Раздаются крики прохожих. Слышится страшное шипение внезапно заторможенной машины. Выскакивает водитель и бросается к тебе. Ты лежишь на спине, ноги раскинуты, правое колесо машины заторможено посередине ног, выше колен, оно только задело штанишки и кожу на левой ноге...

Но тебя оберегали не только небеса.

Дядя пригласил нас к себе показать нам реку Алазани. Она небольшая, но быстрая, в некоторых местах глубокая. Мы идем вдоль реки. Мы любуемся цветами, фазанами, ты собираешь камешки. «Не подходи близко к берегу, иди рядом с нами!» Эти приказы раздаются время от времени. Ты как будто подчиняешься. Но вдруг сползает край берега под твоими ногами, и через секунду быстрый поток реки захватывает тебя. Дядя сразу же бросается в воду и спасает тебя, испуганного и наглотавшегося воды.

Был и такой случай.

Раз ты взял раскрытый зонтик, который лежал на балконе, и собрался прыгнуть со второго этажа. Для тебя зонтик был парашютом. «Стой, не смей!» — закричала бабуля. Ты поспешил выполнить намерение, но бабуля подроспела, вцепилась в тебя. «Глупый мальчик... Глупый ты мальчик!» — рыдала она. В то время ты увлеченно рисовал парашюты. Только на шести твоих рисунках, которые ты мне подарил и которые хранятся у меня до сих пор, я сосчитал тридцать раскрытых парашютов. Вспоминаю еще, с каким удивлением ты наблюдал в парке, где было много развлечений, за прыжками с вышки на парашюте. Было ли это причиной

твоего несостоявшегося полета — прыжка со второго этажа?

Вместе с небесами тебя хранили бдительность бабушки, возгласы матери и мужской разговор отца, спасали тебя бдительность и незамедлительность людей, которые приходили на помощь.

Сколько у тебя жизней? Трудно сосчитать. У каждого мальчика, мне кажется, по крайней мере два-три десятка жизней. И пока нет в нашем распоряжении универсального способа внушить им, детям, быть предусмотрительными, так и хочется крикнуть во весь голос, чтобы услышали все-все: «Дорогие взрослые, нет чужих детей, все дети наши! Пожалуйста, заботьтесь о них, спасайте от возможных прискорбных последствий их шалостей!»

Друзья

Во дворе много детей. Ты тоже рвешься во двор поиграть. Но там старшие мальчишки отняли у тебя велосипед и не дают покататься. Ты начинаешь орать, возвращаешься домой, жалуешься:

«Все они плохие... я не хочу играть с ними!»

Что нам делать? Отнять у мальчишек велосипед и вернуть тебе, а им пригрозить, чтобы больше не смели?

Бабушка так и готова была поступить, но я — против.

«Чего ты орешь? Ты же мужчина!»

«Они отняли мой велосипед!»

«А почему ты сам не предложил им покататься на твоём велосипеде?»

«Не хочу... я сам хочу кататься...»

«Так, значит, виноват ты: сам хочешь много кататься и не хочешь поделиться с ребятами этим удовольствием. Я не могу защищать тебя такого. Если я

отниму у них велосипед и верну тебе, они не захотят дружить с тобой. А дружба важнее велосипеда!..»

Я предпочитал отпускать тебя во двор с такими игрушками, игра с которыми заставляла тебя знакомиться и дружить с ребятами. Конечно, неинтересно играть в мяч одному. А от мальчика, который играет один, ребята могут отвернуться, начнут дразнить. Я отпускаю тебя во двор с хорошим футбольным мячом и внушаю: «Мяч любит, когда его ударяют многие, за ним весело гоняться всем желающим».

Какой смысл играть в кегли одному, если никто на твою игру не будет смотреть? А если играть коллективно, с товарищами, то вокруг играющих соберутся зрители, они станут поощрять играющих, поднимется такой веселый гул, что ни одна строгая соседка не посмеет нарушить его.

Я внушаю тебе: «Если больше не захочешь играть, не отбирай у товарищей кегли, пусть они поиграют без тебя!»

Игра с «летающими тарелками» тоже требует друзей и товарищей: ты забрасываешь свою тарелку в сторону партнера, а он отправляет в твою сторону свою. Надо поймать ее и быстро отправить обратно. От тебя требуются ловкость, быстрота.

«Не ссорься ни с кем. Играй со всеми!»

Но ссоры все же вспыхивали иногда. Порой дело доходило до драки.

И мы приучили тебя: не жди от нас защиты; мы заберем тебя, драчуна, и станем осуждать.

Знаю я вас — петушков-драчунов. Не думаю, чтобы хотя бы одному взрослому хоть раз удалось установить истинную причину возникновения вашей драки. Обе стороны с такой страстностью будут утверждать свою правоту, что в конце концов станет понятной беспричинность Драки. После драки вы без особых дипломатических переговоров возобновляете

дружбу, может быть, даже более прочную, но мы, взрослые, до этого добрые соседи, вмешавшись в «разборку», можем навсегда испортить наши добрые отношения.

Наш домашний совет, в составе папы, мамы и бабушки, обычно давал тебе наказ, соответствующий нашей морали: «Дружи со всеми, малыш, плохих детей нет, дружи со всеми!»

Речь

Ты начал ходить, а вскоре заговорил. Ты резко перешел от детского лепета к членораздельному произношению и так ошеломил нас фейерверком применяемой тобой лексики, что мы никак не смогли вспомнить, какое слово ты произнес впервые.

Я утверждаю, что первое слово, которое ты произнес, было «мама», а мама говорит, что это было «папа».

Но, наверное, ни то и ни другое. Твои первые слова, скорее всего, означали: «Я человек!»

Ты заговорил одновременно на двух языках: на грузинском и на русском.

Как это произошло?

Я сторонник той научной точки зрения, которая считает, что ребенок наследует от Природы некую способность речи. Спустя несколько месяцев после его рождения она начинает в нем просыпаться: ребенок впитывает в себя речь окружающих, произносит нечленораздельные, но смыслообразующие звуки, научается выражать свои требования, протест, радость с помощью отдельных слов. Одновременно в голове ребенка происходят сложнейшие «вычисления», с помощью которых весь хаотический поток речи, воспринятый им, вдруг начинает из его уст течь ручейком

прозрачной, ясной, содержательной, полной эмоциями речи.

Эти внутренние задатки речи, по моему представлению, имеют то же значение для ребенка, что и ракета-носитель третьей ступени, выводящая корабль на орбиту. Ребенок за самое короткое время (ибо что значит несколько месяцев в сравнении с тем скачком, который проделывает он, овладевая опытом тысяч поколений) выходит на важнейшую орбиту своей жизни — орбиту общения с помощью речи.

Ребенок начинает говорить. У него своя система и направленность общения. Сперва он бесконечное множество раз спрашивает всех: «Что это?» Далее следует такое же бесконечное множество «почему?».

Он приступает к осуществлению процесса познания действительности, однако смотрите, как мудро он это делает: он сам сокращает себе путь к овладению опытом человечества, требуя от нас, чтобы мы коротко, ясно и доступно объяснили ему, что это и почему это так, какие существуют связи между предметами и явлениями.

Разумеется, он с большой охотой прибегает и к другим путям присвоения знаний: ставит ежедневно несколько десятков беспокойных «опытов», дающих ответы на вопросы — «Смогу ли я сам?», «Как это делается?», «Почему это так?», «А что если?..» и так далее.

Но общение через говорение, познание через речь, радость и огорчения, выраженные с помощью слов, занимают все больше места в его повседневной жизни, в его очеловечивании.

Прирожденная способность заговорить не имеет долгой жизни. Она вроде шелковичной бабочки, которая выползает из кокона только для того, чтобы отложить потомство, а сама погибает.

Вы не задумывались над тем, с какой легкостью научается ребенок говорению на двух-трех языках и с

какими трудностями сталкивается взрослый при изучении иностранного языка?

Что это значит?

Вот что: внутренние задатки с трудом поддаются консервации; напротив, наука располагает определенными фактами, свидетельствующими о том, что мышление, речь и другие виды деятельности человека имеют строго определенное возрастное время для своего возникновения, развития и завершения. Приостановить, отложить их развитие на потом — значит расплываться в собственном невежестве, допустить грубую педагогическую оплошность, а ребенка обречь на непоправимую отсталость.

Но ребенок может заговорить только в общении с говорящими людьми. И вся проблема заключается в этом: как говорим мы, папы и мамы, взрослые, между собой и со своими малышами?

Если речь наша бедна, искажена, груба, если бранные слова не задерживаются на устах домашних, окружающих ребенка, он, возможно, всю свою жизнь будет страдать от своей искаженной, несовершенной, грубой речи, а возможно — от бедности мышления.

Зная все это, не могу не стать сухим дидактом. Папы и мамы! Не находится ли ваш младенец, ваш ребенок в окружении искаженной речевой действительности? Это очень плохо! Не находится ли он в атмосфере взаимной грубости взрослых? Это еще хуже! Сами того не подозревая, вы, возможно, задерживаете, навсегда и безвозвратно приостанавливаете речевое развитие и общение ребенка, вы искажаете его будущее! Думайте об этом!

Эта сухая дидактика служила и нам, воспитателям Пааты.

Прирожденная способность к речи, по моему убеждению (меня подбадривают и исследования специалистов), дает возможность ребенку одновременно усвоить несколько языков.

Мое убеждение не исключало и некоторой тревоги: ведь царит пока еще в педагогике предостережение, что учить ребенка сразу двум языкам — это то же самое, что и учить его ездить на лошади до того, как он научится ходить. И все же мы решились. Мама и папа говорили с тобой только на грузинском языке, а бабушка — только на русском.

Мы твердо придерживались своего решения, и когда ты начал говорить, обнаружили, что у тебя для мамы и папы возник один язык, а для бабушки — другой. Ты переключался с одного языка на другой, в зависимости от того, с кем имел дело.

Знал ли ты тогда, что говоришь на двух языках? Конечно, нет. Ты только общался на этих языках, не имея никакого понятия о своем билингвизме.

Шли годы, и мои опасения рассеялись полностью. Ты мыслишь нормально. В твоей речи я нахожу реальное подтверждение идеи Л.С. Выготского о том, что человек лучше постигает родной язык, если он владеет другими языками.

Нас радовало каждое твое новое речевое изобретение. Мы всегда старались давать тебе ясные, правильные ответы на все твои «что это такое» и «почему». И еще мы старались приучать тебя к вежливым формам обращения: учили говорить «здравствуйте», «доброе утро», «спокойной ночи», «пожалуйста», «если можно», «спасибо», «извините», «с радостью».

Учили всему этому в процессе общения, а не только одними требованиями и наставлениями. Ты с детства привыкал к нашей вежливости по отношению к тебе: «Если можно, принеси, пожалуйста, стул!»; «Можно попросить тебя пересесть на диван?»; «Извини, пожалуйста, это случайно!»; «Спасибо, дорогой, какой ты добрый!» Поощряли быть ласковым, добрым по отношению к людям, окружающим тебя.

И все-таки в твоих выражениях проскальзывали грубости, которые, видимо, ты усваивал вне дома. Но каждый раз, когда ты грубил, обижал окружающих, мы прибегали к приемам народной педагогики — заставляли тебя прополоскать рот, лишали на время удовольствие общения.

А как иначе?

Недавно в одной семье я наблюдал, как двухлетний ребенок ругался, употребляя нецензурные выражения, а взрослые, даже мама, в адрес которой и были направлены эти слова, безудержно смеялись. Я был возмущен. А родители меня успокаивали: «Он же не понимает, что говорит!»

Разве это оправдание? Пусть не понимает, но ведь его натура склоняется к грубостям!

Какое мы, взрослые, имеем право, как мы смеем засорять речь ребенка, заставлять его природную способность к речи расходовать на тренировку в грубости и брани? Тот, кто этим занимается, должен знать: он искажает не только и, может быть, не столько речь ребенка, сколько его судьбу, так как с детства лишает его красоты и радости подлинного общения.

Не знаю, есть ли в педагогике термин «речевое воспитание». Думаю, он мог бы носить глубокий смысл. Я лично вкладываю в него не узко методическую, а общечеловеческую идею: воспитание в ребенке умения и потребности доставлять людям радость с помощью речи, сопереживать, сочувствовать им в беде, облегчать страдания, сеять правду и доброту. Речевое воспитание — это воспитание сердца, воспитание любви к человеку, глубокого уважения к нему.

Слово может и убить, и исцелить человека.

Ребенок унаследует от Природы огромное количество возможностей, их не сосчитать. Нам известна только малая часть. Психологи называют возможности функциями. Речевая возможность является одной из таких

функций, но она самая важная, сложная и таинственная. Физиологи знают, в какой части мозга зарождается речь, но никто не может сказать, как это происходит. Научными исследованиями доказывается, что в ребенке изначально присутствует некая общечеловеческая речевая матрица, некая, я бы сказал, вселенская грамматика. Она не привязана к какому-либо конкретному ребенку. Говоря иначе, ребенок-грузин (или русский, или англичанин) несет в себе матрицу не грузинской грамматики, а общезыковую. На ее основе, оказавшись в языковой среде, зарождается конкретная речь.

Но эта способность, как мне представляется, имеет три особенности.

Первая особенность в том, что общезыковая матрица (функция языка) не является пассивной данностью, она активна сама по себе.

Вторая особенность — активность ее имеет свои календарные сроки. То есть речевая функция просыпается в ребенке не после рождения (как я полагал тогда, в 60-е годы), а задолго до рождения. Потому взрослые обязаны следить за чистотой и добротой своей речи, находясь в окружении беременной женщины. И завершает она свою работу до 9-летнего возраста. Если речевая среда будет усилена, то жизнь функции можно искусственно продлить еще на пару лет. Потом она покинет ребенка. Это означает, что после 9—11-летнего возраста ребенку будет трудно с такой же легкостью, как ранее, изучать новый язык. На этот раз понадобятся специальные усилия, которые в синтезе называются организованным обучением.

Третья особенность языковой функции — ее открытость к одновременному восприятию двух, трех и, может быть, более языков. Говоря иначе, функция не затрудняется, если, условно говоря, мама будет общаться с ребенком только на грузинском языке, папа — только на русском, а бабушка — только на французском. Важно, чтобы все они составляли ребенку жизненно необходимую

среду — кормили, купали, играли с ним, выводили гулять, любили, рассказывали и т.д. В такой действительности, спустя года два, ребенок сразу заговорит на всех трех языках — для мамы, папы и бабушки. И сам не будет знать, что говорит на трех языках. Об этом узнает чуть позже. Пострадает ли какой-либо язык из этих трех? Не пострадает. Какой язык будет родным? Родным для него станет тот язык, с помощью которого он впитывает культуру. Если для ребенка общее окружение грузинское, то получится, что он будет впитывать в себя грузинскую культуру не только через грузинскую речь, но и через русскую и французскую речь. Такие явления в психологии известны. Таким образом, золотая пора для усвоения языков есть детство до 9—11-летнего возраста. Далее для изучения языков понадобятся огромные усилия воли.

Процесс освоения речи в то же самое время есть процесс духовно-нравственного развития и воспитания ребенка. Необходимо соблюсти условия, чтобы ребенок находился в окружении добрых речевых потоков. Ребенок развивается не только тогда, когда взрослые обращаются к нему непосредственно, но и тогда, когда взрослые в присутствии ребенка обсуждают свои жизненные вопросы, общаются друг с другом.

Ребенка надо уберечь от сквернословия, как от огня, от хамской, грубой речи, от речи, в которой не звучат уважение, сочувствие, любовь, готовность помочь.

Сестренка

Тебе было три годика, когда в семье поселилась новая радость: у тебя появилась сестренка, и назвали ее Ниной.

Возникли новые заботы.

«Пойдем, принесем молока для Нинульки!» И мы шли в ближайший магазин купить молоко. Ты нес ма-

ленькую корзиночку с бутылками. Мы по дороге говорили, какая у нас хорошая сестренка, какая она забавная и смешная, как за ней надо ухаживать.

«Пора готовить кашу для Нинульки. Помоги мне. Достань, пожалуйста, кастрюлю!» Бабушка налила манную кашу на тарелку, а ты важно несешь её сестренке.

«Давай поведем Нинульку на прогулку!» На улице ты не хочешь подпускать меня к коляске, везешь ее осторожно, без шалостей.

«Не шуми, пожалуйста, она только что заснула!» И мы показываем тебе, как на цыпочках надо выходить из комнаты, где растет во сне твоя маленькая сестренка.

«Поиграй с Нинулькой, пока я занята!» На тахте ты начинаешь забавлять ее, смеша разными манипуляциями. Сестренка визжит и прыгает от восторга.

«Посмотри, пожалуйста, за ней, пока дома никого нет!» Ты остаешься один с сестренкой на 10—15 минут, а может и дольше, а затем докладываешь обо всех ее малейших проказах.

«Приведи, пожалуйста, Нинульку из детского сада!» Ты тогда был уже в первом классе, детский сад находился рядом, и ты с радостью ходил туда за сестренкой. Гордился этим поручением.

Но я рассказываю не о том, как воспитывали девочку, а о том, как воспитывали в тебе заботливого, чуткого мальчика.

Мы с тобой готовили сюрпризы маме, бабушке, сестренке к дням их рождения. Порой, оставшись одни, убирали квартиру, мыли посуду, готовили обед, чтобы порадовать маму.

На тебя возлагали заботу о комнатных цветах. Мы радовались каждому новому лепестку и бутону. «Это плоды твоих забот!» — говорила бабушка. Во дворе мы посадили дерево, и ты поливал его.

В нашем аквариуме раз произошла беда: рыбки съели одного своего собрата. Это всех нас очень огор-

чило. А когда ты увидел, как гуппия рожала живых рыбок и тут же съедала своих детенышей, которые не успевали сразу же после рождения уплыть от мамы, бабушка не замедлила прочитать тебе мораль: «Вот видишь, как гуппия ест своих детей! А твоя мама не съела тебя, она вырастила тебя!» Ты негодовал на рыбку-мать, съедающую своих новорожденных рыбок, и чтобы спасти их, терпеливо ждал появления каждой новой рыбки и палочкой отгонял от них маму.

Упрочить доброту, чуткость, отзывчивость в ребенке, породить в нем чувство сопереживания — дело не из легких. Среди других способов, которые мы применяли с этой целью, был и довольно распространенный. Суть его выражена в пословице: «Говорю тебе, кувшин, но ты, бутылка, слушай!» Мы им пользовались примерно в следующих формах.

«Мама, ты не замечаешь, какой Паата становится добрый!»

«Да, я сама хотела сказать, вчера он так помог мне!..»

Мама и бабушка говорят в другой комнате, тебя только что уложили, и ты должен уснуть, но суть разговора задевает тебя...

«А вы знаете, как мой внук вчера порадовал меня!» Бабушка разговаривает в парке с женщиной, сидящей рядом с ней на скамейке.

Они познакомились здесь. Ты играешь тут же и готов повторить те же доблестные поступки, которыми она так гордится.

Было ясно, как поощряли тебя такие «случайные» разговоры без твоего участия, за «твоей спиной» — о твоих хороших делах и поступках, о твоей чуткости и отзывчивости.

Но, может, в этом была доля тщеславия, может, ты немного играл в отзывчивость, доброту, хорошие поступки?

Что ж, не плохо, если даже в игре (пока в игре) ты усваиваешь и проявляешь некоторые нормы нашей

морали. В игре, как теперь склонны говорить, моделируется будущая социальная жизнь ребенка.

И все же мы с нетерпением ждали такого проявления твоей чуткости и сопереживания, которых нельзя было приписать игре. Чувство сопереживания — это частица твоего сердца, твоей души, твоей жизни, которую ты преподносишь человеку в дар.

Я не забуду тот прекрасный день, когда обнаружил в тебе рождение такого чувства. Нет, не думаю, что я переоцениваю это событие, не смог вникнуть в его психологическую суть. Это действительно было сопереживание, чувство своей вины перед другими, чувство сожаления. Вот как оно родилось.

Слезы

Стоял теплый майский день, тебе было тогда чуть больше пяти. Мы отправились в поход на близлежащие горы. Была с нами Мама, твоя двоюродная сестра, на год старше тебя. Вы бегали, собирали цветы, смеялись. И вдруг умолкли. Я увидел вас сидящими на корточках, вы что-то внимательно рассматривали. Я подошел. На стебельке полевого цветка сидел кузнечик, прозрачно-зеленый, с тоненькими длинными крылышками, с усиками. Он неожиданно раскрыл крылышки и сделал длинный скачок. Вы весело погнались за ним и опять, сидя на корточках, долго изучали его. Он, видимо, решил поиграть с вами: скок — и вы за ним, опять скок — и опять вы за ним. Вместе с кузнечиком вы бегали по всему полю и смеялись. Наконец кузнечик сел на асфальтированную дорогу. Теперь мы втроем окружили его.

«Какой ты красивый... Что ты ищешь?» — начала задавать ему вопросы Мама. Но кузнечик раскрыл крылышки и собрался было сделать прыжок, как ты ни с того ни с сего накрыл его ногой. Мама вскрикнула:

«Не смей!» Ты поднял ногу — и мы увидели раздавленного кузнечика.

«Зачем ты это сделал?» — спросила Мака, обиженная до слез. Ты молчал.

«Да, сегодня мама уже не дождетя своего кузнечика. Она, наверное, будет горько плакать!» Я был огорчен, но не бранил тебя. «Кузнечик уже никогда не будет прыгать и шалить... И цветы напрасно будут его ждать!..»

Мы поднялись и пошли дальше. Я предложил вам сесть в тени под деревом и позавтракать. И как будто все уже было позади, как ты вдруг вскочил и побежал обратно на дорогу. Ты сел на колени перед кузнечиком, лежавшим на асфальте. «Кузнечик больше не будет прыгать... Мне жаль кузнечика...» Ты рыдал. Мака успокаивала тебя, но ты не слушал ее. «Почему я раздавил кузнечика?.. Мне жалко его... Пусть он оживет...»

Я еще не видел такого обилия слез, не слышал, чтобы ты когда-нибудь так плакал. Мне действительно было очень жаль кузнечика, но я радовался твоим горьким слезам, слезам сожаления. «Ничего, сынок, плачь... Может быть, именно сейчас ты рождаешься как человек!» — думал я, всматриваясь в тебя.

Ты жалел о своем поступке, ты хотел вернуть время назад, чтобы исправить свершенное. И мне показалось тогда, что только в том сердце может поселиться бескорыстное чувство сопереживания, в котором уже возникло раскаяние в своих необдуманных поступках, чувство вины, чувство ответственности.

В школу

В доме суета. Завтра первое сентября, и ты пойдешь в школу, в подготовительный класс для шестилеток. Бабушка заканчивает гладить твою рубашку и короткие штанишки, мама собирается искупать тебя, го-

товит ванную. Нина не отходит от тебя и умоляет взять ее тоже в школу.

Ты важничаешь. Еще бы! Ведь в школу пойдешь ты, а не кто другой из нашего дома.

«Какое стихотворение ты расскажешь, если предложит учительница?» — спрашивает мама. У тебя наготове два-три десятка стихотворений.

«А если будете рисовать, то нарисуй закат солнца. Это у тебя хорошо получается». Бабушка уверена в этом.

А я советую тебе подружиться сразу со всеми ребятами и с первого же дня полюбить свою учительницу.

Ты уже знаком с некоторыми буквами. Можешь написать свое имя. Ты этому научился в детском саду, у своих товарищей. Возвращаясь из детского сада, ты приставал к маме или папе с просьбой научить тебя читать. Тогда я решил научить тебя способу звукового анализа слова.

Сперва я обратил твое внимание на отдельные звуки: «Скажи, пожалуйста, как шумит ветерок в листьях деревьев?» — «Шшш!..» — «А как жужжит пчела?» — «Жжж...!»

Затем научил медленно и растянутому проговариванию слов: «дууууб», «мммаааммааа». Порой задавал тебе задачи: я говорил предложение или слово неестественно растянуто и медленно, а ты должен был догадаться, что я сказал.

Потом я дал тебе фишки — маленькие квадратики из картона и предложил «написать слово»: проговорить какое-нибудь слово медленно, выделить в нем последовательные звуки и для обозначения каждого из них положить фишку. Этот прием, разработанный известным психологом Д.Б.Элькониным, помог тебе усвоить способ звукового анализа и «написания» слов.

Так ты научился всем звукам грузинского языка.

Считать до десяти не составило для тебя большого труда. Но вот преодолеть так называемые феномены Пиаже ты затруднялся.

По моему заданию ты пересчитывал десять фишек и клал слева, столько же — справа. И справа, и слева фишки лежали кучками. «Сколько здесь фишек?» — «Десять» — «А здесь?» — «Десять» — «Где больше фишек, тут или там?» — «Нигде, они равны».

Пока все правильно.

Тогда я раскладываю кучку фишек справа, фишки слева остались в прежнем положении.

«Скажи, пожалуйста, где теперь больше фишек — здесь или там?»

Ты, не задумываясь, отвечал: «Здесь!» И указывал на разложенные фишки.

Было достаточно собрать их опять в кучу, и ты говорил, что теперь фишки равны.

А вот другой опыт. Я брал два стакана, один из них был низким и широким, другой — узким и высоким. Наполнял низкий стакан. «Смотри, теперь я эту воду перелью в узкий стакан!» И переливал. Естественно, в узком стакане вода поднималась выше. «В каком стакане больше воды — в низком или узком?» Опять ты, не задумываясь, говорил, что воды становится больше в узком.

Скажу еще об одном опыте. «Вот шарик из пластилина. Смотри, из этого шарика я сделаю лепешку. Скажи, пожалуйста, когда было больше пластилина — когда он был шариком или когда он превратился в лепешку?» — «Когда превратился в лепешку...»

Повторение этих опытов в разных вариантах, рассмотрение результатов с разных точек зрения в конце концов привело тебя к пониманию того, что количество фишек не может меняться в зависимости от того, расположены они врозь или кучкой.

Я ценил такие задачи прежде всего потому, что они заставляли тебя мыслить, наблюдать, замечать, связывать, выделять. Развитие этого умения в ребенке, готовящемся пойти в школу, мне кажется куда важнее, чем развитие умения считать, пусть до миллиона...

Ты встал рано утром и разбудил всех дома. Идти до школы минут пять. Но тебе не терпится. И мы все направились к школе. В школьном дворе много детей и родителей. Проводится митинг. Затем раздается первый звонок, и дети оживленно входят в школьное здание.

В школу родителей не пускают. Тыходишь в школу вместе с ребятами, большими и маленькими, вместе со своей первой учительницей.

И начинается твоя школьная жизнь. Она будет длиться две тысячи дней.

Как ты примешь школьную жизнь? Будешь «отбывать» ее или радоваться ей?

ОТ ПЕРВЫХ СЛЕЗ СОЖАЛЕНИЯ ДО ЧУВСТВА ДОЛГА

Идеал

Годы правда летят.

Они летят как журавли — все вместе.

Порой хочется, чтобы они летели еще быстрее и несли тебя навстречу к твоей заветной цели, хочется перепрыгнуть через время, чтобы мигом оказаться в своем будущем, удостовериться, что оно есть, оно действительно ждало тебя, увидеть, какое оно, и прожить его.

Порой же страшно хочется приостановить настоящее, окунуться в него полностью, насытить его сутью своего существования, запечатлеть в нем следы своего пребывания, раздвинуть его узкие грани и вместе с ними радость, охватывающую тебя.

Но случается и так, что время уплывает бесследно, годы летят без связи с прошлым и будущим; они не воспринимаются как реальность, как суть неповторимой, необратимой действительности, они прозрачны, как чистое стекло.

Самое страшное, когда человек не жалеет о прожитом дне, не стремится к завтрашнему дню, а сегодняшний день тает у него на ладони, как снежинка.

Но к чему эта, не такая уж новая, философия?

Я просто хочу сказать, какие меня порой охватывают радость и удивление прожитых лет, когда я смотрю на тебя, 16-летнего юношу, поглядывающего на меня, на маму, особенно же на бабушку и сестренку с высоты своего 180-сантиметрового роста. Тогда я и восклицаю: «Боже, как летят годы, как все вместе и сразу улетели эти шестнадцать журавлей в края теплых воспоминаний... А все как будто было вчера!»

Нет, ни один день, ни один час никогда не таял у нас на ладони, как снежинка. Каждый день, каждый час были заполнены, переполнены заботами в разрешении частных задач — больших трудовых месяцев и больших жизненных целей. Говорю больших, имея в виду цели, которые для нас, твоих родителей, приобрели жизненный смысл.

Мы не хотели, не стремились перепрыгнуть через годы.

Мы не жалели и о том, что невозможно приостановить время.

У нас просто не было времени, чтобы отдаться таким пустым мечтаниям.

Мы работали для будущего, стремились перенести его в настоящее.

Увлекаясь своей педагогической деятельностью, своей работой с детьми в школе, поисками современных форм гуманного воспитания школьников, мы, вместе с нашими друзьями — коллегами по работе, самозабвенно трудились для того, чтобы прожить завтрашнюю педагогику сегодня, прожить сегодня нашу профессию так, как надо будет прожить ее завтра.

День, прожитый в соответствии с завтрашними идеалами, как я убедился, становится куда более интересным, насыщенным творческим трудом и счастьем, чем любой обычный сегодняшний день.

Будущее, которое человек проживет в настоящем, возвысит его, даст ему возможность полнее проявить свои задатки.

Наше отношение к людям, делу, к самой жизни, наши конфликты, поражения и победы, наши радости и горести, приобретения и потери друзей, наша борьба с кем-то и чем-то, утверждение наших профессиональных позиций — все это до краев заполняет нашу жизнь, и мы не успеваем оглянуться, как пролетают годы.

*Вся эта программа воспитания исходила из главной цели, к чему мы хотели подвести нашего сына. Она заключалась в одном емком и прекрасном понятии — **Благородство**. Разве будет кому-либо из родителей трудно определить смысл этого понятия? Благородный человек, конечно, возвеличивает в своей жизни благо, которое всегда обращено на других. Благородный — он и духовно-нравственный, доброжелательный, спешащий на помощь; он и добромыслящий, чистомыслящий, сердечномыслящий; он и заботливый, чуткий. Он не может быть эгоистом, алчным, злобным. В общем, мы сегодня не знаем более высшего человеческого качества, чем благородство. А благородство воспитывается благородством. Вот в чем была наша трудность: нам самим нужно жить по всем нормам благородства, чтобы педагогика благородства могла восторжествовать в нашей семье. А жить так означало: идти наперекор многим обстоятельствам в жизни.*

Ты воспитывался в атмосфере, которая, по моему убеждению, дышала будущим. Тебя воспитывали не только специальные воспитательные меры, которые мы предпринимали; главным твоим воспитателем, становился весь наш образ жизни, наши семейные, общественные отношения, наши убеждения, страсти и устремления. Они не проходили мимо твоих сознательных и подсознательных сфер восприятия, они и тебя вовлекали в орбиту наших жизненных перемен, смысл нашей жизни окружал тебя на каждом шагу.

Мы не могли и не хотели жить двойной жизнью: отгородить тебя от действительной жизни, которая тво-

рилась не без нашего участия, и строить искусственную воспитательную жизнь для тебя, в которой мы могли противостоять самим себе.

Мы попытались определить отношения, которые стали для нас желательной программой воспитания твоей личности в семье:

- к людям — доброжелательное, сопереживающее;
- к жизни — радостное, созидательное;
- к труду — потребностное, творческое;
- к действительности — преобразующее;
- к своему долгу — ответственное;
- к самому себе — требовательное;
- к родителям и родным — заботливое;
- к товарищам — преданное.

Мы определили и основные принципы жизни, которые также намечались внушить тебе: духовность, справедливость, самостоятельность, коллегиальность, честность, убежденность, скромность, непосредственность, смелость.

Когда мы обдумывали этот возможный ориентир твоего воспитания в семье, мы задумывались вот над чем: придерживаемся ли мы сами в нашей повседневной жизни тех же самых принципов? Тогда бабушка, полушутя, полусерьезно, сказала нам: «Вам придется воспитывать сына, а заодно и самих себя!» Мы приняли это со всей ответственностью.

Книги

Школьные дни радовали тебя. Изменилась жизнь, появились новые товарищи, новые заботы. Твой статус в семье стал другим — ты школьник, ты ученик, ты уже взрослый. Твой статус изменился не столько формально, сколько по существу: мы отдавали должное тому, что ты у нас уже школьник, и обращались с тобой

как с серьезным мальчиком, имеющим свои обязанности...

В школе праздник «подготовишек». Ты принес нам красочно оформленный пригласительный билет, в нем ты сообщал нам: «Мои любимые мама и папа! Мы закончили изучение всех букв. Теперь я смогу сам читать книги и буду много читать. Приглашаю вас на наш праздник Букваря».

Праздник получился на славу. Было много мам, пап, бабушек и дедушек, сестер и братьев. Ваши танцы, песни, декламация очаровали нас, и мы аплодировали с восхищением.

Дома торжества продолжались. Все соседи узнали, что наш Паата научился читать и писать, они поздравляли и тебя, и нас. Мы с благодарностью принимали поздравления, и ты видел, ощущал, как мы гордились тем, что наш сын перешагнул первый важнейший, может быть, самый важный рубеж в познании.

Что значит уметь читать и писать? Нельзя смотреть на это величайшее открытие человечества упрощенно. Письмо и чтение придумано вовсе не для развлечения. Оно такое же орудие в жизни человека, какими были впервые укрощенный огонь, первые каменные топоры, первый деревянный плуг, первое колесо, первый паровой двигатель, первая вспышка электрической лампочки, первый трактор, первый телевизор, первый атомный ледокол, первый спутник Земли, первый космический корабль.

Умение владеть грамотой — это универсальное умение для постижения всех наук, оно — наука о хранении и обогащении культуры и цивилизации, о пользовании их плодами. Оно — крылья для человека, помогающие ему залетать в прошлое и будущее, общаться с поколениями прошлого и грядущего. Оно — глаза человека, направленные на постижение своей души, собственного «я». Чтение — опора духовной жизни лю-

дей, письмо — форма проявления заботы о будущих поколениях.

Современный человек, человек будущего не может жить без книги. Чтение в его жизни — это важнейший способ восхождения, самосовершенствования, самообразования.

Так я смотрю на умение читать и писать, потому и радовался тому, что ты овладел этим волшебным даром человеческой природы. Но владеть даром — это еще не все, надо уметь пользоваться им, надо уметь любить и ценить его. И у нас в семье возникла особая забота — приобщить тебя к чтению, к книгам, дать почувствовать радость познания через чтение, счастье общения через чтение; пристрастить тебя к книгам и дружбе с ними.

Как это сделать?

Завалить тебя многочисленными красочными книгами?

Требовать от тебя, чтобы ты в обязательном порядке читал по несколько страниц каждый день?

Приводить тебе недвусмысленные устрашающие примеры, к чему через годы может привести недружелюбное отношение к книгам?

Втолковать тебе, что чтение необходимо для твоего умственного развития?

Это верно — полноценное, многостороннее развитие становящейся личности невозможно без чтения духовно обогащающих книг.

Может быть, прибегнуть к рафинированным традиционным приемам вроде такого — начать читать тебе увлекательный рассказ и прекратить чтение на самом «интересном месте» с надеждой, что хоть теперь ты сам возьмешься за чтение?

Наша воспитательная практика не смогла опровергнуть все эти пути воспитания потребности и интереса к чтению. Мы и не намеревались это сделать. Может быть, следует оправдать всякую методику, которая

будет способна в какой-то степени пристрастить ребенка к чтению. Но мы предпочли воспользоваться ими лишь в той мере, в какой они могли стать полезными в более общей системе. А этой общей системе, этому главнейшему методу воспитания потребности и интереса к чтению мы подчиняли семейную атмосферу чтения, атмосферу культа книги в семейной жизни.

Я убежден: ребенок легче пристрастится к чтению, если вся семья, все взрослые члены семьи проникнуты этим пристрастием; если родители постоянно разыскивают новые книги, радуются приобретению интересной книги, ведут разговор о прочитанных книгах, заботятся о скорейшем возвращении одолженных им книг, тревожатся о книгах, которые дали почитать другим сами, берегут книги, любят стоять у своих книжных полок и вновь возвращаются к некоторым из них, устраивают семейное чтение книг. Чтение должно царить в семье, и, надышавшись этой атмосферой, ребенок без особого труда, без болезненных переживаний настроится на чтение.

Почему ребенок, так безудержно стремящийся к школе, объявляя своим чуть ли не единственным мотивом учения чтение и письмо, после овладения грамотой вдруг начинает отказываться от книги? Мама и папа отчаиваются: «Ребенок не любит читать!» Принимаются принудительные меры. И порой случается, что ребенок настроивается враждебно против книги на всю жизнь.

Причина тут проста: ребенок пока еще не почувствовал вкуса к чтению, он знает буквы, но не умеет читать. Он может прочесть слова и предложения, но не умеет понять читаемое. Озвученные буквы пока еще не приобретают для него смысла.

И вот в этой общей семейной атмосфере чтения мама и папа должны найти время, чтобы посидеть со своим ребенком минут пятнадцать и в спокойной обстановке помочь ему прочесть страницу-две из детской

книги, книги сказок. В спокойной, подчеркиваю я, ибо не так уж трудно потерять самообладание, слушая, как ребенок читает медленно, какие он допускает «элементарные» ошибки, как он «не способен» понять прочитанное. И чем больше мамы и папы будут терять равновесие и изливать свой гнев, тем больше оттолкнут своих детей от чтения. Нельзя научить ребенка читать, одновременно укоряя его за то, что он не может читать.

В семейной атмосфере чтения, обстановке крайней доброжелательности мы смогли воспитать в тебе потребность к чтению книг. А с помощью подбора книг развили в тебе вкус к высокохудожественной литературе и разносторонние познавательные интересы к научно-популярной литературе.

На это потребовались годы.

Мы радовались, когда ты предпочитал остаться без игрушки ради покупки интересной книги; мы радуемся, видя, с каким вниманием ты рассматриваешь книги в книжных магазинах, как осторожно их выбираешь.

Ты создал свою библиотеку и дорожишь ею.

Люди многому радуются, и многое их огорчает. Они радуются, видя сердечного друга, радуются, достигнув успеха, радуются своим добрым делам. Они огорчаются своим неудачам, потере друга, болезни близкого.

Книгу же может радовать только одно: когда ее читают; и огорчать тоже только одно: когда ее не читают. Книга безгранично рада, когда переходит из рук в руки. Она радуется доброму отзыву о ней, о ее авторе, спору о вопросах, поднятых ею. Значит, она приносит пользу людям, помогает им в жизни, в укреплении веры, личной позиции.

Безгранична скорбь книги, если ее забывают на полке; стоит она с неразрезанными еще страницами и напрасно ждет того, кто раскроет ее, прочтает, проникнет в ее душу, извлечет из нее из сокровища мудрости, знания и опыта поколений.

Лежит такая книга на забытой полке и медленно умирает.

Книга приобретает жизнь, когда ее читают до поздней ночи, кладут под подушку, на письменный стол; радуется, когда кладут ее в карман, достают и раскрывают в любое свободное время, читают в метро, в трамвае. Она радуется тому, что, сопровождая тебя, заполняет твою духовную жизнь.

Книга огорчается, когда рассматривают ее невнимательно, оценивают поверхностно, не вникают в ее суть, не следуют ее добрым советам. Огорчается и тогда, когда ты не хочешь вынести из ее содержания то, ради чего она и появилась на свет.

Книга радуется, когда, работая над ней, делают на ее полях пометки, подчеркивают карандашом строки, берут ее в свидетели для того, чтобы подтвердить или развить ту или иную мысль, идею.

Книга с болью в сердце переживает за своего необразованного владельца и гордится образованным и начитанным хозяином.

Книга предпочитает постареть и потрепаться в чтении, чем умереть на красивой полке, прожив много лет в ожидании своего читателя.

Книги, как преданные гвардейцы, всегда готовы бороться за победу добрых идей людей, бороться против тьмы и невежества. Но вести этих гвардейцев в бой должен человек, стремящийся овладеть вершинами наук и властвовать в «царстве мысли».

В начале 70-х годов в нашей жизни не было еще компьютеров. Сейчас компьютер — особая сфера педагогики. Компьютер начинает входить в каждую семью, он все больше становится необходимым в трудовой деятельности человека. С помощью компьютера и Интернета человек может войти во всемирную информацию и непосредственное общение с людьми на расстояниях. Конечно, это великое благо.

Но будет ли благом, если ребенок, наученный пользованию компьютером и Интернетом, применяет эту технику для дурных развлечений, для извлечения грязной информации?

Сейчас педагогика компьютера и Интернета сводится к выработке навыков их применения. Но забывается самое важное — культура их применения. Культура отведет человека от использования современной мощной техники во вред самому себе и другим.

Культура отношений ко всему была самой важной задачей для нас в воспитании сына.

— Что тебе привезти из Германии? — спросил я сына, когда мы с женой уезжали во Франкфурт-на-Майне в командировку. Было ему уже 25 лет.

— Купите компьютер, если будет возможность! — сказал он.

Мы купили самый дешевый компьютер.

Кстати, произошла забавная история: немецкие таможенники объявили нам, что вывозить компьютеры из ФРГ в СССР запрещено. Пока мы упрасивали таможенников, обслуживающий багажным отделом просто взял два незарегистрированных ящика с компьютером и бросил на конвейер. Мы подумали, что ящики конфисковали. И грустно направились к самолету. Буквально перед вылетом в салон вошли двое работников спецслужбы и остановились перед нашими креслами. Потребовали билеты и паспорта и долго их рассматривали. Потом вернули их и вышли.

А когда мы прилетели в Москву, то увидели, что наши ящики с компьютером прибыли вместе с нами.

Сын встречал нас в аэропорту Шереметьево.

Культура к вещам, которую мы воспитывали в нем, сделала свое: компьютер помогал ему — молодому социологу — обрабатывать результаты опросов и исследований, строить разные модели, готовить тексты. На компьютере он начал писать свои повести, романы, фантастические рассказы.

«Дэда эна»

Ты раскрываешь свой первый учебник — «Дэда эна» («Родная речь»). Чего ты от него ждешь? Кого ты там будешь искать? Мало сказать — ты начинаешь новую жизнь.

С раскрытием своего первого учебника ты начнешь входить в безграничный мир знаний, мир чудес. Как хорошо жить на свете, когда есть что узнавать, к чему стремиться, что делать! Как хорошо жить, когда можешь радовать людей!

А ты знаешь, кто создал твою первую книгу? Да, конечно же. О Якове Гогебашвили мы тебе многое рассказывали, о нем говорили тебе и в детском саду. В Грузии его знают все. Это он, великий педагог, провел много бессонных ночей, чтобы сотворить для тебя чудо — учебник который приобщит тебя к радости познания, зажжет в тебе любовь к родному языку и к учению.

«Дэда эна» выведет тебя на большую дорогу, ты проникнешь в глубины прошлого, познаешь сегодняшний день, шагнешь в наше завтра.

Мы, взрослые, листая страницы «Дэда эна», всегда восхищаемся теми «тропинками», по которым великий педагог вот уже более ста лет вводит поколения юных в царство мысли, восхищаемся тем богатством красок природы и человеческих отношений, которое с жадной ты будешь познавать.

По этим «тропинкам» ты пройдешь через леса, реки, поля и горы своей Родины. Ты увидишь, как трудятся люди, строя новые дома, мосты, заводы, фабрики, выращивая виноград, собирая чайный лист. И в тебе тоже зажжется искра желания стать рядом с твоими близкими и родными, с людьми труда, работать и учиться, помогать друг другу.

На этом пути ты встретишься с маленькой Нуцой, которая посадила своих кукол, как в школе, и учит их

читать. Ты похвали ее, скажи ей доброе слово, она будет рада.

Ты увидишь доброго Сандро, который хочет, чтобы его больная сестра как можно скорее избавилась от недуга, и делает все ради ее выздоровления.

Ты увидишь Гиглу, которого солнце упрашивает бросить уроки и выйти поиграть во двор. Но он верен себе и отвергает приглашение. Значит, есть с кого брать пример!

С тобой повстречается Ваню, который мучает пойманную птицу и даже хочет убить ее. Возмущайся, пожалуйста, его поступками, дай волю птичке.

Ты прочтешь о злом мальчике, который обижает маленьких. Защити их от него.

Где-то в поле ты увидишь отару овец и услышишь голос маленького пастуха, который ради балагурства поднял тревогу, будто его окружили волки. Но когда волки действительно напали на его отару и он позвал крестьян на помощь, они ему не поверили. Ты, сынок, конечно, осудишь и его поступок.

Усердно следи за страницами «Дэда эна». Это мудрый учебник, потому что великий педагог его создавал «умом и сердцем своим...».

Так я размышлял тогда, десять лет тому назад, наблюдая, как ты впервые приступил к чтению рассказов и стихотворений в своем первом учебнике.

Тебе было трудно читать, ты читал по слогам, медленно, порой не понимая смысла прочитанного слова и предложения. Это пугало тебя, и ты бывал не прочь бросить чудеса интеллектуальных походов и отдаться радостям игры. Но терпеливое требование взрослого — довести дело до конца и помощь в понимании сути читаемого в конце концов сделали свое.

Ты нашел золотой ключик с таким же трудом, как Буратино, и вошел в мир удивительной действительности с таким же нетерпением и радостью, как Буратино.

Познание

Пока ты учился в начальных классах, занимаясь с тобой, мы больше заботились о твоём общем развитии. Ум, сердце, руки — это то же самое, что и решать, переживать, делать. В этом треугольнике, по нашему мнению, заключена суть общего развития, но, разумеется, этим не исчерпывались другие стороны целостности твоей личности, которые тоже находились в поле нашего воспитания.

Твои «почему» и «а что, если» удесятерились после первых же школьных уроков. Мы принимали это за усиление твоей любознательности, которую надо было не только удовлетворить, но и развить дальше. Но я, право, не могу утверждать, что все наши «потому что» действительно служили стимулом возникновения следующих серий «почему».

«Почему у человека одна голова?»

Что мне тебе ответить?

«А что, не хватает тебе одной головы? Хочешь иметь две-три головы?»

Конечно, это не ответ. И ты продолжал: «А почему бы и нет? Когда одна голова начнет читать, другая в это время может петь, третья решать задачи! Это было бы здорово!»

«Но ведь эти разные головы на одном теле будут разными людьми? Одна радуется, другая — плачет... Ты нарисуй, пожалуйста, мальчика с несколькими головами. И, наверное, каждая голова захочет иметь свои собственные руки и ноги. Интересно, что получится, если одна голова прикажет ногам пойти в школу, другая захочет забраться на дерево, а третья будет спать в это время крепким сном!»

Тебя веселит такая несуразица, и ты начинаешь сам воображать более конфликтную ситуацию: «Они могут разорвать свое тело, если одна захочет побежать

вправо, другая — влево, третья захочет прыгать, а четвертая не сдвинется с места!»

«А ты знаешь, в мире пока не обнаружено ни одного существа, имеющего две или больше голов, если не будем считать отдельные отклонения. Как ты думаешь, почему?»

Твое «почему» теперь рикошетом возвращаю тебе же, и ты объясняешь мне: «Может быть, ученые еще найдут... Но нет, не будет такого существа, двухголового, — к чему это?»

На этом мы исчерпали вопрос, целесообразно ли иметь несколько голов. Ты еще раз вернулся к нему, чтобы окончательно уяснить его для себя: нарисовал забавное существо — на одном теле три головы мальчика, шесть рук и шесть ног; руки и ноги дерутся между собой, одна голова выражает радость, другая заливается слезами, третья же показывает язык. Мы с тобой много смеялись над этой фантазмагорией...

«В школе одна девочка сказала, что существуют растения-хищники. Я ответил, что таких растений не может быть. Как может растение схватить кого-нибудь и съесть?» Ты доволен своей логикой и хочешь, чтобы я подтвердил твои доводы: «Ведь правда?»

Но, право, я не знаю, существуют ли в действительности такие растения. Не могу же я все знать!

«А может быть, и вправду существуют такие растения? Почему, по-твоему, они не могут существовать?»

«Не могут, потому что у растений не бывает рук, чтобы что-либо схватить, и еще у них нет зубов, чтобы съесть схваченное. Не будет же растение гоняться за зайцем, чтобы схватить и съесть его?»

«Ты так и доказывал своей подруге?»

«Да, и она согласилась, сказала, что, наверное, ошиблась...»

«Может быть, было бы лучше проверить все это? А вдруг она права?»

«А как проверить?»

Мы шли из школы. По дороге детская библиотека. Мы зашли в библиотеку и объяснили доброй тете-библиотекарше, какой нас интересует вопрос. Она предложила нам поискать ответ в детской энциклопедии «Что такое? Кто такой?». В третьем томе мы и наткнулись на «что такое» «растения-хищники». Стало ясно, что кто-то девочке из этого тома вычитал или рассказал о растениях, коорые вправду умеют ловить и охотиться за комарами и мошками и подкармливаться ими.

Мы с тобой с большим интересом прочли статейку о растениях-хищниках, долго рассматривали цветные рисунки этих растений.

«Как теперь быть? Ведь девочка оказалась права!» Ты молчишь.

«Как ты думаешь, как бы я поступил на твоём месте?»

«Завтра, когда увижу ее в школе, скажу, что она была права. Она еще не все знала о растениях-хищниках, я расскажу ей!»

Я одобряю такое намерение.

На твои «почему» и «а что, если» ты редко получал от нас прямой ответ. Мы или направляли твои суждения, чтобы ты сам нашел его, или учили тебя пользоваться справочной литературой...

Ты очень любил играть в морской бой. Мне нравилась эта игра: она развивала в тебе точность, сообразительность, развивала твои эмоции. Мы брали два листка из тетради в клетку, и каждый для себя очерчивал на нем водные границы своих кораблей: 10 x 10 квадратов. Вертикальную линию мы нумеровали цифрами от одного до десяти, горизонтальную — буквами от «а» до «к», внутри зарисовывали корабли, количество и водоизмещение которых мы заранее обговаривали, и начинали бомбить.

«В-4», — твой «снаряд» взорвался впустую, не попал.

«Д-8», — мой «снаряд» тоже взорвался, минуя твой кораблик.

Постепенно мы обнаруживаем местонахождение кораблей «противника» и точными ударами снарядов топим их. Но часто получалось так, что ты на один выстрел «опережал» меня и торжествовал свою победу. Эта игра развивала в тебе также терпеливость и сосредоточенность. Больше часа ты мог находиться в бою, не уставая и не ослабляя внимание...

Задачи

Мы предлагали твоему уму разные познавательные задачи: загадки, ребусы, кроссворды, занимательные примеры по языку и математике. Я искал их в методических книгах, детских журналах, придумывал сам. Из класса в класс задачи усложнялись. Вот некоторые из них.

Мы находимся в лесу. Осень. Солнце.

«Давай измерим, каждый для себя, сколько шагов между этими деревьями. А потом скажем, у кого сколько получилось!»

Ты согласен. Мы выбираем точки от и до и начинаем мерить.

У меня получается десять шагов, у тебя — пятнадцать.

Ты в подготовительном классе, до шести лет не хватает еще трех месяцев. И поэтому твой ответ не удивил меня: «Ты, наверное, ошибся... Вот, смотри!» Ты начинаешь шагать и громко считать: «Раз, два... десять... пятнадцать! Вот видишь?» Я поступаю так же: «Раз, два, три... десять! Вот видишь?»

Ты задумываешься. «Измерим вместе!»

Мы становимся бок о бок у дерева и начинаем одновременно шагать. Ты считаешь громко: «Раз, два,

три, четыре...» Но получается, что я оказываюсь впереди, а ты отстаешь, и когда ты сказал «десять», я уже был у второго дерева.

«Почему ты бежишь! Иди вместе со мной!»

Опыт повторяется еще несколько раз.

«Почему ты делаешь такие длинные шаги?»

«А у меня такие шаги!»

«Я понял... ты измеряешь длинными шагами, а я — короткими, поэтому и получается такая путаница!» Ты радуешься своей догадливости.

«Но какое расстояние между этими деревьями, неужели нельзя установить?» Я еще не вполне «пониманию», в чем дело.

Ты объясняешь: «Моими шагами расстояние между этими деревьями пятнадцать шагов, твоими же шагами — десять... у тебя же большие шаги, понимаешь?»

«Ага, да-да, понял!» И тут же предлагаю тебе измерить то же самое расстояние другими мерками — палками, у которых длина разная...

Ты знал всего шесть или семь букв, когда я предложил тебе следующего рода задачи: на листке бумаги рисовал два кружка, а в них записывал по 10—15 букв, среди которых 3—4 были тебе знакомы, остальные же — еще не изучены в школе, а затем давал тебе разные задания.

«Вот тебе карандаш. Перечеркни в этих кружочках все буквы, которые ты еще не знаешь». Или же: «Соедини красными линиями знакомые тебе буквы из первого кружка с теми же буквами из второго... Соедини синими линиями незнакомые тебе буквы из первого кружка с теми же буквами из второго».

Тебя увлекали такие задания. Ты начинал сам разгадывать значение незнакомых букв или же заставлял нас всех дома учить тебя буквам, и получалось так, что ты научился грамоте на полтора месяца раньше, чем это полагалось по школьной программе.

Забавная история получилась у нас и в связи с письмом. Мы условились с тобой, что кружочками будем обозначать любую букву, а тонкими полосками четырехугольника — любые слова. И так как ты уже владел способом звукового анализа, то сразу овладел и способом записи слов. Ты мог проговорить слово медленно, выделить последовательные звуки и записать кружочки вместо самих слов (пока ты их не знал); постепенно ты начал писать слова, смешивая в них кружочки, обозначающие незнакомые буквы, и сами буквы, которыми ты уже владел. Очень скоро мы заметили, как кружочки были вытеснены из записанных тобой слов, их место заняли буквы.

Примерно так же ты «писал» предложения: ты чертил на листке, вдоль горизонтальной линии, узкие прямоугольники, одновременно раскрашивал каждый из них и проговаривал слово, которое оно обозначало. Но тебе часто приходилось самому читать нам свои слова и предложения, ибо кроме тебя никто их, наверное, не смог бы разгадать.

У меня сохранилось несколько таких листков. Там написаны слова и предложения: часть из них продиктована мною, большую же часть придумал и записал ты сам. Много чего было написано тобою на этих пожелтевших уже страницах, вырванных из ученической тетради. Содержание каждого упражнения я записывал сразу, когда ты «читал» их мне. Кроме того, разгадать твои ребусы мне помогали и твои рисунки, отражающие предметное содержание слов и предложений...

Среди сочиненных мною задач тебя и твоих товарищей особенно позабавила одна из них, которую ты решал в течение нескольких дней. Ты был тогда во втором классе. К тебе пришли двое одноклассников поиграть. Я тоже играл вместе с вами в настольный футбол. В доме стоял гул, какой бывает на стадионе, когда забивают гол в ворота «противника». Во время перерыва

я рассказал вам историю, она привлекла ваше внимание, и вы все потребовали карандаш и бумагу, чтобы заняться вычислениями...

«Знаете ли вы, что, оказывается, сын может стать старше своего отца? Такое, конечно, вы никогда не слышали, разве что в сказках. Поэтому к моему заявлению отнеслись недоверчиво: «Такого не может быть никогда!»

Я должен был поколебать вашу уверенность.

«Очень даже может быть. Вчера я встретился в троллейбусе со своим другом, математиком, Паата его знает, и он рассказал мне, что один ученый-математик с помощью расчетов пришел к выводу, что сын может догнать и перегнать в возрасте своих родителей. Так что могут появиться маленькие папы и взрослые сыновья».

Вы все уже заинтригованы. Я рассказываю вполне серьезно, ссылаюсь на науку и авторитет друга. Это правдоподобное введение в мою задачу насторожило вас. Вы забыли о том, что истекло время перерыва между таймами нашей игры. Пользуясь этим, я продолжаю:

«Вот смотрите: если отцу 19 лет, а сыну один год, то выходит, что отец старше своего сына в 19 раз. Правда? (Вы, разумеется, согласны.) Через год отцу будет 20 лет, сыну — два годика. Отец теперь уже будет старше сына в 10 раз, а не в 19. Тоже верно? (У вас, конечно, не возникают сомнения, что это действительно так, но я замечаю, как вы удивлены.) Проходит еще год — отцу уже 21 год, сыну — 3 года. Значит, во сколько раз теперь отец будет старше своего сына? («В семь раз!» Вы уже включаетесь в вычисления!) Спустя 15 лет сколько лет будет отцу? («36!») А сыну? («18».) Так во сколько же раз отец будет старше своего сына? («В два раза!» Вы уже верите в мою задачу!) Видите, как сын догоняет отца... Надо теперь высчитать, когда

они станут равны по возрасту и когда сын перегонит своего отца!..»

«А что сказал дядя-математик, спустя сколько лет это наступит?»

«Он не успел рассказать историю до конца, он сошел с троллейбуса раньше!»

Вы бросаетесь к карандашам и бумагам и приступаете к вычислениям. Построили длинные столбики чисел. Ясно видно: разрыв в возрасте сокращается катастрофически. Вы начинаете путаться в своих вычислениях, пробуете начать все заново — и расходитесь с намерением продолжить решение задачи дома.

Все это время я вместе с вами вычислял разрыв в возрасте отца и сына, я тоже путался в цифрах и тоже выражал решимость поработать вечером.

Ты и твои товарищи были заняты вычислениями и на другой, и на третий день, вовлекли в это дело и других в классе. И, разумеется, в конце концов все пришли к выводу что надо вычислять, не во сколько раз «молодеет» отец а на сколько лет он старше своего сына. Вот эта разница никак не может измениться.

Вся эта затея, по моим наблюдениям, напрягла твои умственные способности и дала тебе еще одну возможность пережить радость познания.

А когда ты был уже в третьем классе, я задал тебе очередную задачу, достаточно известную из книжек по занимательной математике. Ты, конечно, ее не знал.

«Могу поспорить, что ты не сможешь справиться с одной задачей!»

Ты в это время занят рисованием.

«А какая задача? Почему не смогу справиться?»

«Да потому, что она потребует от тебя большого терпения, точности, внимания».

«Скажи, пожалуйста, какая твоя задача!»

Слушай. Встретился в поезде один богатый человек с нищим математиком и начал хвастаться, как мно-

го у него денег. «Хоть я и не знаю столько наук, сколько ты, но какая же польза тебе от твоей математики, раз ты такой нищий? — сказал он ученому. — Я разбогател, зная только простую арифметику сложения и вычитания». «А вы уверены, что хорошо знаете сложение и вычитание?» — спросил математик. «Еще бы!» — ответил тот. «А не хотите ли вы, чтобы в течение месяца каждый день я приносил бы вам сто тысяч рублей, а вы взамен в первый день дали бы мне одну копейку, на другой день — две копейки, на третий — четыре копейки, на четвертый — восемь копеек...» «То есть ты будешь приносить мне каждый день сто тысяч рублей, а взамен будешь брать у меня копейки?» — удивился богатый. «Да, буду приносить сто тысяч, а вы взамен давайте мне сумму вдвое большую, чем накануне». Богатый не хотел упускать случая нажиться и тут же заключил пари. «Давайте начнем с первого марта» — «Согласен» — «Будем держать пари до марта включительно», — позадничал богатый. «Согласен». И они приступили к выполнению своих обещаний, как договорились.

Тебя заинтересовала эта история: «А дальше?»

«А что дальше? Как ты думаешь, кто мог выйти победителем в этом пари?»

«Конечно, богатый... Он ведь каждый раз получал сто тысяч рублей и давал взамен копейки!»

Но задача заключается в том, чтобы высчитать до последней копейки, кто сколько получил, сколько выдал и сколько осталось чистой прибылью.

Прошла неделя, и ты со своими одноклассниками в конце концов решил задачу. Ты аккуратно переписал два столбика цифр. В конце листка твоим крупным почерком было написано: «Ура математику! За 31 день он отдал богачу 3 100 000 рублей, получил же 20 774 836 рублей 47 копеек. Чистый выигрывает составляет 17 574 836 рублей 47 копеек. Ура математику!»

Учение

Какое оно — учение?

Легкое? Трудное?

Конечно, учение — дело не из легких. Оно и не должно быть легким.

Если бы учение стало процессом времяпрепровождения, игрой, ребенок вырос бы умственно хилым, безвольным существом и к тому же еще беспечным.

Но нельзя, чтобы трудности учения стали заведомо непосильным для ребенка грузом. Не зная, как справиться с этой тяжестью, поднять которую так пытаются заставить его все, ребенок начинает ухитряться избегать его. И растет он опять-таки умственно хилым и безвольным существом.

«Наши школьные программы перегружены!» — слышу я повсюду, читаю в газетах. Мой опыт склоняет меня вместе с другими возмущаться толстыми учебниками, объемистыми домашними заданиями. Вместе с другими я жалею детей, которым так трудно успешно усваивать все школьные предметы.

Почему школьники все больше тяготеют к учению?

Почему многие из них считают, что учение — одно мучение?

Неужели детей пугают трудности умственной деятельности, трудности познания?

Нет, дети не из пугливых. Они не могут, они не хотят избегать трудностей, они ищут их и сами преодолевают.

Но они не хотят, я убежден в этом, чтобы их учили в школе так же, как учили детей в прошлые века. Они не хотят, действительно не хотят, чтобы им преподавали готовые знания и им оставалось бы только раскрыть рот и глотать их порциями.

Чего от них требуют учителя?

Внимательно слушать, безошибочно повторять, говорить наизусть, пересказывать в точности, списы-

вать с доски, отвечать на вопросы, вспоминать пройденное, не переглядываться, не списывать у товарища.

Но может ли ребенок научиться думать самостоятельно, если нет того, над чем можно думать, если нельзя поспорить с педагогом о «научных» проблемах, да никто и не даст повода поспорить. Так проходят годы, и, приученный повторять, подражать, заучивать, ребенок постепенно оказывается не в состоянии самостоятельно познавать, созидать и преобразовывать.

Мы как будто этого и ждем, чтобы еще раз ахнуть и мудро проговорить: «Какое пришло время — учащиеся не хотят учиться... А вот когда мы были школьниками, тогда, знаете, как мы учились!...» И как истинно заботливые взрослые, решаем ради будущего благополучия самих же детей принуждать их к учению.

«Детей надо принуждать к учению!» Что это, педагогическая аксиома?

«В ребенке злое начало, и его нужно подавлять силой». И это тоже педагогическая закономерность?

Нет, в современных учебниках по педагогике этих формулировок я нигде не прочел. Но, мне кажется, они трансформировались в другие формулировки.

Испокон веков существует уверенность в том, что только сила способна укрощать строптивый нрав ребенка. Рассмотрите, пожалуйста, поучительный альбом немецкого ученого Роберта Альта, в котором собраны репродукции рисунков, фресок, барельефов, росписей, оформления учебников, отражающих типичные сцены процесса обучения и воспитания, начиная с античной эпохи до позднего феодализма. Они вам объяснят, какое конкретное и разнообразное воплощение приобрела эта уверенность.

Раздетого мальчика силой удерживают двое его сверстников. Еще двое избивают его пучками прутьев. Рядом, среди мраморных колонн, учитель преспокойно продолжает свое занятие.

Бородатый учитель с чувством глубокого удовлетворения на лице тянет за ухо мальчика с искаженным мучительной болью лицом.

Мальчик со спущенными штанишками просунут между ступеньками лестницы, приставленной к стене, а учитель бьет его пучком прутьев по ягодицам.

Мальчика, на голову которого надета маска ослика с длинными ушами, посаженного на осла задом наперед, высмеивает весь класс, а педагог, довольный своим воспитательным приемом, размахивает палкой, пугая ребенка.

Мальчик, стоящий перед учителем на коленях, зубрит что-то по книге.

Педагог учит своих учеников, держа в левой руке раскрытую книгу, а в правой — пучок прутьев или палку.

Это последнее и есть суть портрета средневекового педагога: в левой руке — раскрытая книга, а в правой — пучок прутьев. Его нельзя представить без палки, без прутьев, без ремня, без других средств наказания.

Выросли из этих корней ростки некоторых современных способов обучения. Изменилось, конечно, очень многое, причем резко, бесповоротно. Однако для многих учащихся учение все же не превратилось в страстное увлечение, многие дети не находят в нем свой жизненный смысл.

Мне кажется, педагоги больше умеют заставлять детей учиться, чем побуждать их к учению, больше знают, как передавать знания, нежели — как вводить учащихся в «царство мысли».

Почему так получилось? Не в той ли дотянувшейся до нас уверенности, что ребенка можно обучать только путем принуждения, следует искать причину?

Перечитываю один за другим учебники по педагогике, ищу в них пытливых, веселых, неугомонных шалунов, ищу в них малышей, сдружившихся с Карлсоном, с Питером Пенном со своей шумной компанией,

Пеппи-Длинный чулок, с Томом Соьером и Гекльберри Финном, устраивающими ночные прогулки на кладбище, ищу наших девочек и мальчиков, юношей и девушек, спорящих о философии жизни в узких подъездах домов и укромных уголках дворов. Я знаю, их много, очень много, они составляют треть нашей страны. Хочу прислушаться к их звонкому голосу и песням, их шепоту. Хочу узнать об их стремлениях, радостях, огорчениях. Хочу заглянуть в их духовную жизнь. И, наконец, хочу получить от них откровенный ответ на вопрос: «Ради чего на свете отдались бы вы со всей свойственной вам страстью учению, этому необходимому, обязательному и высочайшему делу?»

Ищу я этих мальчиков и девочек, юношей и девушек в учебниках педагогики.

Но почему в этих храмах воспитания так холодно и зябко?

Почему здесь такое безмолвие?

Почему в них разгуливает педагог, нахмутив брови, в сопровождении легиона отметок?

Почему в этом саду, где круглый год должна царствовать весна, постоянно господствует зима?

Где птички, цветы, дети?

Где дети, ради которых создан этот сад и написаны эти учебники?

Мне кажется, что я нахожусь в саду Великана-эгоиста, оградившего от детей свой сад высокой изгородью и повесившего на ней вывеску: «Вход строго воспрещается». И только потому, что Великан изгнал из своего сада всех детей, в этом саду весны и радости вдруг воцарилась зима, замерзло все, далеко улетели птички. За изгородью кипела обычная жизнь, шалили дети, пели птички, менялись времена года. В саду же Великана властвовала мертвая зима. Раз Великан, грустивший о весне и не ведающий о причине вечной зимы, услышал пение птички и увидел поразительное

зрелище в своем угрюмом саду: в стене ограды в одном месте дети обнаружили маленькое отверстие и через него пробрались в сад, и только на этом месте вместе с детьми заиграла весна, каждое дерево, на которое удалось детям взобраться, начало цвести прекрасными цветами, на них сидели птички и заливались радостным пением. Но как только дети заметили подкрадывающегося к ним Великана, они страшно перепугались и сразу же убежали из сада, и в нем вновь воцарилась зима. Только один маленький мальчик не успел покинуть сад, ибо не увидел Великана.

В этой чудесной сказке Оскара Уайльда все кончается оптимистически. «Вот, оказывается, какой я злой!» Великан расчувствовался до слез. «Теперь-то я понимаю, почему весна не приходила сюда. Я посажу на дерево этого беднягу-малыша, а потом разрушу ограду, и дети у меня в саду будут веселиться всегда».

Великан горько раскаивался о прошлом. Он подкрался к мальчику сзади, нежно поднял его и посадил на дерево. Дерево сразу покрылось цветами, и птицы слетелись к нему и начали заливаться песнями. А маленький мальчик протянул ручонки, обнял Великана и поцеловал. Остальные дети, увидев, что Великан больше не злой, вернулись, а с ними пришла и весна.

«Теперь это ваш сад, мои милые детишки!» — сказал Великан. Он взял огромный топор и разрушил ограду.

Так брали топоры и разрушали ограды великаны мировой педагогики.

Витторино да Фельтре в начале XV века построил для детей «Дом радости».

Ян Амос Коменский в XVII веке строил «Великую дидактику», гарантирующую учителям и учащимся приятное, радостное обучение и основательные успехи.

Иоганн Генрих Песталоцци в XVIII—XIX веках в своих воспитательных учреждениях в Нейхофе, Станце, Бургдорфе и Ивердоне стремился к возбуждению

ума детей, к активной познавательной деятельности, этому учил он родителей.

Константин Дмитриевич Ушинский в XIX веке призывал к обучению, в котором серьезные занятия стали бы для детей занимательными, советовал учителям завоевать любовь своих учеников, изгнать из класса скуку и не оставлять ни на одну минуту ни одного дитя без дела.

Яков Семенович Гогешвили создал увлекательные учебники и книги для чтения, до сих пор являющиеся одним из светлых источников духовного мира нации.

Януш Корчак продемонстрировал суть и огромное значение истинной педагогической любви к ребенку в его преобразовании и воспитании, возможность направления детей на самовоспитание и самосовершенствование.

Василий Александрович Сухомлинский своей «школой радости» вселил в нас веру во всемогущую силу радости познания, во всемогущую силу утверждения в каждом школьнике успехов в познании, чувства доверия к своим способностям.

Каждый день в газетах пишут о творческих педагогах, о них рассказывают по радио и телевидению, — учителя эти творят современные чудеса на своих сорокаминутных уроках, они вводят детей в глубь науки, разжигают в них страсть к постоянному самообразованию, возбуждают в них любовь к учению.

И как было бы хорошо, если бы были созданы учебники по педагогике, в основе которых лежали бы принципы гуманного воспитания и обучения. Они, наверное, были бы пронизаны пафосом педагогической любви и уважения к детям, пафосом утверждения в них радости познания, пафосом нашего доверия к ним, нашего сотрудничества, совместного поиска, совместных открытий.

Я верю в силу воспитания и обучения, то есть воспитания и обучения с позиций самих же детей, с позиций гуманистических начал.

И еще верю, что в таком образовательном процессе, в котором ребенок окажется и в школе, и в семье, он полюбит учение, и трудности в учении и познании приобретут для него совершенно иной психологический смысл — они станут условиями переживания радости успеха.

Карлсон

Первое письмо от Карлсона, который живет на крыше, ты получил в день твоего рождения, 20 февраля. Ты был тогда во втором классе.

О захватывающей дружбе Малыша с Карлсоном, живущим на крыше, ты уже знал. В течение двух-трех недель, пока мы читали тебе книгу о них, ты жил жизнью Малыша и мечтал иметь друга с пропеллером. Ты готов был верить, что Карлсон действительно существует, что он живой человечек.

В семье в твои обязанности входило открывать наш почтовый ящик и доставать оттуда письма и газеты. На этот раз твое внимание привлек необычный конверт, раскрашенный в красный и желтый цвета. С его лицевой стороны на тебя смотрел веселый человечек с пропеллером на спине. На конверте крупным и нескладным почерком было написано: «Паате. Секретно! Секретно! Секретно! Карлсон с крыши».

Дома была только бабушка, и это облегчило твое положение: ты положил газеты на обычное место и со своим письмом от Карлсона залез под письменный стол.

Карлсон писал тебе: «Я Карлсон. Хочу дружить с тобой. Как только найду возможность, прилечу к тебе. Я же самый занятый человек в мире. Поздравляю с

днем рождения. Вчера я решил поступить в первый класс, прямо без прохождения нулевого. Я же самый талантливый, самый умный в мире. Хочешь, проверь: пришли три самые сложные задачи, я их сразу решу и пришлю обратно. Жду от тебя письма. Напиши, какую сказку ты читаешь. Пусть нашим паролем будет «Плим». Письмо я должен получить послезавтра. Положи его в такой же красочный конверт, как мой. Заклей его, напиши сверху адрес: «На Крышу. Карлсону. Секретно. Паата». А теперь до свидания. Карлсон. Плим».

Слова были написаны разноцветными фломастерами, строки шли зигзагами, буквы были то крупные, то мелкие, искаженные.

Спустя полтора года переписка с Карлсоном прекратилась. Он сообщил тебе, что срочно улетает далеко-далеко по очень важному делу. «Я вернусь когда-нибудь. Я ведь возвращаюсь всегда!» Некоторое время ты скучал по своему другу, по своей засекреченной и увлекательной игре.

Ты, конечно, вовсе не думал, что имеешь дело с настоящим Карлсоном, хотя как-то мы, напуганные твоим внезапным исчезновением со двора, нашли тебя на крыше нашего дома. Ты не открыл нам тогда своего секрета — зачем поднялся на крышу, что тебе там было нужно. «Так. Хотел посмотреть, что там!»

Ты мечтал иметь Карлсона — друга, тебе нужны были происшествия с секретами и паролями. Ты знал, что вся игра, длившаяся полтора года, — игра воображения.

Но могу поклясться, ты переживал все как настоящее и со всей серьезностью относился к каждому письму с Крыши, аккуратно отправлял Карлсону-невидимке свои письма.

Если тогда сказали бы тебе, что все это — шутка, и показали, кто бросает в наш почтовый ящик письма

от Карлсона и достает оттуда твои письма Карлсону, ты огорчился бы, наверное, не на шутку, обиделся бы до глубины души.

Почему ты получал письма именно от Карлсона.?

Зачем засекреченная игра именно с паролями?

И вообще, какова была цель всей этой затеи?

Эти вопросы ты никогда не задавал нам и, может быть, до сих пор думаешь, что мы просто баловали и развлекали тебя. Но это не так. Мы в эту игру заложили часть целей нашей семейной педагогики. Теперь, уже спустя десять лет, я открою тебе наш секрет игры, переписку с Карлсоном.

Нам надо было развивать в тебе вкус к познанию и зародить мотивы учения.

Надо было развить потребность и интерес к чтению.

Надо было научить тебя способам познания, учения, добывания знаний.

Надо было воспитать еще многое другое — вежливость, волю, верность своему слову, увлеченность...

Стать школьником — это еще не значит, что ты уже овладел своей профессией ученика. Как учиться и ради чего — ты не понимал. Все дети вначале тянутся к школе. Еще бы — меняется социальный статус. Но через несколько лет, может быть, спустя три-четыре года, обнаруживается, что у многих из них звонки на урок вызывают смутные ощущения тревоги, недовольства, скуки, страха; а звонки, возвещающие об окончании уроков, — чувство облегчения, радости, свободы. А ведь надо, чтобы все было наоборот.

Поэтому нам и надо было спешить воспитать в тебе радостное, доверчивое отношение к школе, учению, стремление к трудностям познания и учения. Бабушка, мама, я — все мы вместе и каждый в отдельности внушали тебе важность положения школьника, давали тебе наставления, как учиться, помогали разобраться в тех случаях, когда ты затруднялся. Но все это

была сухая, прямолинейная дидактика. Мы призывали тебя к тому, что было не под силу твоей воле. Да разве легко сесть за выполнение домашних заданий, когда из соседней комнаты доносятся до тебя знакомое «Ну, заяц, погоди!» — и заразительный смех сестренки. Ты то и дело вскакиваешь со своего рабочего места, но бабушка удерживает тебя: «Сиди, сиди, занимайся. Смотреть телевизор ты еще успеешь, а вот учиться будет поздно!» В конце концов ты начинаешь плакать: «Хочу посмотреть мультфильм!..» Тебе опять напоминают о твоих важных делах, но эти внушения не доходят до тебя. «Вот и не буду учиться, не буду учиться!» Ты начинаешь бунтовать.

Сейчас тебе хочется смотреть телевизор. Но надо решить задачу. Этого требует твое будущее.

Именно сию минуту хочется поиграть с товарищем. Но надо выучить стихотворение. Это тоже очень важно для твоего будущего.

Именно сегодня хочется пойти в цирк. Но надо написать сочинение. Без него будет страдать твое будущее.

Именно сейчас хочется пойти в парк и развлекаться на новых аттракционах. Но надо выполнять грамматические упражнения. Это тоже ради будущего.

И в твоём представлении это смутно осознаваемое светлое будущее становится невыносимым. Ты восстаешь против него, ты протестуешь, ты не хочешь принести ему в жертву действительно светлое настоящее, которое манит тебя фейерверком удовольствий.

Так сталкиваются в твоих переживаниях настоящее и будущее.

Ты выбираешь настоящее.

Настоящее и будущее сталкиваются и у взрослых, только на совершенно другом уровне — в самых верхних слоях сознательности. И они отдают предпочтение будущему ради своего же благополучия.

И вот такая получается ситуация: заботу взрослых о твоём будущем, о котором ты не имеешь понятия, ты принимаешь как покушение на своё настоящее, которое так тебе дорого и ясно. Говоря более обобщенно — добро, творимое людьми для тебя, ты принимаешь как зло против тебя.

Вот такая досадная ситуация, может быть, даже трагедия воспитания!

Позиция

Как можно выйти из этого положения?

Может быть, дать детям волю? Пусть делают, что хотят и как хотят. Пусть бегают и прыгают до усталости, пусть смотрят телевизор, пока не начнут слипаться глаза, пусть, наконец, займутся учением, когда вздумается. И все это мы можем подкрепить такими патетическими возгласами, что перед ними немногие смогут устоять: «Какое право мы имеем отнимать у детей детство! Ведь оно дается раз в жизни и длится всего несколько лет! Им нужна свобода!»

Но это ни больше, ни меньше как преступление перед детьми: мы будем губить их, оставляя в плену собственных импульсов и не направляя процесс развития способностей. Я не желаю дальше разбирать такой вариант, с позволения сказать, воспитания, приводящий к абсурдам.

Может быть, тогда выберем другую крайность: заставлять, принуждать детей подчиняться воле своих воспитателей, воле взрослых? Мы ведь будем так поступать, побуждаемые нашими добрыми намерениями. Мы накопили огромный жизненный опыт, овладели науками и потому прекрасно понимаем, какими жизненными качествами и знаниями они должны быть вооружены. В нашем воображении созданы модели того, какими со-

вершенными мы бы захотели видеть каждого из них. Да разве есть у нас столько времени «цацкаться» с ними, упрашивать и умолять, чтобы они делали то, что так необходимо для будущей жизни их самих же!

Такая точка зрения тоже имеет свои опоры в многовековой практике миллионов воспитателей. И здесь мы могли бы патетически воскликнуть: «Люди добрые! Да не видите ли вы, что дети ни на йоту не могут осмыслить собственное будущее! Не станем же мы поддаваться их капризам! Беритесь за них поостроже и не давайте волю вашим эмоциям. За вашу сегодняшнюю строгость и тумачи они горячо вас отблагодарят в будущем!»

Такая стратегия воспитания тоже не вызывает во мне особой симпатии. Я не могу принять ни хаотическое, было бы вернее сказать, безответственное воспитание, ни авторитарное, тем более императивное воспитание.

Я выбирая другую позицию. Она не золотая середина между предыдущими, а совсем другая — гуманная. И основывается она на мудрой классической формуле: «Ребенок не только готовится к жизни, но он уже живет».

Он живет настоящим, доставляющим ему радости и удовольствия. И только через эти радости и удовольствия он может увидеть смутные контуры будущего. Будущее является для него смутным потому, что оно окутано парами кипящего настоящего. Порой нам удается частично рассеять глубокие слои этого пара с помощью совершенной педагогической техники, и тогда надо спешить, чтобы ребенок умом своим успел заглянуть сквозь них в свое возможное будущее, увидеть себя таким, каким он может стать, будучи благоразумным и восприимчивым к советам взрослых и проявляя устойчивость к удовольствиям, манящим его в настоящее. Но такая педагогика ненадежна, она сможет доб-

ровольно направить ребенка на «путь истины» только на очень короткое время, после чего он забудет, каким он, оказывается, может стать.

Нет, лучше не так. Самую лучшую, радостную, жизнеутверждающую педагогику, как мне это представляется, мы получили бы, если бы нам удалось поселить будущее в настоящем, в настоящую жизнь ребенка впустить струю его будущей жизни, сделать так, чтобы цель нашего воспитания, скрытая за тридевять земель, поселилась бы на цветущем поле жизни ребенка.

Что у нас тогда получится?

Получится то, что настоящая жизнь детей будет насыщена сутью их будущей жизни. Получится то, что мы будем воспитывать детей с позиций самих же детей. А самое главное — мы будем располагать их к воспитанию. Истинная гуманная педагогика — это та педагогика, которая способна добровольно расположить ребенка к воспитанию, способна возбудить в нем стремление, бессознательное и сознательное, воспитываться, быть воспитуемым.

Взрослые часто сочиняют за детей тексты их выступлений перед публикой, а затем дети зачитывают их с высоких трибун. Зачитывают бойко. Мы радуемся глубоким мыслям, горячо аплодируем. Но стоит нам только освободиться от первых эмоций, как нас охватывает недовольство тем, что из уст детей лились мысли взрослых. Дети выпустили на нас струю нашей же мудрости. Мы возмущаемся: «Пусть дети сами говорят за себя! Пусть говорят, что думают! Пусть воспримут они наши мысли сердцем и умом своим, а не кончиком языка!»

Пусть, давно пора.

Но я все-таки решил сочинить короткое выступление представителя детского парламента, обращенное к взрослым. Хотя оно сочинено мною вместо де-

тей, думаю, его сочинил бы любой ребенок, дай ему счастливый случай хоть на секунду осмыслить заботы воспитателей, взглянуть на свое будущее глазами своих воспитателей, пережить чувство любви своих воспитателей так же, как переживает его сердце этих воспитателей.

Тогда бы загорелось его маленькое сердце, и его осенила бы мысль, и он с детской искренностью произнес бы следующее от имени миллионов своих сверстников:

«Дорогие наши воспитатели, мамы и папы, учителя, милые люди, любящие нас и заботящиеся о нас!

Берите нас такими, какие мы есть, и сделайте нас такими, какими должен стать каждый из нас!

Мы будем сопротивляться, шалить, прятаться, хитрить, мы будем радоваться жизни и стремиться к удовольствиям. Ибо это в нашей натуре.

Зачем возмущаться тем, что у нас пока нет здравого смысла? Он придет к нам с помощью ваших добрых забот, может быть, не сразу и не очень скоро.

Не надо видеть в нас взрослых, себе подобных, а затем удивляться тому, как мы недогадливы, непонятливы, неблагодарны.

Лучше принимайте нас с нашими недостатками и помогите нам преодолеть их. Только уважайте наше чувство радости, которое мы находим в наших шалостях, неустанных играх, сопротивлениях, сиюминутных удовольствиях.

Принимайте все это как наши детские болезни, против которых вы никогда не сможете найти вакцины, и лечите нас так, чтобы не было нам очень больно, то есть не лишайте нас наших радостей.

Если окажется, что в нас мало усидчивости, мы ленивы, не желаем учиться, не надо ставить нам это в вину. Это не вина, а беда наша. Не будете же вы ругать человека за то, что он находится в яме, сам не пони-

мая, почему и как он туда попал? И не будете же вы ругать его за то, что он не может выбраться оттуда, а может быть, вовсе не догадывается, что надо выбраться? Скорее всего, вы проявите к нему доброту души, спустите ему веревку и научите, как подняться, можете ему выбраться на свет, а затем покажете, какой этот свет многоцветный.

Так помогите нам тоже пристраститься к познанию, к учению, научите, как надо добывать знания и совершенствовать себя.

Может быть, вам и не понадобится принимать все это как наше несовершенство, а будете воспринимать его как формы нашего движения? Это было бы лучше всего.

Дорогие, милые наши воспитатели! Попытайтесь обнаружить в душе каждого из нас засекреченное местечко, где затаилось наше расположение к вашим намерениям. Может быть, вы там найдете гены, на которых ваш разум прочтет нашу молитву, несущуюся из глубины веков: «Мой воспитатель, воспитай меня достойным Человеком!»

Нам трудно понять вас. Потому мы и дети.

Вы должны разгадать нас. Потому вы и взрослые».

Не слишком ли я отвлекся от писем с Крыши? Не получается ли так, что всю эту тираду я посвящаю обоснованию бесконфликтного воспитательного процесса, построенного на выдуманных играх и шутках? Как было бы прискорбно мне, если бы кто-нибудь действительно пришел к такому выводу, знакомясь с моим откровением. Я стремился изложить общий подход к воспитанию в целом, в котором засекреченная переписка с Карлсоном является одним из способов его раскрытия. И чтоб никто не схватил меня за горло: «А ну-ка, гони скорее свою педагогику!» — поспешу заявить: я сам ее ищу, давайте искать вместе!

Письма

От прадедушки перешел к нам по наследству маленький сейф. В нем были две дверцы. Открываешь сперва одну — с несколькими крохотными ящичками. Там я хранил ваши — твои и твоей сестренки — молочные зубки, пряди ваших волос, таблички с номерами, обозначающими ваши первоначальные «имена» в родильном доме. Затем открываешь вторую дверцу — туда можно класть разные бумаги. У меня там хранились письма, которые я посылал вашей маме и получал от нее, когда она находилась в родильном доме. Здесь же я хранил ваши первые рисунки, листки, на которых были написаны вами первые буквы и слова.

Я любил открывать этот сейф и рассматривать содержимое. А тебя привлекал секрет открывания сейфа. Этот секрет я доверил тебе.

«Можно попросить что-то? Только если ты не обидишься!» Я в это время в очередной раз копался в своем сейфе.

«Можно, конечно. А в чем дело?»

«Ты не можешь подарить мне твой сейф, когда умрешь?»

«Могу, конечно! А зачем тебе этот сейф?»

«У меня есть тайна. Я хочу хранить ее там!»

«Тогда зачем же ждать, когда я умру? Может быть, сейф нужен тебе сейчас же? Надо же хранить тайну надежно!»

«Но он ведь пока нужен тебе!»

«Ничего. Мои бумаги не содержат особых тайн... Ты только вот что: сделай из досок такой же маленький ящичек, в который я переложу эти бумаги и вещицы!»

Ты смастерил мне ящичек и получил мой сейф вместе с ключом. Ты был рад и, взяв сейф, куда-то скрылся. Я знал, зачем он был нужен тебе.

Ты вкладывал в сейф письма от Карлсона с Крыши, а в твой ящик я клал твои письма Карлсону.

Прошли годы, и ты доверил мне сейф вместе с письмами. Я присоединил к ним хранящиеся у меня твои письма, разложил их по датам и запер в сейфе.

До последнего времени ты больше не вспоминал о Карлсоне. Означало ли это, что ты забыл о нем? Нет. Будучи в девятом классе, неожиданно для меня ты вдруг спросил:

«Скажи, пожалуйста, кто был этот Карлсон, который писал мне письма?»

«А ты помнишь его?»

«Как же не помнить. Я до сих пор жду его возвращения!»

«А зачем тебе Карлсон?»

«Он меня учил, я ему доверял... Вот почему. Скажи, вернется он или нет?»

«Откуда мне знать?»

«А куда пропал Невидимка, который писал секретные письма Нинульке?»

«Тоже не знаю!»

Письма от Невидимки твоя сестра получала два года. Она проходила приблизительно тот же курс воспитания, что и ты. Нинулька доверяла тебе свои секреты, она показывала и письма от Невидимки, согласовывала с тобой свои ответы.

«А кто этот Невидимка, тоже не знаешь?»

Ты улыбнулся своей доброй улыбкой, и я тоже улыбался. Наши улыбки говорили друг другу: «Конечно, знаем, мы все знаем!» Но я смог устоять.

«Я не знаком с Невидимкой!»

«Хорошо. Но все же передай Карлсону, и Невидимке тоже, пусть вернуться. Скоро мой день рождения!»

В твой день рождения ты получил поздравительную телеграмму от Карлсона...

Настало время сказать тебе, что в нашем сейфе хранятся не только письма с Крыши, но и письма, отправленные на Крышу. Ты этого до сих пор не знал.

О чем же вы секретничали в ваших письмах?

Вот о чем.

«Я придумал самый сложный ребус в мире. Разгадай его. Срок — два дня. Можешь ли ты придумать более сложный ребус, который я не смогу разгадать? Ха-ха! Пришли его срочно. Карлсон. Плим».

«Твой ребус я, конечно, разгадал: «Прометей». Ха-ха! Только там ошибка, пропущена буква «о», и потому получается «Прметей». А вот и мой ребус». Далее следует ребус в полстраницы и «Паата. Плим».

«Я очень занят важными делами. Выручай. Реши эту задачу за меня и вышли завтра утром. Карлсон. Плим».

«В твоём сочинении я обнаружил 25 орфографических ошибок. Вот они». Далее следует правильное написание 25 слов и «Паата. Плим».

«Я не знаю значения слов, которые подчеркнуты красным фломастером. Найди их объяснения в словаре и припиши в конце. Карлсон. Плим».

Прилагается вырезка из газеты, в которой подчеркнута десять слов.

«Мне нравится твой прием решения сложных примеров. Он предупреждает мои ошибки. Научи еще таким приемам. Паата. Плим».

«Советую тебе проявлять воспитанность — надо благодарить, когда тебя чему-нибудь учат. Только после этого я научу тебя другим приемам. Карлсон. Плим».

«Ура! У меня открытие. Если заранее два раза прочесть параграф, который завтра будут объяснять на уроке, то научишься в четыре раза большему. Если решать задачи и примеры, которые следуют за заданными, то понимаешь их лучше. Проверь это на собственном опыте. Карлсон. Плим».

«Я хочу знать, как ты рисуешь. Пришли мне несколько твоих рисунков. Паата. Плим».

«Последнее время мне не спится по ночам. Напиши мне длинную-предлинную сказку. Карлсон. Плим».

«Я обидел бабулю, и она не хочет со мной разговаривать. Посоветуй, пожалуйста, как мне с ней помириться. Паата. Плим».

«Ветер забросил ко мне эти три билета в цирк, я очень занят — работаю еще над одним научным открытием. Может, пойдешь ты с сестренкой и папой, а потом напиши мне обо всем, что там увидишь. Особенно о клоунах и отчаянных трюках. Карлсон. Плим».

«Большое спасибо за билеты в цирк. Было очень интересно». Далее следует длинный рассказ о впечатлениях и «Паата. Плим».

«Уже десять дней ты мне не пишешь писем. В чем дело? Может быть, ты заболел? Я поднялся сегодня на крышу нашего дома, но там не нашел тебя. Почему не отвечаешь на мои письма? А знаешь, что было у нас в школе сегодня? Далее следует рассказ об открытом уроке по математике и «Паата. Плим».

«В вашем учебнике для чтения напечатан рассказ о каком-то Малхазе. Говорят, рассказ очень интересный. Напиши мне его краткое содержание. Карлсон. Плим».

«Получил твой подарок. Все десять книжек я уже прочел. Спасибо, дорогой Карлсон! Посылаю тебе плитку шоколада. Ты ведь любишь шоколад? Паата. Плим».

«Я самый предусмотрительный человек в мире. Каждое утро составляю план на весь день, а каждый вечер делаю отчет самому себе — как выполнил план. Советую поступать так же. Карлсон. Плим».

«Вот тебе материалы для твоего доклада о пчелах. Какая у них удивительная жизнь! Все это я выписал из детской энциклопедии. Паата. Плим».

Прилагается выписка на двух страницах.

«Советую тебе прочесть за две недели «Винни-Пух и все, все, все». Я приступаю к чтению сегодня. Кто закончит первым, пусть напишет письмо со своими впечатлениями сразу же. Карлсон. Плим».

«У меня заболел зуб. Пошел сам к врачу. Он сказал, что зуб надо удалять и будет больно. Но я же самый храбрый: открыл рот, врач тянул-тянул щипцами мой зуб и еле вытащил. А я, как ни чем не бывало, ни звука, даже улыбнулся. Надеюсь, ты тоже храбрый. Ведь не зря я с тобой подружился. Напиши, как тебе будут вырывать зуб. Карлсон. Плим».

«Карлсон, когда же ты прилетишь ко мне? Ты же обещал! Мама вчера сказала, что я хороший мальчик. Может быть, открыть им тайну? Они никому ничего не скажут. Паата. Плим».

«Я уже посадил в нашем дворе деревце рядом с первым. Буду каждый день ухаживать за ним и поливать. Второе дерево, которое я посадил по твоему совету, назвал твоим именем — «Дерево Карлсона». Я покажу его тебе, когда ты прилетишь ко мне. Паата. Плим».

«Карлсон, не улетай! Я тебя очень люблю. До твоего возвращения я прочту сто книг, может быть, еще больше. Но ты не улетай. Скоро начнутся летние каникулы. Мы с тобой могли бы поехать в деревню к прабабушке. Она очень обрадуется. Обещаю, что буду дружить со всеми ребятами нашего двора. Мне не жаль своих игрушек, своего велосипеда для них. Не улетай, Карлсон!.. Возвращайся скорее! Я буду ждать тебя. Паата. Плим».

Карлсон улетел, оставив тебе свои 55 писем, часть из которых приведена здесь, и заставил тебя отправить ему 80 писем, часть из которых также приведена здесь.

Он учил тебя находить удовольствие в преодолении трудностей.

Он нацелил тебя на радость познания и учения. Он будил в тебе потребность к содержательной жизни.

Он дал тебе возможность ощутить красоту общения с людьми.

Карлсон улетел, оставив в твоей душе добрые воспоминания о детстве.

Когда вернется Карлсон?

Как — «вернется»? Ему никогда и в голову не приходило отдалиться от тебя. Он всегда был рядом с тобой. Он просто перевоплотился.

Отметки

Ты готовишь домашние задания. Они отнимают у тебя львиную долю времени. Твои учителя, по-видимому, решили придерживаться принципа «чем больше, тем лучше», имеющего под собой, как я убедился, наблюдая за тобой, песчаную почву. Из класса в класс объемом домашних заданий все возрастал и все чаще запирал тебя в твоей маленькой комнатке. Ты заучивал, списывал, повторял, выполнял упражнения, решал задачи.

«Какая скука и однообразие!» — сказал ты как-то раз, когда был не то в пятом, не то в шестом классе. Тебя начал тяготить сам процесс обучения. Может быть, это произошло потому, что отметки как побудительные силы потеряли для тебя всякий смысл — ты не стремился к ним, так как в семье мы не придавали им никакого значения. Пусть не обидятся твои учителя, которые ставили тебе отметки и порой ожидали нашей строгой реакции. Мы в нашей семье свергли этих идолов, эти цифры от одного до пяти. Наши отношения с тобой они никак не колебали, как не меняли наши планы и намерения по отношению к тебе. В общем, отметки не служили нам основой для твоего поощрения или порицания.

Почему мы так восстали против отметок? Нет, мы восстали не против них. Мы просто указали им свое

место — быть добрыми показателями качества знаний, но никак не устанавливающими погоду в нашей семейной жизни; быть надежным ориентиром в процессе учения, но никак не мотивом, определяющим суть этого процесса. Для нас было вовсе не все равно, ради чего учиться. Мы не хотели, чтобы ты учился ради отметок, ради похвалы и наград или из-за страха лишиться радости общения с нами, близкими тебе людьми. Мы избегали того, чтобы создавать тебе искусственные условия, которые бы вынудили тебя говорить нам неправду.

Мы больше интересовались не твоими отметками, а твоим отношением к знаниям, книгам, действительности, к людям, жизни. Мы интересовались развитием в тебе стремления к познанию и полагали, что к этому могут вести красота самой познавательной деятельности, могущество самих знаний, радость общения с окружающими, жажда к преобразованию и созиданию.

Разве могли помочь нам в этом деле отметки, пусть даже только «торжествующие пятерки», а тем более «обнадеживающие четверки», «равнодушные тройки», «угнетающие двойки» или, наконец, «уничтожающие единицы»? (Хорошо еще, что многие учителя как бы сговорились отказаться от единиц, насовсем уничтожающих личность ребенка.) Мы стремились воспитать тебя как личность. В нашей семье мы опровергали всякую претензию отметок представлять твою личность.

Хорош ли «отличник»? Плох ли «двоечник»?

Слышите ли вы, отметки! Какое вы имеете право делить на «хороших» и «плохих» детей, стремящихся к солидарности и созиданию? Как вы смеете пророчить им качества их будущей личности? Кто поручил вам внушать им чувства своего превосходства над другими или неполноценности среди других? Займитесь же вы, отметки, своим прямым делом: станьте добрыми, чуткими советниками детей на их тернистом пути учения,

поощряйте и только поощряйте их стремление познавать; помогайте и только помогайте им проявлять терпение в преодолении трудностей!

Я мечтаю о школе, в которой бы дети учились без отметок и принуждений; я верю, что такие школы будут созданы и тысячи детей обретут в них истинный смысл своей школьной жизни. Но для приближения такого будущего сперва надо, чтобы отметки уже сейчас лишились функции представлять личность школьника, регулировать его отношение с близкими ему людьми.

Беда, когда родителям мерещится их ребенок этойкой ходячей цифрой «пять», беда вдвойне, если только через нее видят они в нем нового человека. А какое может быть горе, если родители привыкли к мысли, что у них ребенок — ходячая двойка и от него не жди никакого толку. Видел я таких «хороших» пятерочников, в зачетную книжку которых жизнь поставила свою отметку — «негодный для труда и общений»; и видел многих плохих «двоечников», строящих потом новую жизнь, получивших от нее за это высокую оценку — «Человек».

Не перегнули ли мы палку, лишив отметки, которые ты получал, стимулирующей роли? Со временем становилось ясно, что отметки для тебя потеряли мотивационный смысл, и когда ты за своим рабочим столом выполнял домашние задания, отметки не плясали перед тобой танец с саблями, они не мерещились тебе во сне, не гонялись за тобой на каждом шагу.

Так не оказалось ли все это причиной того, что бремя учения стало тебя тяготить начиная с пятого или шестого класса?

Нет, игнорирование отметок в нашей семейной жизни тут ни при чем. Какая отметка может воодушевить школьника на каждодневное, в течение нескольких часов, терпеливое выполнение скучных и однооб-

разных операций, за которыми следовали обесцененные и тощие знания? Интерес к знаниям и вкус к познанию терялся не из-за отсутствия отметок, а из-за неадекватной деятельности, вызывающей скуку.

Задания

«Почему ты решаешь эту задачу? Кому она нужна?» Ты уже час бьешься над решением одной алгебраической задачи. Злишься, что не получается. Ясно, что допускаешь какую-то ошибку. Но я не могу тебе помочь хотя бы по той простой причине, что не знаю эту новую программу или забыл материал тридцатилетней давности. Главная же причина в том, что я в принципе против того, чтобы вместо тебя выполнять упражнения, решать задачи, чертить, рисовать, диктовать, писать сочинения, и все это называется родительской помощью своему ребенку — ученику.

Однако я попытаюсь помочь тебе в другом, в том, чтобы ты осознал суть своего учения, закрепил в себе мотивы познания, превратил эти скучные виды деятельности в творческие.

«Кому нужна она, эта твоя задача?»

«Не мне, разумеется!»

«Значит, твоему учителю математики? Удивительно, неужели он сам не смог бы решить ее? Зачем мучить своих учеников?» В конце нашей короткой беседы я сказал тебе: «Эту задачу и подобные ей задачи, которые даны в ваших учебниках математики, уже решали в прошлые годы несколько миллионов учащихся, и все они приходили к одному и тому же ответу. Их сегодня будут решать несколько миллионов твоих сверстников во всей нашей стране, а в будущие годы ими займутся другие миллионы. И все они придут к тем же ответам. Наука математики этими вашими поисками в решении

задач из учебников ничуть не продвинулась вперед. Но зато движутся вперед дети. Через такие познания они сами открывают двери разных наук, они входят в них, входят в трудовую жизнь и двигают ее».

Далее мы заговорили о том, какие могли бы быть последствия, если бы во всех учебниках, не только математики, но и других, все задания, задачи, упражнения были бы тут же решены и детям оставалось бы просто списать их и читать своим учителям. Ты смеялся: «Какая чушь!»

«Так вот, задачи эти специально придуманы для того, чтобы ты бился над ними и двигал себя вперед. Давай сделаем еще и так. Ты же знаешь, я не умею решать современные ваши задачи. Научи меня этим решениям, я буду твоим послушным учеником. В неделю два ты проведешь мне урок по уже пройденным темам и задашь домашние задания».

Так я стал твоим учеником. Сперва ты отнесся к этому с недоверием, но спустя несколько уроков ты убедился, с каким интересом и усердием я слушал тебя, задавал вопросы, выполнял задания. Ты начал давать мне и контрольные (и я наотрез отказывался получать отметки: «Зачем они мне. Я и так учусь!»), а затем предложил обучать меня географии и ботанике: «Они такие интересные!»

Мы нашли там другие способы учения и познания.

Если это был урок географии, мы путешествовали по странам и континентам, писали дневники наших путешествий, добывали знания и пополняли впечатления с помощью справочников, энциклопедий, словарей, специальной литературы, бесед с людьми, побывавшими в разных странах. Мы путешествовали по карте, на которой передвигали наши флажки и проводили линии нашего следования.

Если это была ботаника, то мы собирали гербарии в нашей окрестности, наблюдали за растениями, стави-

ли домашние опыты над ними. Чертили и раскрашивали фломастерами клетки, спорили об их свойствах и прибегали к источникам, чтобы доказать свою точку зрения и правоту.

Я, как твой ученик, стремился усвоить все, о чем ты мне рассказывал и что объяснял, выполнял твои задания честно, однако проявлял и самостоятельную активность и являлся «на уроки» с кучей дополнительной информации и вопросов.

Конфликт

Ты начал готовить доклады по разным темам и шел на уроки с этими докладами. Некоторые учителя давали тебе возможность читать их на уроках, и это стимулировало твои познавательные поиски. Хотя были и конфликты, которые чуть было не заставили тебя отказаться от такого способа готовить домашние задания. Вот один из них.

На уроке родной литературы учительница дала задание — подготовить пересказ содержания стихотворения об Арсене, народном герое (образец народного творчества). И, как полагалось, мы приступили к изучению этого стихотворения, очень интересного, эмоционального. Мы увлеклись им, и хотя оно длинное, выучили наизусть. Одновременно, рассматривая разные его издания, мы обнаружили, что текст в учебнике расходится с текстом в разных изданиях. Тебе не понравились сокращения и переделки, которым подвергли стихотворение составители школьного учебника. Установив эти расхождения, ты подготовил доклад со своими обоснованными доводами и пошел в школу.

А там случилось такое.

Учительница вызвала тебя отвечать. Ты начал высказывать свои соображения и готов был читать сти-

хотворение полностью, без сокращений и переделок, но тебя остановили.

«Это ты о чем? Я задала вам пересказ стихотворения своими словами, а ты говоришь совсем о другом? И зачем нам эти исследования?»

«Мне было жаль портить стихотворение, и я выучил его наизусть, без сокращений. По-моему, его не надо было сокращать и переделывать!»

«Постой! Постой! Какое тебе дело, как авторы учебника обработали стихотворение? И кто тебя просил опережать меня — учить его наизусть? Скажи честно: ты выполнил задание или нет?»

И хотя пересказать содержание было не таким уж трудным делом, ты проявил дерзость: «Нет. Так я не выучил и учить не буду.. Я предпочитаю знать его наизусть полностью!»

Учительница рассердилась не на шутку. Двойка была поставлена в журнал и в дневник. Меня вызвали в школу. Разговор состоялся в кабинете директора. Я объяснил учительнице наш способ подготовки домашних заданий.

Она категорически протестовала против того, чтобы ее ученики занимались не своим делом. Но директор, солидный седой человек, известный своими творческими поисками, спокойно сказал: «Софья Константиновна, может быть, вы все-таки подумаете о таком способе выполнения домашних заданий?»

Это я говорю тебе сейчас, спустя шесть лет. Но тогда, вернувшись из школы, я обвинял тебя в дерзости на уроке и просил извиниться перед учительницей.

«Ты будешь готовить свои доклады так же, как и раньше. Будешь читать их на уроках или внеклассных занятиях. Но проявлять дерзость перед кем бы то ни было, в особенности перед учителями, ты не имеешь права!»

Так, пытаясь тебе облегчить тяжесть домашних заданий, я добился этого лишь частично.

Что здесь было главным?

Думаю, изменение вида деятельности. Вместо того чтобы довольствоваться ролью наблюдателя, слушателя, зрителя, исполнителя, ты переходил на более важные формы деятельности — созидания и преобразования. Ты не просто усваивал знания, но добывал и открывал их, присваивал их, овладевал ими. В процессе такой деятельности ты преобразовывался сам, менялись твои отношения и позиции.

Деятельность... Как много значит она для становления человека! Но не всякая деятельность, а такая, в которую вовлекаются сердце, руки, мысли и чувства человека и направляются к тому, чтобы строить, совершенствовать, преобразовывать, открывать. Деятельность не созерцательная, а созидательная.

Будь моя воля, я бы запретил выпускать для детей игрушки, которые надо заводить или включать в электрическую сеть, а затем смотреть, как они двигаются, перемещаются. Я бы позаботился, чтобы конструкторы разрабатывали, а фабрики выпускали только такие игрушки, которые можно будет разбирать, собирать, опять разбирать, переделывать, перестраивать, комбинировать и находить новые варианты. Будь моя воля, я бы мало водил детей в кино, редко включал бы им телевизор; показывал бы им только такие фильмы и передачи, которые призывали бы их к сопереживанию, действию, созиданию и преобразованию. Зато дал бы им ведро с краской и щетку, чтобы красить заборы, дал бы молоток и гвозди — делать скамейки, дал бы чертежи и детали, чтобы строить самолеты и ракеты, дал бы им интереснейшие задачи, которые надо было бы решать посредством поиска необходимых знаний.

Будь моя воля, я бы поставил вопрос: почему некоторые школьные учебники не разговаривают с детьми дружески, не радуют их, не призывают, не помогают, а только пассивно отражают знания и ограничивают их лишь заучиванием содержимого в них?

Меньше созерцательной деятельности, больше созидательной — вот какой принцип клал бы я в основу устройства нашего педагогического государства.

Проголосовали бы дети за такую воспитательную систему?

Во мне говорит вера в детей, «устремленных в будущее», — они этого и ждут от нас.

Сказки

Мы читали и рассказывали тебе сказки каждый день, каждый вечер перед сном.

Твое упорство в просьбе рассказывать тебе сказки (к этому в дальнейшем присоединилась твоя сестренка) заставило меня заняться их сочинением. Сперва я сочинял их стихийно, но вскоре подумал, что надо ввести в них какой-то порядок, то есть рассказывать не обо всем, а о нравственных началах твоей личности. И хорошо, что всплыли тогда в моей памяти имена десяти братьев, которых моя бабушка в моем раннем детстве пересчитывала по пальцам. «Это Обито!» — говорила она, сгибая мой мизинец на левой руке. «Это — Робито, это — Джимши-то, это — Хозито!» Счет на левой руке заканчивался большим пальцем: «Это — Заал!» А затем бабушка продолжала считать пальцы на правой руке, начиная опять с мизинца и заканчивая большим пальцем: «Это — Зураб, это — Данацици, это — Дагургени, это — Бацки, а это — Пирдаубанели!»

Я не помню, связывала ли она эти имена с каким-либо сказочным содержанием, но я решил их сделать героями моих сказок, подружить тебя с ними и вместе с ними ввести тебя в сказочный мир. Главным героем этого мира я сделал тебя.

Раз вечером, когда ты и твоя сестренка уже приготовились ко сну и удобно устроились в своих кроват-

ках, я начал осуществлять свою пока еще не вполне ясную идею.

«Жил-был один мальчик, звали его Паата, и была у него маленькая сестренка, и звали ее Ниной. И были у них бабушка, мама и папа. И жили они в вечно солнечном городе Тбилиси».

Вы оба сразу запротестовали: «Это не сказка. Это правда. Расскажи нам сказку!»

«Я и рассказываю сказку. Потерпите, пожалуйста. Мама, папа и бабушка очень любили своих детей».

Опять протесты: «Это же правда. Это про нас, а нам нужна сказка!»

«Сейчас и начнется сказка. Раз в полночь, когда Паата спал глубоким сном, пришел к нему Обито. Он еле взобрался к нему на кровать и подполз к его уху. Ухо было прикрыто густой прядью курчавых волос, и Обито чуть было не запутался в ней. Он достал свою саблю и стал отсекал каждый волосок, который мешал ему добраться до уха спавшего крепким сном мальчика».

«Это в моих-то волосах запутался Обито? Не может быть!.. Кто этот Обито?»

«Конечно, не может быть. Ты ведь хотел сказку? Вот я и рассказываю ее. А Обито — один из десяти братьев, самый старший, ростом в мизинец. Так продолжать мне или нет?»

«Да-да... Обито добрался до уха...»

«Он сунул голову в ухо Пааты и прошептал: «Паата, надень, пожалуйста, свою куртку, бери свою саблю и пошли помогать Прометею похитить огонь у богов» — «Почему именно эту куртку, я же не люблю ее надевать?» — «Она волшебная. И, пожалуйста, поскорей, нас ждет крылатый конь». Вмиг мальчик был уже готов. «Куда ты?» — спросила его сестренка, которая проснулась в это время. Паата всегда доверял ей свои тайны. «Я спешу помочь Прометею похитить огонь у богов. Вернись скоро. Будь послушной» — «А ты будь

осторожен!» Паата посадил Обито в передний карман своей куртки, вскочил на своего крылатого коня и полетел помогать Прометею. Обито показывал ему дорогу среди облаков. В это время люди молили Прометея вернуть им огонь, который отняли у них несправедливые боги. Бесстрашный Прометей горячо любил людей. «Я похищу у них огонь для вас! Вы же не можете жить без огня!» Прометей двинулся к самой высокой горе — Олимп, где несправедливые боги пировали вокруг огня. «Видишь огонь и этих богов?» — сказал Обито Паате. Они теперь летели уже под облаками. Сверху им было хорошо видно, как пировали несправедливые боги. Под Олимпом же, в темной долине, люди мерзли без огня. «Нам надо спуститься к богам, только так, чтобы они не заметили нас сразу. А затем надо придумать что-нибудь такое, чтобы боги погнались за нами. Они забудут об огне, и тогда Прометей сможет сразу его похитить и вернуть людям». Паата и Обито спустились на тот склон Олимпа, который меньше всего был освещен огнем. Крылатого коня они оставили в пещере и начали обсуждать, как привлечь внимание несправедливых богов, пир которых напоминал им грохот грома. «Давай подкроемся к богам и неожиданно подыдем шум, станем дразнить их!» — сказал Паата. Обито понравился план Пааты. Они начали карабкаться через скалу. Было очень трудно. Поцарапали руки, разодрали колени, но ни Паата, ни Обито не обращали внимания на мучительные боли. Поднявшись на вершину Олимпа, они встали на ноги и что было мочи закричали, перекрыв грохот богов: «Боги, ваша несправедливость будет свергнута людьми!» «Кто они такие?» — удивились боги. Они все мигом встали и бросились на Паату и Обито. Паата схватил Обито, посадил в передний карман своей волшебной куртки и побежал вниз. Боги — за ним. В это время на вершину Олимпа поднялся Прометей. Он схватил огонь и закричал бо-

гам: «Боги, я похищаю у вас огонь! Помните, люди свергнут вашу несправедливость!» Боги растерялись. А когда пришли в себя, погнались за Прометеем, но было поздно. Прометей примчался к людям, освещая себе дорогу похищенным у богов огнем. Люди с восторгом встретили своего героя. «Мне в этом трудном деле помог храбрый маленький мальчик Паата, который незамедлительно примчался, как только мой помощник Обито сообщил ему о беде людской. Паата еще много раз будет трудиться для людей! А теперь пусть вернется он в свою кровать и заснет крепким сном».

«А я? Я тоже хочу помочь людям!» — сказала Никулька, как только я закончил сказку.

«В следующий раз, может быть, Паата возьмет тебя тоже, и ты поможешь ему справиться с другими делами!» — говорю я Никульке. Ты доволен сказкой.

На другой день перед сном я рассказываю другую сказку: о том, как ты вместе с Робито, вторым братом Обито, ростом с безымянный пальчик, освобождаешь Прометея.

На третий день тебя забирает Джимшито, чтобы доставить на корабле продукты и лекарства людям, потерпевшим кораблекрушение и оказавшимся на необитаемом острове. Джимшито, третий брат Обито, ростом со средний палец.

На четвертый день тебе приходится сажать волшебные яблоки, исцеляющие недуги людей. Рядом с тобой трудится Хозито, четвертый брат Обито, ростом с указательный палец.

На пятый день Заал, пятый брат Обито, ростом с мизинец правой руки, проверяет твою выносливость.

На шестой день и т.д., и т.п.

Рассказывая свои сказки, я часто переходил к прямому обращению к тебе: «Тебе стало жалко птичку. «Как я могу исцелить тебя?» — спросил ты. А она ответила...»; «Ты не захотел поступить так, потому что по-

нимал, как это нечестно. И ты подумал: «Человек всегда должен быть честным!»; «Ты разозлился не на шутку»; «Как вы смеете обижать маленького! Он же беспомощный!» И хотя силы были неравны, ты бросился защищать слабого от злых сил...»; «Чем мне обрадовать добрую старушку-соседку, прожившую такую сложную и полезную для людей жизнь?» — подумал ты. Ты начал каждый день заходить к ней, помогать в домашних делах, приносить хлеб и молоко из магазина...»

Эти мои сказки ты слушал, когда тебе было 7—8 лет. Затем сказки ты начал сочинять сам и рассказывать их по вечерам перед сном сестренке.

Как вы, мамы и папы, насчет сказок? Умеете ли сочинять сказки для ваших детей, воспитывать их сказками? Мои наблюдения говорят о том, что дети остро ощущают дефицит сказок. Нет, речь идет не о том, что сказок мало, хотя хорошие сказки нужны все больше и больше. А о том, что многие мамы и папы не стремятся окружить детей сказками. Почему? Если кто считает, что прогресс науки и техники делает ненужными сказки в жизни детей, это не верно. Это просто заблуждение. Пусть летят самолеты и ракеты, но как они могут заменить ребенку волшебный летающий ковер? Пусть в каждом доме стоит цветной телевизор, но как его можно сравнить с волшебным зеркальцем, взглянув в которое можно увидеть весь мир?

«Воспитывать детей сказками?» — спросите вы. Да, сказками. То есть не только сказками, но и сказками тоже. Сказки нужны детям как воздух, потому что через сказки, умные, мудрые, с невероятными и обычными событиями, фантастическими и обычными героями, они постигают правду жизни. Сказки помогают нам воспитывать в детях доброту души и мужество, радость жизни и честность, надежду и целеустремленность. Сказки предотвращают детей от тщеславия, эгоизма, трусости. Да не только предотвращают, но и направляют их на

борьбу против человеческих пороков. Сказки кристаллизуют душу ребенка и очищают душу взрослого.

Если кто из мам и пап не считает сказки нужными в воспитании своего ребенка, своих детей, то это проявление... невежества (простите, пожалуйста, тысячу раз, но не смог выразиться иначе!) в искусстве воспитания.

Дети не должны отключаться от мира сказок, и этот мир должны создавать им взрослые, мамы и папы, бабушки и дедушки.

Нет времени рассказывать сказки детям? Надо найти, обязательно надо найти. Особенно по вечерам, когда ребенок ложится спать, — вот тогда надо сесть рядом с его кроватью, выключить свет и добрым голосом доброго волшебника нашептывать мудрую, оптимистическую сказку.

Не умеете рассказывать сказки? Что ж, надо учиться, это нетрудно. Ребенок не требует от вас стать артистами, художественными чтецами. Тут нет сложной науки рассказывать ребенку сказки. Просто смягчите ваш голос, вложите в него ваше эмоциональное отношение к героям сказки, расскажите сказку медленно и шепотом, и, уверяю вас, вы станете для вашего ребенка самым лучшим сказочником.

Не знаете сказок? Не может быть! Так читайте их и затем пересказывайте детям. Сказок не хватает, но их очень много. Ищите, и вы найдете их на каждом шагу. Не стесняйтесь узнавать сказки от товарищей, от соседей. Объясните друзьям, соседям, знакомым, зачем и какие сказки вам нужны, и люди с радостью поделятся с вами своими сказками.

Так собирать сказки трудно? Тогда попытайтесь сочинять их сами. Может быть, удастся? Обидно, что каждая мама, каждый папа не одарен способностью Андерсена и братьев Гримм. Но сказки, которые вы попытаетесь сочинять для ваших детей, тоже увлекут

их, только надо вложить в них жизненную правду и наполнить их оптимизмом.

Содержание ваших сказок? Ищите его в воспоминаниях вашего детства, ищите в вашей повседневной работе, в ваших отношениях к людям; сделайте героями ваших сказок образы добрых людей, с которыми вы общаетесь, которых вы знаете. Расскажите детям о действительности как о сказке. И они не будут давать вам покоя: «Расскажи сказку... еще... еще!» И все это в переводе на язык педагогики будет означать: «Я нуждаюсь в твоём воспитании. Воспита́й меня, пожалуйста!»

Мужской разговор

Мужской разговор...

Как Мужчина с Мужчиной...

Мужской разговор между отцом и сыном...

Он ведется у нас давно, и я не хочу, чтобы он когда-либо закончился.

Я не хочу этого, может быть, потому, что по мере твоего взросления я все больше чувствую, как такой разговор с тобой становится жизненно важным для меня. И твои возрастные особенности, меняющиеся из года в год, и мои, оказывается, тоже меняющиеся возрастные свойства определяют суть наших мужских разговоров. Ступенчатое изменение этой сути происходило по мере того, как ты вырос и становился юношей, а я входил в лета и все больше рассуждал о философии жизни.

Раз, находясь на одной из средних ступеней развития наших взаимоотношений, я вдруг захотел пофилософствовать с тобой. Поднимаясь пешком на девятый этаж, мы приостановились на площадке сделать передышку, и я задал тебе загадку.

«Послушай! У меня есть состояние, только я не знаю, большое или малое. Оно постоянно терпит убыт-

ки, только я не знаю, большие или малые. Я верю, что они приносят людям пользу, только не знаю, большую или малую. О чем я это тебе толкую?»

Ты тогда сказал: «Твое состояние — это твоя жизнь. Ты трудишься и этим приносишь людям пользу. Это же просто!»

«Дело не в этом. Загадка заключается в том, чтобы разгадать: почему я задал ее тебе?»

В дальнейшем мы много говорили о проблемах назначения человека в жизни, о том, кто кого творит: человек — жизнь или жизнь человека, или же они оба творят друг друга. И философия, которую мы выработывали вместе и принимали за основу нашей деятельности, одновременно служила отправным пунктом наших мужских разговоров. Я возвращаюсь к этому мужскому разговору, игравшему в нашей жизни немаловажную роль.

Что такое мужской разговор? Почему он мне так нужен?

Я не могу высказаться похвально в адрес составителей разных словарей — толковых, крылатых слов, синонимов, фразеологизмов и т.д., и т.п., которые так безмолвно обошли это прекрасное и разумное сочетание двух слов — «мужской разговор».

О каком разговоре можно сказать, что он самый честный?

О мужском разговоре. Он возникает на стерилизованной почве чувства долга и осознанной необходимости помочь Человеку увидеть вещи такими, какие они есть.

О каком разговоре можно сказать, что он сугубо личностный?

О мужском разговоре. Он очищает от сорняков недоразумений и сплетен чувство дружбы, кристаллизует взаимоотношения, устраняет помехи.

О каком разговоре можно сказать, что он жизненно важный?

Опять-таки о мужском разговоре. Это разговор решительный, принципиальный. Он проходит через незримые нити, соединяющие сердца и устанавливающие прямые отношения между людьми. Потому он сложный и, может быть, болезненный.

Мужской разговор — это разговор равных при «закрытых дверях», без коммюнике, без огласки. Он возникает преднамеренно, заранее прокрутившись в голове несколько десятков раз и пройдя инкубационный период.

Он не терпит чужого вмешательства. Не терпит лицемерия и лжи.

Мужской разговор — это не куча строгих и императивных наставлений. Это не брань, ссора, крики, ущемление самолюбия.

Мужской разговор — это не посвящение в тайны с уговорами хранить их всю жизнь. Он не сделка и не заговор против других.

Мужской разговор — это очищение души и нравственное возвышение над самим собой. Раскрытие тайн и извлечение из них способов самосовершенствования. Просмотр прочности уз взаимоотношений.

Мы не любим возвращаться к сути уже состоявшегося мужского разговора, не стремимся напоминать о нем друг другу. Но считаем своим долгом извлекать из состоявшегося мужского разговора выводы для своей деятельности, следовать уговорам, заключенным в нем.

Такое у меня сложилось представление о наших мужских разговорах.

Я приступил к таким разговорам с тобой, может быть, еще с той поры, когда ты мог отвечать мне только своим единственным многозначительным словом «ага».

Имею ли я право разглашать тайну наших мужских разговоров, говорить об их эволюции, коль скоро они касались наших личных отношений и нашего общего согласованного отношения к окружающим?

На это я не имею права без твоего согласия. И поэтому, с твоего разрешения, расскажу только о тех наших мужских разговорах, о которых мы договорились.

Один из таких ранних разговоров, который мне так запомнился, состоялся у нас, когда ты был в четвертом классе. Это пора, когда авторитет взрослых в глазах подростков идет на убыль. Они часто не подчиняются взрослым, бунтуют, ведут себя самовольно.

Ты, разумеется, не был исключением. И вот, будучи на таком уровне развития, ты нагрубил маме: стал кричать на нее из-за того, что она не пустила тебя поиграть во двор. Я решил не вмешиваться. Взволнованная мама плакала. Я тоже нахмурился, не сказав тебе ни слова.

После этого конфликта прошло несколько дней. Все осталось позади, все было забыто и мамой, и тобой. Но за эти дни я обдумывал, что тебе сказать, чтобы наш мужской разговор состоялся.

«Давай пойдем в парк!» Ты развлекался дома и не хотел идти.

«Послушай, у меня к тебе мужской разговор!» — сказал я тебе на ухо и очень серьезно.

«О чем?» Ты насторожился.

«Не могу сказать дома. Давай лучше выйдем на улицу!»

Ты уже знал, что наш мужской разговор — дело серьезное. Я замечал: ты гордился тем, что у нас бывали подобные мужские разговоры; после них ты заметно взрослел: брал на себя обязанности заботиться о родных, близких.

Был конец зимы. Приближался твой день рождения. Мы шли по улице молча, не решаясь начать разговор.

«Послушай, сколько на днях тебе исполнится?»

«Десять!»

«Да, надеюсь, в твоём возрасте ты сможешь меня понять. Можно быть с тобой откровенным?»

«Да!»

Мы вошли в парк. Сели на скамейку. Я смотрел тебе в глаза и пытался говорить голосом, который нашёл бы в тебе сочувствие. Говорил с тобой, как говорят с другом, ища поддержку, совет и помощь.

«Десять лет тому назад я влюбился в одну девушку. Очень влюбился. Я обещал тогда ей, что если она выйдет за меня замуж, я всегда буду ее любить и защищать. Не дам никому в обиду. Ты же понимаешь, что значит дать слово любимой девушке!»

Я даю тебе возможность осмыслить мои слова и поверить в мою искренность. Потому говорю медленно, подчеркиваю каждую фразу:

«Скажи, пожалуйста, что бы ты сказал о человеке, нарушившем свою клятву?»

«Он будет плохим человеком... Нечестным человеком... Трусом».

«Верно. Я согласен с тобой. А как ты думаешь, что могла бы подумать женщина о своем муже, изменившем свою клятву?»

«Она, наверное, разлюбила бы его!»

«Так вот, я обещал твоей маме, которая для меня самый близкий друг и которую я очень люблю, сдержать свою клятву. Что бы ты об этом сказал?»

«Надо обязательно сдержать клятву. Иначе будет нечестно с твоей стороны».

«Всякий, кто будет обижать ее, будет иметь дело со мной. Не так ли?»

Ты соглашаешься.

«А теперь я не знаю, как мне быть с сыном, который обидел дорогую мне женщину. Тебе скоро десять лет. Ты должен посоветовать мне. Могу ли я оставить ненаказанным любого, кто бы он ни был, обижающего мою спутницу жизни? Могу ли я принять какие бы то ни было оправдания от сына, нагрубившего маме? Отвечай, пожалуйста, на это!»

Ты помолчал.

«Я больше не буду.. Но ты можешь наказать меня!» «Я тебя наказывать не стану. Ты сам себя можешь наказать. Но я говорю тебе, как мужчина мужчине: не смей обижать дорогого мне человека. Больше я этого не допущу.. А лучше, если ты сможешь мне защитить маму, Нинульку и бабушку.. Беречь их и заботиться о них. Раньше я был в семье один мужчина, теперь нас двое... Пошли домой. Больше у нас такого разговора не должно быть».

Обратно мы шли молча. На улице увидели женщину, продававшую букетики ранних подснежников. Мы купили по одному букетику маме, бабушке и Нинульке. Ты преподнес им цветы и поцеловал каждую в щеку.

К этому мужскому разговору мы действительно больше не возвращались. Мы оба помогали друг другу, чтобы больше об этом не говорить.

Впрочем, нет.

Совсем недавно произошло обратное. Я собрался перейти на другую работу. Мама противилась. На этой почве мы поссорились (разумеется, весьма вежливо). Мама очень переживала все это. Атмосфера в семье стала напряженной. Я запирался в своей комнате и не хотел говорить ни с кем. Так длилось несколько дней.

«Можно?» Ты заходишь в мою комнату: «Хочу взять книгу».

Но книгу ты находишь не сразу: в действительности тебе нужна не книга, а разговор со мной. Ты хочешь сам завести мужской разговор. Я это почувствовал сразу по тому, как у тебя книги валились из рук.

«Я хочу тебе что-то сказать!» Ты дышишь глубоко, волнуешься. Я не отвечаю.

«Это мой мужской разговор с тобой... Ты долго будешь обижать маму? Она же права!»

«А в чем она права? На что она обижается?»

«А я скажу прямо. Она хочет, чтобы ты преодолел трудности на работе, а не бежал от них. Она, конечно, права. Я согласен с мамой. Тебе лучше всего встать

сейчас же, пойти к маме и извиниться. Оставь эту затею с новой работой».

Я был рад.

Ты снял с меня камень. Конечно, я зря собирался оставить своих друзей по работе. Пусть трудности. Ну и что? Разве не я сам учил тебя не бояться трудностей?

Я смотрел на тебя и радовался. У меня сын. Он заводит со мной мужской разговор. Значит, он становится мне другом и товарищем.

Сын мой — друг и товарищ мой!

«Хорошо... Я согласен!»

Встаю и собираюсь принести свои извинения всем: и маме, и бабушке, и сестренке, и тебе тоже. Хочу извиниться за то, что в нашей маленькой квартире за последние три-четыре дня из-за меня чуть не остановилось время.

Ты меня предупреждаешь: «Послушай, папа, я не хочу, чтобы ты и впредь обижал маму. Я прошу тебя!»

Мой сын — мой друг и товарищ!

«Хорошо, сынок! Так и будет!»

Наши мужские разговоры, которые мы вели не так уж часто, сдружили нас. Раньше я пытался познать тебя в основном через себя. Но ты помог мне, эти мужские разговоры при «закрытых дверях» помогли мне увидеть тебя непосредственно, увидеть таким, каким ты становился на разных этапах как личность.

Мужские разговоры приучили нас доверять друг другу, быть откровенными и правдивыми. Они помогли мне глубже познать самого себя, свое положение в кругу наших общений и свою ответственность перед обществом.

И если я не смог здесь более полно раскрыть развивающуюся суть наших мужских разговоров, то это по той простой причине, что не имею права разглашать ее. Это мы во многом раскрылись и доверились друг другу, и пусть каждый отец попытается понять нас таким же путем, познав суть мужских разговоров в дружбе со своим сыном.

Память

Ты изучаешь события, которые решили судьбу нашей страны, а вернее — судьбу всего мира тридцать пять—сорок лет тому назад. Меня тревожат твои уроки. Ты выписываешь в специальную тетрадь даты, хронологические события, названия городов, имена маршалов. Ты прекрасно знаешь все это. А на уроке тебя и твоих товарищей по классу по порядку вызывает учитель. Вы ему рассказываете изученное, показываете на карте, без запинки вспоминаете даты и имена. И ждете своих отметок. А учитель, может быть, очень довольный вашими так называемыми ответами по истории, ставит вам отметки в табелях.

Я вообще не люблю отметок, но такие отметки вызывают во мне чувство отвращения и гнева.

Вы изучаете жалкие призраки действительных событий, пересказываете своему учителю содержание параграфов «от и до», а в это время по улицам проходят старики, сопровождая своих внуков и правнуков в детские сады, ведя их в школу и неся их портфели, таща сумки с продовольствием для семьи.

В свои семьдесят, восемьдесят, девяносто лет они боятся толпы на улице, боятся переходить улицу, движутся медленно.

Но ведь они, эта оставшаяся часть солдат, творившая историю, а теперь доживающая старческие годы своей жизни, и есть живая история?

Как может юноша зубрить историю по книге, не прикасаясь к живым героям этой истории?

Я спрашиваю: плакали ли вы на уроках истории о живом прошлом, говоря об Освенциме, о Ленинградской блокаде, о Сталинграде, о Хатыни?

Нет?

Так прочь такую педагогику из школы!

Вас знакомят в классе с какими-то цитатами и

высказываниями о войне, но ведь в каждой семье есть еще не обработанный фронтовой архив: это письма из окопов, с переднего края огня. Они писались под натиском смерти, и многие из них, запятнанные кровью, мамы и жены получали вместе с извещением о героической гибели сына и мужа. В каждой семье можно найти прекрасные реликвии для семейного музея славы. Это ордена и медали Великой Отечественной, последние снимки в окопах, полевая сумка, продырявленная пулей солдатская пилотка и солдатская шинель, до сих пор еще не утратившие запах пороха.

Я спрашиваю: приносили ли вы на уроки эти письма и читали ли их вслух?

Приносили ли вы эти семейные реликвии на урок, восстанавливали ли вы события, связанные с ними? Выражали ли вы на уроках чувство высочайшей гордости за своих дедов?

Нет?!

Так надо гнать такую педагогику из школы!

Что это за педагогика пересказывания?

Мне становится жутко от сознания, что можно заучить историю Великой Отечественной, не прочувствовав ее.

Я не могу с этим примириться.

Не могу примириться с тем, чтобы реликвии нашего семейного музея славы, фронтовые письма и ордена твоих дедушек спокойно лежали у нас в ящике, а ты рядом, за своим рабочим столом, бубнил по страницам учебника.

Эта история жива в миллионах семей нашей страны, она жива и в нашей квартире, и ее надо прочувствовать. Как же мне созидать тебя, не вложив в тебя скорбь и гордость за дедов и священную заботу о судьбе нашей планеты!

Может быть, все уже выплакано и забыто?

Сейчас ты проверишь это сам. Станешь свидетелем

лем откликов этой войны. Бомбы взорвутся не на экранах, а в сердцах.

Может быть, не надо было мне делать этого, не надо было ворошить раны, зарытые в душах людей? Простите, дорогие мои мамы, что не пощадил я вас! Но этого потребовали общечеловеческие интересы со-зидания Человека!

«Паата, попроси, пожалуйста, бабушку, чтобы она открыла свой ящик с письмами от деда и прочла их тебе сама! Это тебе необходимо!»

Дедушка, мамин отец, прошел на огневых линиях всю войну, вернулся с многими ранениями, затем трудился, не жалея сил, и скончался неожиданно, за два года до рождения внука. Он не любил рассказывать о себе, но привез с собой ордена Александра Невского, Отечественной Войны первой и второй степеней, Красного Знамени, медали. Он не рассказывал о них (разве только, надо полагать, своей жене), но повторял часто: «Каждый день, который я прожил после войны, подарен мне судьбой». Надо, чтобы Паата восстановил события, связанные с орденами, и почувствовал смысл этих слов деда, которого звали Гиви.

Бабушка не хотела доставать письма. А когда Паата начал просить, чтобы она сама их прочла, она долго сопротивлялась. Наконец она уселась на диван и положила ящик с письмами и орденами на колени. Раскрыла первое треугольное письмо, написанное химическим карандашом. Слезы бабушки, капавшие на него много лет назад, растворили чернила и оставили на бумаге следы ее тогдашних радостей и переживаний. Бабушка мужественно прочла первое письмо, но не хотела читать другое и третье. Затем сама увлеклась их чтением, и вдруг по морщинистым щекам потекли слезы. Она плакала, она рыдала.

«Бабуля, что с тобой? Бабуля, роднуля ты моя, не плачь!»

Ты ласкал ее, целовал, успокаивал, а поток слез на ее щеках все усиливался. Увидев это, заплакала и мама.

Ты забрал письма и ордена и приступил к их изучению.

На следующий день я послал тебя к моей матери: «Попроси ее, пусть она достанет свое старинное портмоне и прочтет тебе сама письма от бабушки, покажет телеграмму из военной части!»

Мой отец, Александр, работал в типографии, и я часто бывал у него на работе. Мы вместе обедали в рабочей столовой типографии. Его друзья знали меня и баловали. Там я познакомился с тем, как печатаются газеты, книги, журналы. Однажды вечером папу привезли домой на ма шине скорой помощи. У него была перевязана правая рука. Мы узнали, что огромный станок, который прессовал матрицы, придавил отцу кисть правой руки. Месяца через два повязку сняли, но мы обнаружили, что пальцы перестали сгибаться.

Мой отец ушел на войну добровольцем и ухитрился скрыть от врачебной комиссии свою инвалидность. Некоторое время он проходил курсы военной подготовки в здании школы, где учился я, а затем там устроили казарму. Я каждый день поджидал отца, который вместе со своей частью выходил из здания школы в час дня и отправлялся куда-то. «Папа, папа!» — кричал я и пытался шагать в ногу с солдатами. Папа улыбался, махал мне рукой, посылал воздушные поцелуи: «Иди домой, сынок, присмотри за мамой и сестренкой... Учись хорошо!» А однажды он разбудил нас всех в полночь и попрощался с нами. Оказалось, это было навсегда. Через несколько месяцев мы получили похоронную из его части.

И вот я направляю тебя к другой бабушке. Она достала свое старое портмоне с письмами, но «поте-

ряла» очки. «Не могу читать... Читай сам. Только про себя, не надо вслух!» Очки ты обнаружил у нее в кармане, и после некоторых колебаний она сдалась: «Ну, хорошо!»

Она читала письмо медленно. Те же самые треугольные письма, написанные химическим карандашом, со множеством крупных чернильных разводов радости и горя.

Вскоре заплакал сперва голос бабушки, а затем последовали слезы, обильные слезы. И тебе пришлось долго ее успокаивать, ласкать, целовать: «Не плачь, любимая бабуля ты моя!..»

Ты забрал письма с похоронной и принялся их изучать.

А когда ты закончил чтение всех этих писем, я спросил тебя: «Ну что, страшно? Понял, что значит война!» Я посоветовал тебе думать о том, каково было твоим бабушкам воскресить те события, что пережили они, раз до сих пор так жива их боль, горе.

Были у нас и мужские разговоры по этим проблемам, и я замечал, каким более чутким и нежным становился ты по отношению к своим бабушкам. И еще я заметил: ты начал приводить домой своих одноклассников и показывать им ордена и медали своего дедушки, читать некоторые письма. Бабушки доверили их тебе, передали на вечное хранение.

Эти письма и ордена, эти неожиданные слезы и вспыхнувшее затаенное горе бабушек, эта история, не имевшая срока давности, отныне стали участниками воспитания в тебе благородных чувств.

Деды, которым не удалось увидеть своего внука, вошли в твою жизнь как твои добрые наставники и воспитатели. Мой отец, который до сих пор не перестает воспитывать и напутствовать меня, хотя его давно уже нет в живых, и я уже давно обогнал его в возрасте, начал помогать мне в созидании Человека.

И чтобы дальше понести память о предках и развить дело предков, мы дадим тебе два имени двух славных дедов — Александр и Гиви. Будут у тебя мальчишки, назови их этими именами и толком объясни им все. Пусть они познают Великую Отечественную как таковую.

Долг

Это было в прошлом году. Приближалось лето. Мы решили всей семьей провести его на море. Вы оба, ты и сестренка, любите море, и мы хотели порадовать вас. У нас были планы увлекательных поездок и прогулок по берегам и городам теплого Черного моря. Ты по календарю каждый день высчитывал оставшиеся до поездки дни. Ходил по магазинам покупать надувные матрацы, удочки, тапочки, плавки. Словом, ты и твоя сестренка жили ожиданием поездки, и когда я принес билеты на поезд, вами овладело радостное успокоение: значит, едем действительно.

Вот такая была ситуация, когда пришли к тебе школьные товарищи — надо организовать трудовую бригаду и поехать летом работать в колхоз, помогать колхозникам собирать чайный лист и ухаживать за виноградниками. «Мы включили тебя в список!» — сказали они и ушли.

Ты расстроился до слез. Что делать? Рушится исполнение мечты, рушится весь семейный план. Нина заплакала, отказалась ехать, да и нам не хотелось без тебя ехать.

Вечером мы с мамой начали вместе с тобой обсуждать создавшуюся ситуацию. Все зависело от твоего решения. Можно было пойти к директору школы, объяснить положение, и он, наверное, освободил бы тебя; можно было действовать через районное руко-

водство, тоже, наверное, все обошлось бы без осложнений.

«Это же уважительная причина — вся семья, в конце концов, собралась на отдых, купили путевки в дом отдыха, купили билеты на поезд. Разве это не уважительная причина, чтобы тебя освободить от трудового семестра?»

Мама была готова подать заявление директору школы, описать ситуацию, попросить. Ты был согласен с таким решением, и мы коллективно составили заявление.

А утром, когда мама приготовилась нести его в школу, ты нам сказал: «Я поеду в трудовой лагерь. Я должен быть вместе с товарищами. Не надо просить никого, чтобы меня освободили!»

Ты думал всю ночь, взвешивал. Тебе было трудно отказаться от мечты, которая уже вот-вот осуществится. Сколько тут удовольствий! А что будет в колхозе? Собирать чай, ухаживать за виноградниками, ходить по грязи, спать в общежитии. Нет, в колхозе будет не только это. Ты на этот раз сумел определить себя, познать себя как Человека, имеющего свой долг и свои обязанности, которым надо служить, ради которых порой приходится жертвовать своими удовольствиями. Никакие уговоры не помогли — ты не отказался от своего решения. Отмечая, как ты упорно твердил свое: «Я обязан, я должен поехать!» — я все больше и больше убеждался: может быть, мы уже очень близко подошли к завершению нашей многолетней созидательной деятельности?

Успокаивать себя, конечно, не следует. Воспитание — скрытый процесс. Это тебе не учение, когда можно передать знания и тут же проверить, как они усвоены. Как проверить, как удостовериться родителям, вырос ли сын честным, преданным Человеком? Ни устные, ни письменные экзамены тут не помогут.

Надо лишь тысячу раз убеждаться, что он на деле проявляет верность моральным ценностям своего общества, впитывая их как личные моральные устои. А потому это твое «Я обязан, я должен!»: лучше принимать как рождение в тебе чувства осознания долга, которому предстоит еще кристаллизироваться и проявляться в делах тысячу раз.

Только вот какой получился парадокс: мы, всматриваясь в тебя сквозь нашу повседневную суету, оказывается, не смогли заметить, как накапливались в тебе количественные изменения, ведущие к качественным преобразованиям. По силе инерции вчерашнего опыта мы и в настоящем пытались воспитывать тебя как вчерашнего ребенка, в то время как ты уже успел стать взрослым.

Мы вернули билеты в кассу, сдали путевки в местком, помогли тебе уложить чемодан и пошли на вокзал провожать тебя. Там, на привокзальной площади, в честь отъезжающих в трудовые лагеря был устроен торжественный митинг. Вас было несколько сотен.

Ты держал знамя...

Ты вернулся через месяц. Все это время я размышлял о том, как у нас в семье шло твое трудовое воспитание. Ведь мы, к сожалению, не смогли приучить тебя к трудовым навыкам и умениям. Правда, мы с тобой любили плотничать и смастерили столик, который стоит на веранде, диван, который у нас в комнате; ухаживали за деревьями, которые мы посадили во дворе, чинили дома краны и убрали квартиру; помогли бабушке закрывать крышками банки с компотами, тащить с базара и из магазинов продукты. Мы не ленились делать все это и многое другое. Мы с тобой перекрасили стены и площадку нашего подъезда, оклеили обоями коридор. Верно, все это было. Но я не могу назвать это системным трудовым воспитанием. Это, скорее всего, были стихийные трудовые

процессы, в которые ты вовлекался по мере необходимости. Мы не смогли включить тебя в серьезную, постоянную, целеустремленную трудовую деятельность. Не смогли показать тебе труд как труд. Может быть, над нами довлела подсознательная и, по всей вероятности, излишняя родительская предосторожность, стремление уберечь тебя от сложных работ? Может быть, мы и не знали, как тебя занять постоянным трудом? Эти сомнения не давали мне покоя, пока ты находился в трудовом лагере. Я корил себя и маму за то, что ты не овладел у нас какой-нибудь профессией. Мы чуть передержали, считая тебя ребенком. Потому и волновались.

И когда ты вернулся, мы увидели тебя — мускулистого парня, с крепкими руками, похудевшего, усталого, но довольного. И судя по тому, как ты проявлял готовность снова работать для общего блага, судя по письму старика Хамзе, которое получила школа, мы могли предположить, что труд и долг начинают определять твое сознание и твою личность.

Надежда

Я описал тебе нашу систему воспитания, которая сложилась в процессе созидания твоей личности. Мы все, твои родные, искренне верим, что ты, современный юноша, станешь достойным членом общества. Человеком, дарящим людям радость и стремящимся к жизни. Твое совершеннолетие, по всей вероятности, не снимет наши родительские заботы о твоём дальнейшем становлении, но оно, видимо, изменит формы нашего воспитательного общения с тобой. Как? Покажет будущее, ибо пока нам самим не все ясно.

Попытаюсь суммировать все сказанное, не претендуя на научность обобщения.

Воспитание создает в каждом отдельном ребенке особое сочетание, особый сплав его души, сердца и ума, применив в качестве сырья обнаруженные нами в нем же самом эти бесценные «вещества». Хорошее воспитание находит в ребенке большие богатства души, сердца и ума, облагораживает и обогащает их и создает из них сплав уникального сочетания. В нем честный ум не может существовать без чистого сердца и чистой души. Они одухотворяют честный ум стремлением творить добро.

Такое сочетание души, сердца и ума, такой уникальный сплав можно получить не в каких-то стерилизованных, оторванных от жизненных сложностей лабораториях, не где-то в облаках, далеких от беспокойной земной жизни, а в гуще нашей повседневной суеты, наших забот, радостей и огорчений.

Цели и устремления людей озаряют наши будни думой о будущем, а гуманность отношений между людьми согревает их оптимизмом.

Главным методом гуманного воспитания я признаю человеческое общение. Я его мыслю как заботу друг о друге, как жизнь, в процессе которой люди дарят друг другу самое дорогое, что у них есть — жизнь.

Был у меня и основной принцип воспитания — это романтика самого воспитания, увлечение воспитателя самим процессом воспитания.

Я не берусь судить, насколько все это согласовывается с принятыми в науке нормами, но процесс, который описал тебе, с радостью повторил бы снова.

Прав ли я? Не ошиблись ли мы?

Ты уже становишься совершеннолетним. Будь добр, помоги нам доказать нашу правоту!

Февраль, 1980

Семейный словарь

Мать — имеющая и проявляющая Творение.

Отец — образ Творца.

Ребенок — возрождение нового бытия.

Дети — действующие в Истине.

Сын — Суть и Сила Начала. Ипостас Творца.

Дочь — очи Дао (Дао — тайна Творца).

Семья — сила проявления человека.

Дед — действующий в тайне Творца.

Бабушка — проявляющая качество будущего бытия.

Школа — лестница духовного восхождения.

Воспитание — питание духовной оси ребенка Учителем.

Образование — процесс выявления образа Творца в человеке.

Личность — полнота неповторимой сути лика; неповторимый образ, наиболее полно переданный в облике.

Женщина — энергия Начала, Жизни.

Мужчина — проявляющий энергии начал Мудрости.

Гуманный — смертный, ищущий в себе начало бессмертия.

Гуманная педагогика — культура сознания о ведении растущего человека к познанию внешнего мира через познание своей духовной сущности; искусство созидания соответствующей практики.

Учитель — душа, дарящая Свет. Ученик — душа, ищущая Свет.

Слова поясняются через их духовную суть. Эти толкования сути слов я набрал из разных источников.

Послесловие Пааты

С того дня, как отец вручил мне свою «Исповедь», прошло 25 лет.

На дворе новое тысячелетие.

На дворе мир безумных скоростей, мир молниеносного обмена информацией, мир постоянного напряжения.

В это время спокойные шестидесятые годы прошлого столетия кажутся такими далекими, такими теплыми.

Это годы, когда проходило детство моего поколения...

Что такое наше детство? Где оно на самом деле?

Каждый из нас хоть раз пытался восстановить в себе образы глубокого детства. Но наша память упрямо отказывается снабдить нас чем-то отчетливым. Все, что у нас осталось в сознании, это всего пара туманных обликов и единичные тусклые просветы в виде неопределенных чувств.

Остальное — это море бессознательных ощущений, океан грез и вселенная недоступных нам тайн.

Кто мы? Откуда?

Эта книга — одно из моих самых драгоценных сокровищ. Она способна оживлять во мне те туманные образы детства, которые недоступны многим. Она способна вернуть в теплые стены нашего старого дома...

Она способна сделать жизнь прекраснее!

В то же время она является живым напоминанием, мудрым заветом отца о том, что ценно на самом деле; о том, что любовь и уважение к людям гораздо важнее, чем вещи, достаток или власть.

И что бы мы ни имели, очень важно использовать наши знания и возможности на благо людей.

И что самое главное, быть полезным — это есть основа душевного покоя, что стало такой редкостью в мире безумных скоростей, в мире молниеносного обмена информацией, в мире постоянного напряжения.

Паата Амонашвили

Февраль, 2005

*Мартовский
возраст
Письма к дочери*

Вместо предисловия

Трудно ли воспитывать детей в семье!

Наивный вопрос: разве есть более сложная проблема, чем воспитание хорошего, честного, трудолюбивого, отзывчивого Человека! Хорошие дети — гордость родителей, плохие дети — их горе. Но до того как ребенок из пеленок вырастет Человеком, родителям нужно пройти как будто всем хорошо знакомыми, но в действительности неведомыми тропинками воспитания. Как будто знакомыми потому, что существует известная всем общая формула воспитания: нарушил ребенок что-то — наказывай, сделал что-то хорошее — поощряй. Это же проще простого. Да многие так и воспитывают. Но ведь каждый ребенок — уникальное явление, и каждая воспитательная среда — тоже неповторимая действительность! Как быть в таких условиях? Надо постоянно искать, строить гибкую, неординарную педагогику.

В одной семье двое, трое и более детей. Все они разные по природным данным, и, не будем удивляться, у них условия воспитания тоже разные. Это нам только кажется, что в одной и той же семье всем детям предоставляются равные возможности. Доказательство тому — факт воспитания, скажем, старшего сына в нашей семье, которое прошло более гладко (хотя в принципе не бывает «гладкого» воспитания), и дочери (ко-

торая младше брата на два года и восемь месяцев) — через все бурные пороги переходного возраста.

Как воспитывался в нашей семье сын, вы уже знаете. Письма же, отправленные из комнаты в комнату, были вначале написаны не для того, чтобы рассказать читателю теперь уже о воспитании в семье дочери, а для того, чтобы найти с ней общий язык и склонить ее к самовоспитанию. А так как они имели определенный воспитательный эффект, я решился опубликовать их, тем более, что дочь моя дала на это свое согласие.

«МАРТОВСКИЙ» ВОЗРАСТ

Письмо первое

Добрый вечер, моя милая девочка!

Решил послать тебе несколько писем из комнаты в комнату.

Правда, комнаты находятся рядом, и ты можешь возразить: зачем писать, так скажи что хочешь. Но я все-таки предпочел говорить с тобой письмами. Письмо есть письмо: прочитаешь один раз, другой, призадуматься над радостью и заботами родителей, и быть может, многое друг в друге мы поймем в такой мере, что не понадобятся слова, начиненные раздражением, и мы не обескроем наше ежедневное общение, семейную жизнь, напротив, сделаем их более жизнерадостными, любовными и содержательными.

Готовя письма, я сам стану глубже обдумывать и анализировать свои советы, наставления, оценки, отношения, сотни раз буду взвешивать справедливость и обоснованность того, к чему хочу тебя призвать; так мы избежим поспешных слов, отягченных зачастую беспредметными эмоциями.

На разговор в письмах меня натолкнул твой возраст.

Мы, твои родители, чувствуем, что наши взаимоотношения с детьми должны меняться и развиваться по мере вашего взросления. Ведь мы не будем читать 16—17-летней девушке нравоучения и учить уму-разуму так же, как несколько лет назад. Тогда мы могли,

пользуясь правами родителя, не разрешать, запрещать тебе делать то, что считали нецелесообразным. Тогда и ты с легкостью мирилась с неоспоримостью родительских требований.

Теперь тебя одолевает потребность все достичь собственным умом, и это вполне естественное явление: ведь когда-нибудь должен птенчик слететь с гнезда и из птенца превратиться в птицу? Но бедненький птенчик, если он не слушает наставительного чириканья мамы и папы и пытается без разрешения выпрыгнуть из гнезда, когда еще крылья не окрепли: вместо того чтобы подняться в небесную высь, может бесславно пасть на землю. Видели же мы недавно такого непослушного птенца, и кошка была тут как тут. Как она обиделась, что мы опередили ее, поймали птенца и взяли его домой. За неделю у птенчика окрепли крылья, и он вольно взлетел в воздух.

Вся жизнь ребенка — это стремление к взрослению. Но не всегда к истинному, а зачастую мнимому, призрачному взрослению.

Знаешь, что такое подлинная взрослость, настоящая независимость? Это — забота о близких, скрепленная твоим трудом, это — обязательства и ответственность за судьбу и благополучие других.

Но ведь в жизни существует не только труд. Человек любит и развлекаться, и отдыхать, и путешествовать. Любит и уединяться. Взрослый не бежит к родителям за разрешением: «Если можно, отпустите меня в кино!» И получается так, что в глазах ребенка и подростка взрослость и самостоятельность рисуются в виде развлечений, удовольствий, бесконтрольных действий. Как будто тот, кто уже вырос, купается в море удовольствий, всегда делает то, что хочет, гуляет когда и где пожелает.

А так как в детстве и отрочестве все родители вынуждены то и дело что-то не разрешать сыну или доче-

ри, говорить: «Ты еще маленький (маленькая)», эти тысячи запрещенных желаний (одни — омытые горькими слезами, другие — окутанные мечтами о будущем) постепенно накапливаются и в один прекрасный день превращаются в комок противоречий. Хорошо еще, если сердце, переполненное этими эмоциями, находится в дружбе с разумом, который переборет, убедит, утешит, успокоит его: тогда подросток войдет во взрослость как в торжественно украшенный дворец, где множество близких людей ждали его прихода, чтобы начать праздник.

Но если благоразумие не выдержит напора эмоций, тогда воспитатели, особенно неопытные, будут разводить руками и удивленно восклицать: «Что с этим ребенком случилось? Каким он был вежливым, воспитанным, внимательным, послушным, а стал грубым и жестоким!» К счастью, такие крайности все же не часты. Большинство твоих сверстников на грани эмоций и благоразумия: то чувства перетянут, то разум.

В этом возрасте ваш характер схож с капризной погодой марта: только что светило солнце, и вдруг небо покрылось тучами.

Нынче и ты вступила в «мартовский» возраст. Перед тобой мерцает кажущаяся взрослость, ты тянешься к ней, стремишься войти в рай взрослости, но наши родительские старания, надеемся, наделили тебя разумом.

Сейчас в твоём характере солнце и тучи быстрее чередуются друг с другом, чем на мартовском небе.

На пороге взрослости у тебя как бы вновь открываются глаза. Однажды ты вдруг обнаруживаешь: двор, который твоему детству представлялся таким большим, на самом деле оказался малюсеньким; смешной становится кукла, которую ты крепко обнимала и говорила, что ты ее мама. На бабушку, за подол которой ты цеплялась раньше: «Расскажи, прочитай, погуляй со мной!» — нынче смотришь свысока и считаешь, что

она отстала от жизни. Родители же, оказывается, это те люди, которые, правда, тебя воспитали, о тебе заботились, тебя очень любят, но теперь уже не могут понять тебя, иногда даже мешают тебе. Ты уклоняешься от их ласки, которую раньше так желала, их советы тебе надоедают, твердишь: «И сама знаю!»

Да, будто заново открылись глаза; вокруг те же люди, те же предметы и явления, но их ты видишь через обратные линзы бинокля.

Раньше сама была маленькой, все вокруг было большим и чудесным; нынче же ты большая, а все вокруг уменьшилось больше, чем в действительности.

И нельзя выбрать лучшего возраста, чтобы покритиковать, не согласиться, заупрямиться, возразить, посмеяться над чем-то или кем-то, не поверить. Какая еще другая нужна причина для этого? Тебе и в самом деле все так кажется, и, кроме того, как же ты вступишь во взросление, если не дашь понять окружающим: «Нынче я так легко вам не подчинюсь, какую бы мудрость вы ни изрекли, отныне я начинаю жить своим умом».

Но тот бинокль, который все уменьшает и отдаляет в твоих глазах, одновременно непомерно увеличивает твои собственные возможности, желания, переживания. Если что-то радует тебя, то это не просто радость, а через край; если что-то огорчает, то уж до глубины души; если кто-то тебе нравится, то до самозабвения. Твоя радость, твоя боль, твое увлечение, твое желание — начало и конец Вселенной. И разве есть вокруг тебя кто-то, переживающий сильнее тебя радость, огорчение, боль, увлечение? Что такое чужое самолюбие по сравнению с твоим самолюбием!..

Вот какие вы, юноши и девушки «мартовского» возраста! Потому-то и случается: кто-то без оглядки бежит из дому — мол, родители обидели; кто-то, не задумываясь, следует за первым же встречным — мол,

безумно люблю; кто-то бросает в лицо матери слова, начиненные грубостью, и ранит ее в самое сердце — она сама, мол, меня оскорбила. А кто-то начинает писать стихи, глотать книги, увлекаться спортом или замыкается в самом себе.

Пройдет не так много лет, и если разумность и воспитание друг с другом счастливо согласуются, то прекрасно: определится характер, проявится личность, гражданин, труженик, заботливый сын (или дочь).

Но родителям грозит и большая опасность: какая-нибудь непредвиденная, незаметная ошибка может навсегда выбить подростка из общественной колеи и как щепку бросать из стороны в сторону, сбить с пути, исковеркать судьбу.

Тогда обратится к родителям сын (или дочь), который вчера кричал: «Оставь меня в покое!» — и острыми, как кинжал, словами упрека ранит сердце: «Пусть на вашей совести будут мои страдания! Если я ничего не смыслил, вы же понимали!»

Нам, твоим родителям, вовсе не хочется ограничить твою независимость. Мы видим, как ты на наших глазах вдруг выросла, и любим тебя твоей взрослостью. Но все же тревожимся, зная, что и мы, воспитывая тебя, не избежали той ошибки, какую допускают тысячи родителей: ограждали тебя от постоянного труда, чтобы оставалось больше времени для учебы, занятий музыкой и иностранным языком.

Не побоюсь сказать: увы, сейчас в большинстве семей раннее включение ребенка в трудовую деятельность считается чуть ли не его угнетением. «Ничего от него не хочу, лишь бы учился!» — гордо заявляют мамы и папы.

В прошлое кануло то время, когда труд ребенка облегчал семейные тяготы. В том далеком прошлом дети трудовых людей хорошо знали, что такое нужда, голод, больная мать, оставшаяся без лекарства. Ранние

заботы и чувство ответственности накладывали на них обязательства и ускоряли становление подростка, его подготовку к самостоятельной жизни. У ребенка, с 5—6 лет включенного в семейную, хозяйственную, трудовую деятельность, в 15—16 лет были уже в крови обязательства и ответственность взрослого человека. Ему приходилось трудиться наравне с родителями, а результат труда прибавлялся к бюджету семьи. Совместный труд, общие семейные заботы сближали родителей и детей, усиливали взаимопонимание, взаимосочувствие. Тогда, в старые времена, учение было уделом лишь избранных.

Но сейчас ведь все обстоит иначе. Во-первых, семьи уже не находятся в таком положении, чтобы биться за кусок хлеба, добытого потом малых детей. Во-вторых, всеобщее среднее образование уже давно стало для всех обязательным. В-третьих, мы уже давно хорошо поняли, что учение, образование являются одной из основ личного счастья и общественного благосостояния, и ни одна семья не желает, чтобы дети отставали в учении. «Все для вас!» — восклицаем мы. И в самом деле, трудимся, не покладая рук, чтобы на долю детей оставалось меньше забот, даже тогда, когда они станут взрослыми, сами будут матерями и отцами. Если это в наших силах, то ключи от квартиры преподносим так, будто это ручные часы, легковую машину дарим так, будто расплачиваемся с давнишним долгом.

Именно наши заботы о благоустройстве наших детей ослабили хорошие трудовые традиции. «Ты только учишься, — внушаем ей (ему), — тебе не надо готовить обеда, убирать квартиру. Хочешь поработать на фабрике? Да разве мы в чем-нибудь нуждаемся? Помочь в сборе чайного листа? Но только долго не стой на солнце, не утомляйся!»

Во многих, в очень многих семьях так и растут юноши и девушки. Хорошо это? Об этом я напишу те-

бе в другой раз. А здесь скажу только, что мы, родители, допускаем большую ошибку: вместо того чтобы детям с самого же начала определить постоянное дело, мы поступаем наоборот — из рук выхватываем это дело и даже не задумываемся, что этим задерживаем в них возникновение и упрочение чувства ответственности и заботливости.

А когда наш вчерашний ребенок неожиданно постучится в дверь возмужания, самостоятельности (мальчик затянется сигаретой, девочка начнет без меры крутиться перед зеркалом), только тогда мы начинаем видеть, что совершили ошибку, чрезмерно долго ухаживали и лелеяли его в теплице обеспеченности, откуда высквакивают девочки и мальчики, разнаряженные, как цветочки, или выпархивают, как пестрокрылые бабочки.

И ты у меня такая же беззаботная бабочка, моя родная, и мы являемся родителями, допустившими ошибку: очень долго держали тебя в теплице нашей заботливости и твоей беззаботности, своевременно не предоставили тебе дело, за которое бы ты несла ответственность.

Не думай, будто я в чем-то упрекаю тебя. Зачем же я тогда изучал психологию и педагогику, если не знать, что каждая возрастная ступень характеризуется собственной природой и нуждается в своей педагогике. И «мартовский» возраст действительно нуждается в специальной педагогике; я сейчас именно об этом и забочусь — какой педагогике следовать. Должен признать: в этом деле мне нужны твой совет и помощь. Я знаю две разные педагогики. Первую называют авторитарной, вторую же — гуманной. Если я последую за авторитарной педагогикой, то вынужден буду не обращать внимания на строптивость твоего «мартовского» возраста: сказал — и кончено. Плачь сколько угодно, тверди, что, мол, ты уже большая и если что случится, то с тобой, а не с нами. Я сто раз повторю

про себя: строго требуй от этой девчонки ответа за любое самовольство, грубость, наказывай за проступки. Зато поощряй добрые поступки. И по этому пути я буду усердно следовать. Так же поступит и мама. И ты понемногу привыкнешь, что без разрешения родителей никакого (представляешь, никакого) права не имеешь. Тем временем, пройдут годы и утихнет «мартовский» возраст, ну и что же, если порой ты будешь плохо думать о нас, ну и что же, если по отношению к родителям у тебя может появиться страх или недоверие? В конце концов, и ты поймешь, что мы никогда не хотели тебе зла и все делали, заботясь о тебе.

Следуя же педагогике гуманной, нужно будет искать пути, чтобы ты добровольно согласилась идти за нами. Нам надо будет помочь тебе понять, догадаться, согласиться. Нужно будет тебе самой доверить решение некоторых вопросов с надеждой, что поступишь разумно. Нам надо быть предельно искренними и откровенными друг с другом. Ты будешь участвовать в рассмотрении семейных дел, мы будем тебя принимать как полноправного члена семьи, будем считаться с твоими разумными советами. Доверим тебе какой-нибудь участок забот, возможно, и самый главный. Будем стараться больше быть вместе, будем дружить.

Если мы выберем путь гуманной педагогики, тогда тебе самой надо будет помочь нам в своем же воспитании. Надо довериться нам, понять нас, попытаться посмотреть на себя и на свои собственные поступки нашими родительскими глазами.

Взаимопонимание, взаимоуважение, дружба, справедливость — вот на какие нравственно-этические нормы опирается гуманная педагогика. Я хочу, чтобы мы придерживались этой педагогики, педагогики гуманной, более сложной, утонченной, но содержательной и романтической. Мы ведь и до сегодняшнего дня стояли на этом пути. Гуманное воспитание не оставит в

твоим сердце осадка неприятных эмоций, оно поможет тебе разобраться в самой себе, покажет, что мы существуем друг для друга. Правда, тебе часто придется преодолеть себя, добровольно отказываться от многих удовольствий, зато у тебя сформируется благородный характер, к которому никогда больше не прикоснутся бактерии эгоизма, грубости, зависти, зла. В тебе вырабатывается чувство сопереживания — высшее свойство настоящего человека.

Нам всем вместе надо пройти «мартовский» возраст так, чтобы все вышли победителями. И пусть нас не смутит и не собьет с пути строптивость этого возраста.

Как ты думаешь, сможем мы выдержать испытание?

Твой отец

ГЛАВНОЕ ДОСТОИНСТВО ЖЕНЩИНЫ

Письмо второе

Добрый вечер, моя милая девочка!

Люблю смотреть, как ты рисуешь: одно-два движения руки, и мягкие линии на бумаге создают нежные образы, иногда веселые, иногда грустные. Жизненные впечатления и фантазия сливаются друг с другом, и я задумчиво слежу за твоей работой: что же это моя дочь хочет передать своим рисунком?

Признаюсь: для меня неожиданной оказалась твоя склонность к рисованию, ни я, ни твоя мама ничем тут похвастаться не может. Тем не менее, я все же воображаю себя художником, который вот уже 15 лет создает свое произведение. Очень хочется, чтобы оно получилось прекрасным. Иногда соскользнет инструмент или исчезнут с трудом найденная форма и линия. А это происходит потому, что «материал», над которым я работаю, часто не подчиняется мне, заявляет о своей воле. Что я хочу получить из него? Ни больше, ни меньше — мечту родителя. Я стремлюсь воплотить свою мечту, и каждая форма, каждая линия кажется мне пересадкой собственной души.

«Это ты обо мне говоришь», — скажешь ты. Конечно, я говорю о твоём становлении, о тебе как о грузинской женщине. Верю, что у женщины любой нации

есть собственные качества и характер, определяемый исторически сложившимися традициями. И жизнь грузинского народа на протяжении веков создавала традиции, которые определили достоинство женщины. Может быть, ты знаешь, в чем оно заключается? Я уже слышу твое нетерпеливое и самоуверенное: «Знаю, знаю! Быть порядочной, умной, доброй!» А я тебе скажу более определенно: по народным традициям главное достоинство женщины — ее совесть, верность и честность.

Ты — женщина! Нет, твои права ничем не ограничиваются — равноправие мужчин и женщин уже давно установилось в нашей стране. Но грузинский народ честь семьи воплощает в грузинской женщине, грузин — отец, брат, муж, сын — свое достоинство связывает с достоинством дочери, сестры, жены, матери.

Достоинство и честь женщины! Какую ценность имеют эти слова для девушки, устремленной к кажущейся взрослости?

Кое для кого, возможно, никакую. Жадными и расширенными глазами смотрит такая девушка зарубежные фильмы: вот, оказывается, как можно проводить время... И начнет искать поклонников, сменит одного, второго, третьего... Красиво затанется сигаретой, пристрастится к коньяку, разрисует глаза, ресницы, брови, обтянется брюками...

Нет, я не смеюсь над этими девочками, меня пугает их судьба, и я не могу оправдать ни одну мать и ни одного отца, которые видят во всем этом признаки современности.

По нашим традициям достоинство грузинской женщины становится символом благородства нации. В Тбилиси воздвигнут монумент «Мать Грузии», и он тоже олицетворяет величие этих традиций. И тот, кто нарушит добрые традиции, должен знать, что этим роняет свою честь.

Пройдут годы, и кто знает, где и когда всплывет наружу запятнанное имя, и оно отгонит счастье, которое стучалось в дверь? И тогда с болью в сердце заплачет девушка, ей понадобится немалая твердость характера, чтобы не пасть духом и все-таки верить в будущее.

Именем и честью дорожат смолоду. Да, конечно, не может спокойным оставаться отец, когда дочь как бездомная, без дела слоняется по улицам и паркам, когда он видит, как какой-то шалопай обнимает ее, а она это принимает как должное.

Да, и твой брат был прав, когда отказывался идти с тобой в театр: сначала по-человечески причеши волосы, потом оденься по-театральному, и тогда возьми. Ты обиделась: все девочки ходят в брюках, а мне почему запрещаете!

По-моему, любая женщина обладает собственным неповторимым обаянием и красотой. Красива каждая. И ты кажешься мне прекрасной. Для чего юной девушке обильные кремы и мазульки? Пусть лучше ценит то, что дала ей природа. Если уж в этом будет крайняя необходимость, пусть поможет природе в исправлении кое-каких незначительных ее погрешностей, но так, чтобы не разобидеть ее, не гасить собственную красоту ради демонстрации современной косметики и мод.

Подлинная красота женщины — в ее внутренней сдержанности, нежности и простоте.

К сожалению, некоторые или не слышат зова традиций, или плят глаза на заграничную одежду («на тряпки» — так мы говорим обычно). «Купите! Достаньте!» — слышится истеричный, грубый, повелительный голос этих девушек. Он проникает сквозь стены, из окон вырывается на улицу, его слышат все соседи большого дома.

— Что происходит? — спрашивают люди.

— Требуется: «Купите!»

— Какая наглость! Бедный отец!

— Да, не похожа она на ту девушку, что живет на втором этаже, она так приветливо здоровается со всеми!

— Не дай бог такую иметь в семье!

— А та, что живет на втором этаже, вы когда-нибудь слышали ее громкий голос?

— Целыми днями эта на улице, когда же занимается?

— У той, что живет на втором этаже, заболела мама, видели бы, как она о ней заботилась!

— А эта уже доконала своих родителей, что же она сделает со своим мужем?

А из той квартиры все слышится: «Купите! Купите!» Отец хлопает дверью и бежит из дому. Куда пойдет отец? Купит или обратится к соседу со второго этажа, чтобы тот помог ему постичь науку воспитания дочери?

Если девушка заполнит свою голову мыслями о тряпках и вещах, а свое время убьет в поисках удовольствий, когда же ей учиться? А может быть, нет нужды, необходимости учиться?

От тебя и твоих подруг я слышал нытье: «Надоели эти учителя, зачем нам математика, физика, химия (другие говорят — история, литература, география)». Но недавно, помнишь, я прочитал тебе такую выписку: «Образованная женщина является пыткой для мужа, детей, семьи, слуг, словом, для всех». «Каково твое мнение?» — спросил я. И ты почувствовала себя оскорбленной. «Кто сказал это, неужели ты?» — «Это сказал Жан Жак Руссо». Ты кровно обиделась на Руссо. И я почтительно извинился перед ним: «Простите, великий просветитель, философ и мыслитель. Мы, я, моя дочь, другие родители, девушки нашей страны не можем согласиться с вами, мы все вместе верим, что образованная и воспитанная на добрых началах женщина несет людям радость, укрепляет в семье счастье».

А семья, как мы говорим порой, — это маленькое государство. «Я тебя не выдам замуж», — угрожаю тебе

шутя. А ты смеешься, мол, кого это в наши дни выдают, мы сами выбираем...

Но как же мне не тревожиться, если я вижу, сколь часто выбор оказывается поспешным. Девушка не проверила своих чувств, ничего не смыслит в семейном труде, а твердит: «Люблю, хочу выйти замуж».

Станет она главой маленького государства, и возникнет угроза его благополучию и целостности. Если ты не ведаешь, я-то знаю, как легко распадаются маленькие государства в первый же год их создания.

А дети? Какой воспитатель выйдет из юной растерянной матери? Поэтому они вроде кукушек, подбрасывают своих детей их бабушкам и дедушкам: воспитывайте, мол, вы. Дедушки и бабушки, конечно, существуют ради того, чтобы любить своих внучат, но все же высшей заботой матери является воспитание честных, трудолюбивых детей. Не думай, моя родная, что в том величественном монументе «Мать Грузии», ставшем нашим национальным символом, воплощено лишь наше прошлое. Нет, в нем и наше настоящее, и наше будущее. Когда мы смотрим на него, то думаем уже не о том, как прекрасно оно с точки зрения искусства, а о том, каковы наши грузинские женщины и матери. А ты должна верить, что это не только образ женщины какого-то затерянного времени, но и олицетворение твоей будущей женской судьбы.

«Кого зовут женщиной, а кого — девкой», — говорит грузинская пословица. Кто же эти «девки»? Легкомысленные и ветреные женщины, эгоистичные, беззаботные и самовлюбленные, безответственные и падкие на минутные удовольствия. Это те женщины, которые не любят семейных дел, не могут вдохновлять мужа, детей, близких на добрые дела, не могут воспитывать детей, не осознают свой долг перед обществом. Нет, я не хочу видеть тебя такой.

С этими думами я лелею и творю свое редчайшее создание — мечту родителя. «Ты женщина! Не забывай, что твоя честь и достоинство являются в то же время честью и достоинством грузинского народа!» — шепчу я и самозабвенно предаюсь творчеству. Гармония линий, возможно, более изящная, чем в храмах лучших грузинских зодчих, — вот что мне нужно. Не уподоблюсь же я тому невезучему античному скульптору, который изваял прекрасный женский образ, а затем, влюбившись в него, ударил молотком и в отчаянии воскликнул: «Заговори же, наконец!» Я прекрасно знаю, что подлинная женщина не рисуется кистью, не высекается в мраморе, она должна воспитываться в постоянной заботе родителей, которыми движет чувство высочайшей ответственности.

Вот как велика и значительна наша роль по отношению к тебе. Понимаешь ли ты теперь, почему мы бываем возмущены, когда ты попусту тратишь время, почему так нетерпимы к твоим необдуманным, легкомысленным поступкам? Любой твой такой поступок будет разрушать наш идеал. А ведь это будет означать и наше разрушение! Не думай только, что мы хотим связать тебя по рукам и ногам. Самую большую радость нам принесет твоя разумная самостоятельность. Мы даже не боимся, что по неопытности ты в чем-то ошибешься, произойдет то, чего ты не хотела. Существует же чувство стыда, огорчения, сочувствия, признания, извинения и вообще откровенность! Все это, девочка моя, украшения благородства, человечности, средства сознательного воспитания собственной личности. Не стесняйся пользоваться ими.

Будем жить во взаимопонимании и помоги нам в своем же воспитании. Поможем друг другу, чтобы ты выросла достойной женщиной, а мы стали достойными родителями.

Твой отец

«Я — КОШКА, НО ВЫ-ТО — ЛЮДИ!»

Письмо третье

Добрый вечер, моя родная девочка!

Хотя я собираюсь говорить с тобой о кошке, однако ты, наверное, и сама догадываешься, что дело касается не столько кошки, сколько каждого из нас. Если человек хочет познать самого себя, в этом, пожалуй, ему может помочь и кошка, и канарейка, помещенная в клетку, и рыбки в аквариуме, и дворняжка, которая верно охраняет имущество своего хозяина. Но пока еще никто не заводил в доме кошку для того, чтобы самому ловить мышей и кормить ее ими; никто не приносил домой канарейку с той целью, чтобы сесть перед нею и запеть. Да не было и хозяина, который построил красивый дом, а затем взял ружье и заявил: «Пусть посмеет кто-нибудь обидеть мою собаку!» Все происходит наоборот: животными и птицами человек обзаводится для своих нужд и удовольствия, а не для того, чтобы им доставлять удовольствие и радость.

Наверное, так и должно быть. Однако...

Помнишь нашего, красивого золотистого кенаря, которого мы называли Дони? Сколько радости принесла нам эта маленькая птичка! Мы ее выпускали, бывало, из клетки, то она летала по комнате, то садилась нам на голову и щипала волосы, то прыгала по столу и обедала вместе с нами, иногда даже клевала из нашей та-

релки. А услышав, что ты играешь на пианино, она стремглав летела к тебе, садилась на кисть правой руки, совсем не боясь, даже когда твои пальцы летели по клавишам или брали сильные аккорды. И начинала петь с изумительной гармонией, вплетая свою мелодию в пьесу, которую ты играла. Это на самом деле было редчайшим зрелищем. Тогда мы все на цыпочках входили в комнату, чтобы видеть и слышать вас.

Потом Дони поднимал клюв вверх, вытягивал свои ножки и крылья и начинал пощипывать твою руку, как будто целовал ее в знак благодарности. И тогда Дони казался мне человеком, превратившимся в птицу.

Иногда мне даже хотелось спросить его: «А дальше что, Дони, как ты считаешь?..» Порой мне казалось, что Дони пытается нам рассказать что-то такое о себе, о том, что его беспокоит.

Мне хотелось понять тайный смысл его пения, поэтому я все чаще беседовал с ним как с разумным существом и был уверен, что мы понимаем друг друга.

Еще больше привязалась к Дони бабушка. Будем откровенны: хотя Дони я подарил тебе, но за ним смотрела только бабушка. Она знала, когда какую еду ему давать. Она и приучила Дони садиться на ладонь и клевать зерна. Бабушка в день по несколько раз чистила клетку и постоянно беседовала с ним, ласкала его, называла уменьшительными именами и, наверное, когда дома никого не было, рассказывала птичке о своей жизни, о каждом из нас, делилась своими заботами и огорчениями.

Так прожил Дони в нашей семье пять лет. Возможно, еще долго наш золотой кенар мог бы петь и радовать нас, но ты ведь хорошо помнишь, как бессмысленно он погиб. Рано утром бабушка почистила клетку, вставила в нее кусок фанеры, который служил полом, и ударила по нему, чтобы он плотно сел на свое место. Но она не заметила, как птичка, которая до это-

го летала по комнате, влетела в клетку. После долгих поисков мы нашли раздавленного Дони под фанерой. Мы оплакивали кенара, а бабушка слышала много упреков. Она плакала, чувствуя себя убийцей.

А теперь вот кошка.

Уже давно ты мечтаешь о собаке или кошке. Зачем они тебе? Затем, чтобы поиграть с ними, развлечься. А когда тебе будет некогда или надоест игра, не нужна будет ни собака, ни кошка (как и Дони). Встречал я на улице девушек, прижимающих к груди маленьких щенят, ласкающих и целующих их и очень довольных тем, что собачки бегают за ними по пятам и подчиняются им. А кто в семье заботится о кошке и собаке, чистит их уголок, кто понимает их язык и разговаривает с ними, сочувствует им? Дедушки? Бабушки? Родители? Да и какой смысл иметь дома, например, крохотную собачонку, которая не может сторожить квартиру или помогать хозяину? Зато может испачкать подъезд, бессмысленно и продолжительно лаять на соседа, раздражать окружающих. И все-таки животное в доме необходимо, наверное, для того, чтобы понимать его, чтобы научиться быть отзывчивым. Если ты сможешь сочувствовать животному, понимать его, то следует предположить, что ты лучше научишься понимать людей и проникнешься к ним чувством сопереживания.

На кошку мы случайно набрали на улице. Мы с тобой шли от зубного врача и вдруг увидели под деревом изумительную сиамскую кошку. Кошка посмотрела на нас и жалостно замыкала. Мы наклонились и приласкали ее. Кошка не испугалась, не убежала. «Вот о какой кошке я мечтаю», — сказала ты. Кошка как будто что-то говорила нам, мяукала, глядя нам в глаза. «Пап, ну пап, умоляю тебя, возьмем ее...» — начала ты упрашивать меня. — «А что скажет хозяин, мы ведь не можем украсть кошку!» Мы долго ласкали ее и не мог-

ли решить, как же нам быть. По правде сказать, я и не собирался брать ее домой. Кто будет ухаживать за ней? Все мы загружены делами, а кошка требует внимания.

Какая-то женщина заговорила с нами с другой стороны улицы: «Это очень хорошая кошка, — сказала она нам, — она без хозяина, вот в этой больнице приютилась, возьмите ее к себе!» Ты этого и хотела: «Папа, возьмем ее, пожалуйста!»

Разве может отец устоять перед мольбой дочери? Приласкает тебя дочь, поцелует один-два раза, и после этого не только кошку, но и крокодила домой притащишь. Но если бы я хорошо рассмотрел ее, то мог легко обнаружить, какой грех беру на себя. Ты же: «Возьми, умоляю!» Мне кажется, у отцов во всем мире совершенно особые чувства к дочерям. Они хорошо знают, что в каждой дочери сидит если не большой, то хотя бы крохотный чертенок, знают, что их не всегда надо слушаться, но им недостает силы воли, чтобы схватить этого крохотного чертенка за рожки и сказать ему: «А ну-ка, отстань от моей умной дочери!» Именно этот крохотный чертенок пользуется моей любовью: «Умоляю, папочка!» — и куда девается мой здравый смысл?

Мы подобрали кошку и пошли. По дороге кошка мяукала уже по-другому, думаю, она просила нас отпустить ее, но кто ее послушал! Мы сели в такси и отправились домой. Водитель, увидев у нас кошку, высказал свое мнение. «Ни собаку, ни кошку я в дом не впускаю... Не лучше ли ласкать своих детей или старых родителей?» В такси сидел еще один пожилой мужчина. «Зарубежные психологи доказали, — сказал он, — что именно те люди становятся жестокими и способными совершить преступления, которые в детстве ласкали собак и кошек!» Я тоже изучал психологию, но подобную мысль никогда нигде не встречал. Напротив, общеизвестно: воспитать в детях доброту можно и дружбой с животными, только следует приучить ребенка по-

нимать и сочувствовать животному, научиться его языку, нельзя разрешать ребенку мучить собаку или кошку, преследовать птиц, разорять их гнезда.

Что касается чуткого отношения к взрослым, то, конечно, девушка или юноша, у которых появилась в доме для развлечения кошка или собака, не должны забывать, что в первую очередь следует оказывать внимание и заботиться о бабушке, маме и вообще о людях. Вот о чем я думал, когда взял кошку. «Что ты, уважаемый...» — но я не успел поспорить с пожилым мужчиной, такси остановилось, и он вышел.

Дома мы застали твоего брата. Он подозрительно посмотрел на кошку (мальчики обычно не очень благоволят к ним) и сказал: «Для чего она вам нужна была?» — «Как для чего! Очень даже нужна! Я мечтала о такой кошке, посмотри, какая она красивая!» — застрекотала ты. «Она-то красивая, но...» Ты не дослушала брата до конца и попросила его помочь искупать кошку.

Кошку мы выкупали, надушили духами, налили ей молока и стали ждать маму и бабушку: посмотрим, что они нам скажут.

Сначала пришла бабушка. Узнав о кошке, она вздохнула: «О, боги мои, новая забота появилась!» Ты даже не обратила внимания, из-за чего тревожилась бабушка. Ты держала кошку на руках и носила ее из комнаты в комнату, сажала на колени, гладила по шерстке, ласкала, но она никакой радости не проявляла, мяукала все чаще, на разные лады кричала «мяу», и бабушка сразу же определила: «Эту кошку что-то беспокоит, она не хочет быть с нами».

Ты и тогда не послушалась бабушки, когда она попросила тебя найти ящик и со двора принести песок. Бабушка сама спустилась за песком, на дворе была непогода. Кошка тут же воспользовалась песком, но мяукать не перестала. «Может, она голодная?» — вновь начала бабушка. Мы и не заметили, как бабушка взяла

зонтик и отправилась в магазин. Кошке понравилась колбаса, она с аппетитом поела и еще жалобнее (по своему она плакала) замыкала.

Позже пришла мама. «Ой, кошка, откуда?» — воскликнула она с изумлением. Мы все ей подробно рассказали. «Кто будет смотреть за кошкой?» — забеспокоилась мама. В самом деле, кто будет смотреть за ней?

Ночью ты спала обычным сладким сном, а мы не смогли заснуть из-за жалобного непрерывного мяуканья. Кошка забралась на окно, собираясь прыгнуть с девятого этажа. Она смотрела на нас и так жалобно мяукала, что нам хотелось плакать.

Утром я совсем решил отнести кошку обратно. Но если отец не может устоять перед мольбой дочери, тем более он не вынесет ее слез. В течение дня ты ходила по своим делам, а в промежутках забавлялась кошкой: то сажала ее к себе на колени, то на стол. А ее ничего не забавляло, она и с мячиком не стала играть. Бабушка несколько раз меняла песочек для кошки, налила ей молока и накормила. Но кошка вскоре объявила голодовку. Ходила за нами, терлась о ноги, смотрела на нас и жалобно мяукала. Ночью ты опять крепко уснула, а кошка вновь начала разрывать наше сердце мяуканьем. Мама не выдержала. Она встала, начала гладить кошку, успокаивала ее, предлагала ей молоко и сыр. Кошка ни к чему не притрагивалась, только смотрела ей в глаза и как бы говорила, упрекала, упрасивала. «Определенно ее что-то беспокоит!» — сказала мама.

На следующий день в свободное время ты опять забавлялась кошкой, посадила на стол и завела с ней беседу, она же лизала тебе руку и беспомощно мяукала. Перед сном мы тебя предупредили, чтобы ночью ты оставила кошку в своей комнате. Что случилось в ту ночь? Наверное, кошка не дала тебе спать, все объясняла и жаловалась на свою беду. Если хочешь иметь

кошку — научись кошачьему языку, хочешь иметь собаку — научись собачьему языку. У животных своя боль, заботы, огорчения и радости, они о чем-то просят человека, делятся с ним.

Мне кажется, в ту ночь кошка помогла тебе что-то понять, так как утром ты сама попросила меня: «Отнеси кошку обратно!»

И когда мы подняли кошку, чтобы посадить ее в сумку, только тогда заметили, как набухли у нее соски. У кошки были котята! Вот о чем она говорила, объясняла нам! Своим «мяу» она хотела разжалобить нас. Ее котята остались голодные и беспризорные, а мы принесли ее домой ради забавы.

Я взял такси и высадил кошку у того дерева, где мы ее нашли. Кошка даже не взглянула на меня. Сначала она осмотрелась, как будто не верила обретенной свободе, а потом пустилась бежать, да как бежать! Она бросилась под арку большого дома и перепрыгнула через высокий забор...

Я шел и думал: ежедневно тысячи пап и мам, тетей и дядей дарят детям собак или кошек, канареек или рыбок для аквариума. Увидит это ребенок и запрыгает от радости. Но вот вопрос: зачем они дарят детям животных, птиц, собак, рыбок, зачем я согласился взять с улицы сиамскую кошку? Ведь мы это делаем не для того, чтобы ребенок сразу же обрадовался, запрыгал и ударил в ладоши, прижал к себе подаренное животное!

Мы, взрослые, не имеем права не придавать воспитательного характера нашим взаимоотношениям с детьми. Если за канарейкой будет смотреть только бабушка, а ты будешь наслаждаться лишь ее пением, тогда выходит, что моей задачей было воспитание бабушки!

Говорят, что дети любят животных. Я же, если судить по примеру нашей бабушки, ясно вижу, что настоящей любовью птиц и животных любят только старые люди. Они их любят, потому что жалеют беспо-

мощных животных, потому-то они так преданно заботятся о них, понимают их.

Дети любят животных не потому, что жалеют их, а потому, что развлекаются, играют с ними. Когда наскучит игра, им не нужно ни собаки, ни кошки. Разве не так?

Что нам сказала за эти дни сиамская кошка, которая старалась вызвать в нас жалость своим беспрестанным «мяу»? Вот что она сказала: «Я — кошка, но вы-то — люди»!

А так как мы люди, давай подумаем, как мы должны любить животных и вот эту прекрасную и удивительную природу, частью которой являемся мы сами.

Спокойной ночи желаю тебе, моя дорогая, и если ты все-таки увидишь сон, превратись в добрую волшебницу, которая знала язык всех животных.

Твой отец

МАТЬ

Письмо четвертое

Добрый вечер, моя милая девочка!

Есть на свете человек, чье сердце жарче и сильнее девяти солнц, — это мама.

Я говорю не только о твоей маме, а имею в виду всех настоящих матерей.

Знаешь ли ты свою маму? «Знаю, как не знать!» — скажешь ты и удивишься: о чем это он спрашивает?

Я же думаю, что ты по-настоящему ее еще не знаешь.

Чтобы узнать маму, нужно заглянуть ей в душу, ее глазами увидеть самое себя.

А дети часто свою маму считают тем человеком, который смотрит за ними, готовит им еду, стирает, гладит, без конца учит уму-разуму, что-то позволяет, что-то запрещает или к чему-то принуждает. Мама, по их мнению, — тот человек, с которым можно поссориться, от которого нужно скрыть, что не была на уроке, получила двойку.

Но мама — это и тот человек, которому можно довериться и, плача, рассказать, как тебя подвел друг, как несправедливо поступил с тобой учитель, какую нелепую ошибку ты допустила в контрольной.

Ребенок, возможно, не так уж хорошо понимает, что значит для него мать, зато все матери знают, как они необходимы своим детям и как трудно им будет без матери.

Недавно мы с мамой возвращались с работы. Около памятника Важе Пшавеле нас потрясло одно зрелище. Молодая женщина, болезненного вида, худая, безжалостно била девятилетнего мальчика. Она вцепилась ему в волосы, чтобы сын не выскользнул из ее рук, но мальчик и не пытался бежать. Он беспомощно прикрывал голову руками и смотрел ей в глаза. На асфальте валялся раскрытый портфель.

Мы не выдержали, бросились к ним, начали успокаивать, стыдить женщину: «Как можно бить ребенка, в чем он провинился!»

Женщина залилась горькими слезами, затем стали прорываться и слова. Из ее отрывочного рассказа мы узнали, что муж уехал куда-то далеко (может быть, бросил семью), что это ее единственный сын. Сама она тяжело больна («Хорошо знаю, что скоро умру»), и ее не оставляет мысль: кто будет смотреть за сыном, как он будет расти без матери, каким человеком станет.

А сегодня мальчик на два часа опоздал из школы. «Я испугалась, думала, может, попал под машину, переходя улицу... Чего только не представила... Встала с постели, пошла к школе, на тротуаре увидела что-то красное, приняла за кровь сына...»

Мать прижала к груди своего избитого сына, говоря, что больше не тронет его. А сын оправдывался: «учительница оставила нас, потому и опоздал».

Мать повернулась к нам: «соседей умоляю, присмотрите за сыном, чтобы не сбился с пути... И учителей прошу, и вас прошу, запомните моего Джемала, когда встретите на улице, остановите его и спросите, каким человеком он становится, дайте ему хороший совет».

Молодая женщина говорила нам это не для того, чтобы мы пожалели ее, она хотела, чтобы мы позаботились о ее сыне, а сердце ее в это время горело жарче девяти солнц...

«Я знаю свою маму», — смело скажешь ты. Я тоже так думал в детстве. Однажды, работая в пионерском лагере, я сильно заболел. Кто сказал, кто сообщил маме? Неожиданно пришла телеграмма: «срочно выезжаю». «Откуда ты узнала, что я заболел?» — «Сердце почувствовало, подсказало».

Верю, что материнское Сердце в самом деле может почувствовать, как живет сын (дочери), не боится ли он, не беспокоит ли его что-нибудь.

И не раз в детстве я обижался на мать, и этого хотелось и того. Однако мама, которая заменяла мне и отца, погибшего на фронте, далеко не все мои желания исполняла. Не позволяла долго играть во дворе, слоняться без дела, винила только меня, когда я ссорился с товарищами, требовала, чтобы я предупреждал, куда и надолго ли ухожу.

И мне порой казалось: она чрезмерно строга, сердита, слишком требовательна, шагу мне не дает ступить.

Зато она никогда не ограничивала меня в чтении, не жалела последних копеек, только бы я купил интересную книгу. Охотно отпускала меня во Дворец пионеров, куда я ходил в литературный кружок, приветливо встречала моих товарищей. Мама поручала мне мелкие дела, требующие мужской руки, не препятствовала моим стремлениям с ранней юности познать радость самостоятельного труда и ответственность старшего сына перед семьей.

Сейчас я часто думаю: допустим, я бы следовал своим желаниям, уклонялся от разумных советов матери, что тогда? Не знаю, что бы произошло, но верю, не вышло бы ничего путного.

Мать своими «да» и «нет» приближала меня к идеалу взрослого мужчины.

Мама моя уже постарела, то одно болит, то другое. Но ее сердце по-прежнему горит сильнее девяти солнц, это и меня делает сильным, упорным, когда мне

трудно, когда мне нужны новые силы.

Дети, к сожалению, поздно осознают тепло материнского сердца. Постепенно мать стареет, седеет, слабеет в мыслях и заботах о детях. Если приблизит детей к идеалу, нет предела ее счастью, она не вспоминает о прошлых огорчениях, гордится, радуется: «Знаете, какие у меня дети!..» Но если не сможет приблизить — еще больше сморщится, согнется, втихомолку будет плакать, прятаться от людей...

Если хочешь узнать свою мать, загляни ей в сердце, деточка! Я радуюсь, когда ты и мама вместе трудитесь: убираете квартиру, стираете белье, готовите обед. Иногда мама говорит тебе: «Сама постираю, ты не нужна мне». А ты наивно веришь, что маме и в самом деле не нужна твоя помощь. Какая мать не хочет, чтобы дочь помогала ей? Почему же тогда старается поменьше загружать тебя? Загляни в сердце матери — и ты поймешь, что она берет на себя двойную работу, чтобы предоставить тебе возможность читать, учиться...

Некоторые дочери принимают как должное двойную загруженность матери, они считают, так и должно быть: они заняты своими, более важными делами. А это уже беда, избалованная дочь становится неблагодарной: «Принесите... Подайте... Вы надоели мне... Мне некогда...»

Если ты знаешь свою маму, не верь ей, что ей не нужна твоя помощь, стань рядом, помоги, устань вместе с ней. Пусть даже обеспокоится мама, что тебе рано пришлось встать, что ты допоздна не могла лечь, лишилась развлечений. Но она подумает: «От скольких радостей отказывается моя дочка, чтобы облегчить мой труд!» И будет счастлива.

Меня радует и то, когда ты и мама вместе идете в театр, на концерт, читаете одни и те же книги, а затем обсуждаете, спорите. Иногда вместе поете или в четыре руки играете на пианино. Особенно люблю, когда вы о чем-то

шепчетесь, скрывая от других какой-то секрет. «О чем вы говорите?» — «Ни о чем». И обе загадочно улыбаетесь.

Отношения матери и дочери — близкие из близких. Кому откроет девушка свои самые сокровенные чувства? Маме. Кому же еще! Мама поймет, догадается, оградит, обнадежит. Но ведь и мама хочет иметь настоящего друга, которому можно доверить тайну, вместе обсудить семейные дела? Кто может быть таким настоящим другом матери? Конечно, дочь, кто же еще!

Извините, девушки, сколько вам лет? Четырнадцать, пятнадцать, больше? Значит, вы уже можете стать настоящим другом матери. Как? Это вы и сами поймете. Но только не в такие моменты, когда необдуманно и упрямо отвечали маме: «Не хочу! Не буду!» И не тогда, когда мать много раз повторяла просьбу, а вы, лениво раскачиваясь, нехотя брались за дело. Наконец, и не в те минуты, когда пытались отмахнуться от матери, наклонившейся приласкать: отстань, мол.

Что в это время происходит с материнским сердцем? Оно сжимается, глаза наполняются слезами. Один такой случай, второй, десятый, и возникает отчуждение. Дочери что — молодость принадлежит ей, она самозабвенно отдается радостям жизни, счастлива в своей собственной семье. А у матери сердце останавливается, дочь забыла ее... Нет, дочь помнит, что у нее есть мать, даже иногда готова помочь ей то в одном, то в другом... но забывает, что матери нужно еще и сердечное внимание.

Не так должны вести себя чуткие дочери. Они в силах сами почувствовать, что беспокоит маму, сами первыми приласкать и утешить ее, расположить к доверию и откровенности.

Все матери растят своих детей для людей, но и для себя тоже. Воспитывая ребенка, мать думает и о том, что в старости он будет ее опорой, что дочь присмотрит за ней, отблагодарит за труды и заботу.

Человеку можно простить всякий грех, но какой суд оправдает дочь, которая не оценила труды своей матери?

Нужно учиться любить маму, моя девочка. Когда малыша спрашивают, как он любит свою маму, он сжимает кулачки, весь напрягается, крепко жмурит глаза, сдерживает дыхание и, наконец, целует воздух: мол, так люблю.

Мать нужно любить нежно, беречь ее, чтобы слово твое, твой поступок не причинили ей боли, нужно уважать ее, ласкать искренне и трогательно.

Мы пока что в расцвете сил. Мама и я много трудимся. Она в семье вдохновляет всех, на работе ее знают как способного и творческого педагога. А я в маму, могу гордо сказать, влюблен уже двадцать лет.

Знаешь, какая история произошла с нами вчера? Мы шли от бабушки. Напротив филармонии ждали автобуса. На остановке никого, кроме нас, не было. Мы разговаривали, смеялись, и вдруг мне захотелось крепко обнять твою маму, поцеловать и шепнуть: «Я люблю тебя, моя родная!» Я так и сделал.

И вдруг я вижу, что с другой стороны улицы к нам направляется молодой, лет двадцати, милиционер. Я подумал, наверное, это мой бывший ученик, хочет поговорить со мной. А он приблизился, козырнул и строго обратился ко мне: «Гражданин, ваши документы!» Я не поверил своим ушам: «Зачем вам мои документы?» (Их, кстати, и не было со мной.)

И двадцатилетний стал читать мораль пятидесятилетнему мужчине: «Как не стыдно такому солидному мужчине обнимать на улице женщину, какой пример подаете другим?»

«Эту женщину, мать моих детей, я никогда не обделю лаской», — сказал я милиционеру, поцеловал маму в щеку и снова обратился к нему: «А теперь берите меня в милицию! Лучшей причины не найти, чтобы милиция хоть раз задержала меня!»

Милиционер сник, извинился, снова приложил руку к фуражке и удалился.

Интересно, что сказали бы вы, мои дети, если бы по этой причине меня действительно задержали вчера вечером?..

В моем столе я храню одно стихотворение. Насколько я помню, ты была в пятом классе, когда написала его. Вот оно.

Мама

Сидит, размышляя,
День и ночь.
Кто это?
Милая мама.
Всегда готовая
Всем помочь.
Кто это?
Милая мама.
Возвышаясь над всеми
В своей простоте.
Кто это?
Милая мама.
Спокойна,
Прекрасна
В любой суете.
Милая, милая мама.

Бережно относись, моя девочка, к тем чувствам, которыми подсказано это стихотворение, множь эти чувства. На свете не существует человека роднее и любимее матери.

Желаю тебе спокойной ночи, моя родная. Желаю тебе увидеть во сне, как светится и сияет лицо матери, когда кто-то говорит ей: «Каких хороших детей вы воспитали!»

Твой отец

ВЛАСТИТЕЛЬ ВРЕМЕН

Письмо пятое

Добрый вечер, моя добрая девочка!

Можешь ли, не раздумывая, сказать, сколько тебе дней? Не знаешь. Сегодня закончился 6100-й день твоей жизни. Этот день, как и все прошедшие дни, никогда не повторится.

Ну и что же, скажешь ты, подумаешь, велико горе, если день кончился! Дней сколько хочешь, столько и будет!

Да, конечно, дни на нашей земле нескончаемы, но каждый день нуждается в достойной встрече и проходах. Мы почему-то привыкли считать свой возраст годами. Но мне думается, что это слишком большая мерка для такого чуда, как время и жизнь. И вдобавок она создает двойную иллюзию.

Во-первых, кажется, что человеческая жизнь коротка. А если так, то каким же нам покажется день, тем более час, минута, секунда? Они в нашем представлении превращаются в крохи времени, беречь которые мы не считаем нужным.

А иногда нам кажется, что в году — от января до декабря — очень много времени. Подростку же год может видаться просто бесконечностью. Поэтому куда торопиться, думаем мы, и с одного дня на другой переносим неотложные дела или ищем какое-нибудь

развлечение, чтобы не замечать, как уходит время, убиваем его.

Жалко, доченька, человека, который живет во времени и не видит его. Жалко человека, который не знает цены времени. Жалко, родная, такого человека без перспективы, без смысла жизни. В его голове мысли движутся так же лениво, как тучи в безветренную погоду, и эти мысли темны так же, как тучи в безлунную ночь. «Человек властитель времени лишь тогда, когда разделит его на часы, минуты и секунды, т. е. на такие части, которые соответствуют его краткотечной жизни... Жизнь кажется короткой только потому, что мы беззаботно мерим ее нашими необдуманными мечтами». Ты ведь любишь Анатоля Франса? Это его мысль.

По моему убеждению, самая светлая и естественная единица времени — день.

Дни мне кажутся восходящими к солнцу ступеньками.

Большинство людей бодро и упорно поднимаются по ним, помогая друг другу: кто пашет, кто сеет, кто вяжет, кует, кто вдохновенно творит свой стих, который, может быть, станет частицей души целого поколения. Кто-то именно сегодня откроет новый элемент, создаст новую теорию...

День — само существование, сама реальность жизни. Годы могут возвеличить человека, а один день — низвергнуть его; годы могут уничтожить его, а один — сделать бессмертным. Вот что такое день в жизни человека. Поэтому ты должна радоваться и благоговеть перед собственным днем, перед неповторимостью своего существования, радоваться и беречь его 24 часа, или 1440 минут, а в конце концов 864 000 секунд. И если хочешь все выше и выше следовать по солнечным ступенькам, тогда наполни собственный день трудами и заботами, устань от того, что в течение все-

го дня работала, мыслила, создавала, преобразовывала, сочувствовала, находилась рядом с людьми. И когда утомленная от этого труда посмотришь на человеческую жизнь, ты увидишь, какая она большая и долгая; когда обнаружишь, как ты нужна людям, то почувствуешь, как дорог тебе каждый день, каждый час, минута, секунда.

Нас день наполняет солнцем и жизнью, и мы тоже должны наполнить его своей жизнью. В твоей жизни сейчас наступает пора, когда ты должна овладеть специальностью. И от того, каким будешь специалистом и каким ты станешь человеком, будет зависеть многое. Помнишь, что рассказали нам недавно в больнице, где лежит твоя бабушка? Один врач сделал девятикласснице операцию аппендицита. Через несколько дней девочке стало хуже, рана нагноилась, а встревоженный врач успокаивал взволнованную мать: ничего, мол, обойдется. Девочка погибала. Другие врачи повторно оперировали ее и не смогли скрыть своего возмущения коллегой, который проявил элементарное незнание. Этот горе-специалист, вероятнее всего, сидя на лекциях, убивал время, одним глазом читал учебники, одним ухом слушал преподавателей. Так вышел из института плохой специалист, и люди страдают по его вине. Если бы он был честным человеком, наверное, сам отказался от операций.

Вспоминаю и другое, ты сама рассказывала об этом.

В нашем районе разрушилось новое пятиэтажное здание телефонной станции. Почему разрушилось? Потому что его строили так себе подготовленные инженеры.

Ты хочешь поступать в университет. Быстро пролетят студенческие дни. Что будет, если каждый из этих дней ты не наполнишь смыслом, не устанешь от дум, вопросов, работы, поисков? Случится то, что уче-

ники, преподавать которым ты станешь, ничему не научатся у тебя. Нет, я и думать не хочу об этом! Ничего нет страшнее посредственного специалиста! Посредственное никуда не годится, посредственный никому не нужен!

Не хочу видеть тебя посредственной! Учись со всем старанием и творчески, чтобы стать отличным специалистом. Если будешь матерью — должна быть прекрасной матерью. А так как ты дочь, должна быть прекрасной дочерью.

Хочешь приобрести знания и человеческие достоинства, приобретай их именно сейчас, в годы ученичества, так как именно сейчас этого легче всего достигнуть, потом, с возрастом, труднее будет учиться и перестраивать себя.

Сейчас! Но как?

Предложу тебе один воображаемый эксперимент, подобных которому в действительности сколько угодно. Возьмем двух девушек-сверстниц и рассмотрим один их день.

Одна встала рано утром, приготовила завтрак и понесла бабушке в больницу, приласкала и успокоила ее. Другая встала поздно и набросилась на мать, почему не приготовила ей кофе?

Одна занималась пять-шесть часов, читала книгу, учила стихи: кто знает, что попадет на экзамене?

Другая переписала четыре-пять шпаргалок и ломала себе голову: в какие складки платья засунуть их, чтобы незаметно использовать на экзамене.

Одна вежливо отказала подружкам: не смогу пойти с вами в кино, нет времени.

Другая посмеялась над ней и пошла гулять с подругами.

Одна вечером помогала маме стирать белье, другая в это время застыла перед телевизором. Допустим, так прошло много дней. Первая девушка большую

часть дней заполнила заботами, вторая же большую часть дней «проводила», «убивала». И возможно, тоже уставала... от безделья. Тебя не затруднит сделать вывод: кто из них станет настоящим специалистом, а кто посредственным.

И вот теперь скажи сама, имеют ли право юноша и девушка заявить: «А вам какое дело, как я учусь, ведь от этого теряю я, а не вы».

Как это мы ничего не теряем! Разве это было ничего, когда девочка чуть не погибла от аппендицита, а уже построенный дом рухнул?

Наша семья — семья тружеников, девочка моя! Бабушка за всеми нами смотрит, готовит обеды, выполняет тысячу мелочей по дому. Понаблюдай за бабушкой: она постоянно чем-то занята, не может сидеть, если даже нечего делать, изобретет его для себя.

Мама организует жизнь семьи, создает для школьников новые учебники, участвует в научных конференциях, проводит уроки в школе. И что самое главное, каждого из нас одаряет своей заботой, лаской, любовью.

Трудолюбив и твой брат. Никогда не застанешь его без дела. Одновременно учится на двух факультетах. В дни летних каникул работает на фабрике или в типографии рабочим. Много делает и по дому, никогда ни в чем не отказывает нам, не упрекает. К тому же обрати, пожалуйста, внимание: каким он бывает заботливым и ласковым по отношению к своим бабушкам.

И я тоже не могу жить без труда, и ты, я уверен, станешь тоже трудолюбивой девушкой.

При этом мы любим развлекаться, принимать гостей, бывать у родственников и близких, ходить в театр и кино. В конце каждого дня мы обычно собираемся за ужином в нашей маленькой столовой и рассказываем друг другу, чем мы занимались днем, что нас по-

радовало и что огорчило, кого мы встретили и что узнали. Вот тут мы и обнаруживаем, каким длинным был день у каждого из нас и в то же время как незаметно он промелькнул. Мне кажется, что у всех у нас сложилось одно правило, которому мы следуем.

Начало нашей семьи — взаимная любовь, а высшее проявление этой любви — добрые поступки и труд на благо людей.

По вечерам мы чувствуем, что, оказывается, тоже устали. Но мы довольны, радуемся, что уже подошли к ступеньке завтрашнего дня. А каким будет наш завтрашний день — это зависит от нашей воли.

Сама подумай, доченька: разве мы можем позволить себе бесследно потерять день?..

Твой отец

КОЛЮЧИЕ ВОПРОСЫ

Письмо шестое

Добрый вечер, моя милая девочка!

Хочу быть с тобой откровенным.

Конечно, я знал, во всяком случае, чувствовал, что тебя что-то мучает. Это хорошо, что у нас порой возникают разногласия по поводу той или иной жизненной проблемы. У тебя свое мнение, у меня — свое. Вы с братом иногда начинаете атаковать нас с такой железной логикой, логикой жизненных фактов, что наши рассуждения, оправдывающие некоторые явления прошлого и настоящего, теряют всякую силу.

Да, разумеется, есть какой-то барьер опыта между поколениями. Вам, юношам и девушкам, трудно перешагнуть через него, ваш анализ не углубляется в корень сегодняшних фактов, и получается, что прошлое вам нипочем, для вас важнее сегодняшнее и только через него — будущее.

Нам же, взрослым, трудно освободиться от своего опыта, от того, чтобы видеть настоящее и будущее вне призмы прошлого. Вот и возникают осложнения во взаимоотношениях.

Плохо ли это?

Нет, почему! Очень даже хорошо, что есть такая трудность. Она дает нам толчок для бурного обсуждения многих проблем, в ходе которого изменяются обе стороны.

Я начал с того, чтобы поразмышлять с тобой о себе, о своем самовоспитании, в котором ты принимаешь самое активное участие. Возможно, этот мой самоанализ поможет тебе сделать то же самое и, таким образом, глубже и лучше понять себя и нас.

Я уверен: путь к взаимопониманию и познанию друг друга проходит через понимание и познание в первую очередь самого себя. И чем глубже человек познает себя, свой характер, устремления, ценности, жизненные цели и т. д., тем легче ему будет понять других людей и окружающий мир в целом. А это очень важно: взаимопонимание — это источник вдохновения и творчества, духовных сил и надежд. Ты силен десятикратно, когда тебя понимают, но становишься во сто раз сильнее, когда ты понимаешь других.

Однако скажу, почему мне вдруг захотелось довериться тебе, довериться будущему. Хотя логика ваша без чувства историзма, и потому события прошлых и настоящих времен вами, молодыми, оцениваются без связи друг с другом. Ваше возмущение и удивление действительно неприглядными жизненными явлениями оторваны от корней своего возникновения. Тем не менее, ваш железный юношеский максимализм имеет влияние на взрослых. Особенно почувствовал я это сейчас, когда в нашей жизни правда становится стержнем наших суждений, наших дел.

Года три назад, будучи еще пионеркой, ты вернулась из школы взволнованная и возмущенная. Чем? Тем, что, как ты выразилась, мы учим вас лгать, говорить неправду, говорить вслух одно, а думать и делать другое.

— У вас тоже так на партийном собрании, как у нас на пионерском? — спросила ты. — Стоишь на трибуне и говоришь, как попугай, повторяешь то, чему не веришь!..

Ты задела меня за живое. И мне показалось, что порой я уподобляюсь маляру, который перекрашивает дряхлые постройки в яркие краски и убеждает всех,

что жить в них одно удовольствие и наслаждение. Да, было так: гордясь и восхищаясь хорошим, — старались не замечать дурного, пытались переокрасить словами пятна жизни и думали, что это и есть наиболее плодотворный метод воспитания уверенности, оптимизма. Слова наши очень разошлись с действительностью, с делом, мы пугались правды, боялись сказать правду. Чем это было вызвано?

Вот и мое откровение: заблуждением, покорностью перед силой, которая диктовала, которая думала и решала все вместо тебя, а от тебя требовала верить ей, не сомневаться в правильности ее решений. Она требовала еще, чтобы мы восхищались жизнью, строительством, масштабами. Разумеется, было и есть чем восхищаться, но остались перекрашенные пятна, замаскированные события.

Ты тогда заявила еще, что твоя пионерская организация учит вас врать. В тот день к вам должны были прийти из райкома комсомола, и чтобы не возникли недоразумения, уроки были упразднены и вместе с классной руководительницей и пионервожатой вы все наспех стали оформлять на бумаге несостоявшуюся жизнь. Вас учили, как отвечать проверяющим на тот или иной вопрос.

— Если спросят, какие у вас были сборы, то скажите: такой, еще такой, такой...

Но этих пионерских сборов не было, были только дневники с рассказами о событиях, посвященные им стенные газеты, выпущенные в этот день.

— Если спросят, какие у вас были походы и экскурсии, обсуждения и дискуссии, какая у вас самостоятельность, то скажите...

И опять выдуманная жизнь.

Это был не первый случай вранья, а здесь к тому же еще надо было спасать пионервожатую и классную руководительницу.

Однако недоразумения все же произошли. Проверяющие поговорили с вами доверительно, по душам, по-настоящему, и вы начали говорить правду. Проверяющие ушли, а пионервожатая и классная руководительница да еще и заместитель директора по воспитательной части напали на вас, пристыдили. Это и привело тебя в ярость: «Вы только тому и учитесь, как лгать... Вы не хотите видеть настоящую жизнь... Вот какие вы, взрослые!..»

Тогда я попытался сгладить происшедшее, но мои старания вызвали твой гнев: «Значит, и ты заодно с ними? Значит, нам надо было лгать?.. Не лучше ли было бы устраивать настоящие походы, соревнования, диспуты?..»

Да, конечно, было бы лучше, но мы привыкли говорить неправду, привыкли хвалить себя. Составляем радужные планы, а потом забываем о них.

«А почему привыкли, может быть, вас напугали? Ты тоже из пугливых?» — упорно задавала ты мне эти вопросы. И я, к стыду своему, уклонился от откровенного разговора, не знал, что и как тебе сказать, твои факты и логика не укладывались в мои объяснения.

Вспоминаю еще один случай. Ты пришла домой из гостей взволнованная.

— А вы знаете, — сказала ты, — послезавтра наши космонавты полетят в космос, — и даже назвала фамилии будущих героев.

— Откуда ты знаешь? — удивилась мама.

— Она всегда все знает, постоянно слушает новости, — сказала бабушка.

— Но ведь об этом еще ни слова не говорили! — возразила мама.

О наших космонавтах нам обычно сообщали тогда, когда они уже завершали свой полет или в лучшем случае выходили на орбиту. Не знаю, почему все это было тогда засекречено для нас. В то же время западные радиостанции уже передали сообщение о предсто-

ящем полете. Кто-то послушал «Голос Америки» и пришел в школу с новой информацией.

— Глупости, — сказала бабушка, — «Голосу Америки» верить нельзя, там только врут!

— Давай поспорим, что полетят, хочешь? — предложила ты бабушке.

Спустя два дня все радиостанции сообщали весть о полете наших космонавтов и назывались именно эти фамилии.

— Вот видишь, — приставала ты к бабушке, — а ты говорила, что «Голос Америки» врут! Это у нас врут и все скрывают!

Эти твои обобщения напугали меня. Что я мог тебе возразить? Сказать, что так лучше, что мы не знаем, когда полетят космонавты и кто именно полетит? Нет, такое оправдать трудно. Но вот более сложная проблема: откуда узнали на Западе о наших секретных планах? А если это не секрет, то почему бы об этом не сообщить своему народу? Ты возмущалась: «Вот так всегда нас держат в неведении!»

В общем, таких случаев в нашей жизни было немало, и они усложняли мое общение с тобой. Гласность — вот что нужно было мне, нам, твоим воспитателям, всем воспитателям юношей и девушек. Нам нужна была не просто гласность, но опережающая все «голоса» правдивая информация. Тогда и у меня с тобой, и у других родителей не возникали бы трудности в установлении доверия и взаимопонимания. Может быть, мне надо было тогда набраться смелости и прямо сказать тебе: «Да, моя дорогая, это недоразумение, это наша глупость, наша недалёковидность...» Но я поосторожничал, думал, что этого нельзя делать, пусть узнает сама потом, а лучше, если не узнает никогда.

Я думал так, а тем временем в тебе подспудно складывалось какое-то небрежное, неуважительное, скептическое отношение к нашей действительности.

Меня это страшно беспокоило, так как грозило разрушить доверие между нами и вообще наши отношения могли зайти в тупик. Мне нужно было выбрать один из двух путей: или нравочениями и авторитарными требованиями попытаться промыть тебе мозги (чего я, конечно, не хотел), или же найти доказательства более сильные, чем твои аргументы, показать тебе подлинные нравственные ценности и раскрыть их истинную суть. Поиск второго пути всегда толкал меня к искренности, правде, открытости в общении с тобой. Но вот моя тревога — не осложнить тебе жизнь и в настоящем и в будущем толкала меня к полуправде, значит, к осложнению наших взаимоотношений.

А настоящая жизнь врывается в наш дом.

— Это правда, — спросила ты меня, — что в бюллетенях по выбору депутатов написано: «Зачеркнуть всех, кроме одного», а там только одна фамилия?

Ну и что? — ответил я осторожно, — Избиратели выдвигают одного кандидата в депутаты и выбирают его, но они имеют право выдвинуть и нескольких...

— А почему не выдвинули нескольких, чтобы выбрать из них одного? — допытывалась ты, и я чувствовал в твоих вопросах недоверие, насмешку. — Какие у вас получаются выборы?

Подобные разговоры в тот день, по всей вероятности, происходили и в семьях твоих одноклассников, ибо разговор этот начался в школе.

Я приводил «аргументы», но все равно ты не поверила, потому что твоя логика не могла терпеть ограничений в свободе выбора.

Нет, честность, открытость, правда — вот на каких начал следует воспитывать юношей и девушек! И я открылся тебе: конечно, надо демократизировать систему выборов, должно быть несколько кандидатов в депутаты, пусть выдвинут они свои программы действий, а мы потом подумаем, за кого голосовать...

Какое счастье, что времена меняются.

Раньше я мог запретить тебе искать причины исчезновения в 1937 году замечательного поэта Тициана Табидзе, стихи которого составляют гордость нашего народа. И я поступил бы так потому, чтобы опять-таки уберечь тебя. Но тут же в душе возмущался бы за такое темное прошлое. Зато полуправда начала бы терзать тебя, а докопавшись до правды, ты могла бы взбунтоваться... Но правда, истинная правда, пусть очень горькая, пусть безжалостно обличительная правда, высказанная с чувством раскаяния, с чувством вины за совершенное беззаконие, откровенность отца перед детьми — подростками, юношами и девушками, есть основа для установления взаимоотношений между ними на началах сотрудничества. Но есть и другая основа, забыть которую нельзя, есть другая правда, которую нельзя умалять, — это созидательный труд людей, их героизм, патриотизм, это дух народа, который убить нельзя. И этой правдой тоже искренне надо гордиться...

Вместе с тобой возмущаюсь событиями 37-го года. Какое это было трагическое время беззакония, произвола, бездушия! И сколько великих жизней оно унесло! Тициан Табидзе наверняка написал бы несколько томов очищающих и возвышающих душу стихов, а какие литературные шедевры мог бы создать Михаил Джавахишвили. И все это потеряно для народа навсегда. Конечно, надо докопаться до сути событий, надо узнать, почему все это произошло, кто в этом виноват, надо восстановить картину трагических событий тех лет, когда погибали люди, ломались их судьбы. К сожалению, я не знаю, что тебе рассказать о Тициане Табидзе, нигде об этом не читал, ни от кого не слышал, и если узнаешь сама, то, пожалуйста, расскажи и мне.

Какой разговор у нас, взрослых, должен быть с нашими повзрослевшими детьми?

Мне нужен диалог с тобой, дочка моя, постоянный, откровенный, основанный на правде. Это я, это мы, взрослые, на которых возложено воспитание детей, должны быть чистосердечными, искренними, откровенными и открытыми перед тобой, перед вами, нашими детьми. Мы должны научиться чистосердечному признанию наших ошибок, мы должны стать единомышленниками вашими в анализе возникших в нашем обществе трагических явлений. Иначе вы не будете воспринимать от нас никакие нравственные ценности и идеалы.

Вот на какие размышления навели меня твои ключевые вопросы, которые ты задавала порой с какой-то насмешкой, с каким-то раздражением. И я прихожу к выводу: нужно разобраться в них не только тебе, но и мне тоже, и пусть станут опорами нашего диалога правда и искренность, самоанализ и взаимопознание...

Нам надо научиться прислушиваться к вашим мыслям, соображениям, разобраться в ваших оценках, и делать это следует с той же искренностью, какую проявляете вы в споре с нами. Нужно и другое: осмыслить свой опыт и свои знания на фоне ваших скептических рассуждений и освободить себя от предвзятых оценок, предупреждающих меня о необходимости стерилизации так называемой воспитательной среды. Среду надо очеловечить, это верно, но стерилизовать ее для воспитания не нужно.

Ты уже давно не ребенок, и помочь тебе следует не в том, чтобы уберечь, отгородить тебя от жизни, а в том, чтобы определить жизненную, гражданскую, общественную позицию. А этому, естественно, ни в коей мере не будет способствовать уход от проблем, которые волнуют тебя. Ты должна критически осмыслить и освоить нашу действительность, наше прошлое, должна знать о наших трагических ошибках. Ты имеешь на это право. Твое поколение имеет полное право, принимая

эстафету жизни, спрашивать нас: а все ли в этой жизни в порядке, какие и почему допущены ошибки? И мы обязаны отчитываться перед вами, не скрывая ничего ни из прошлого, ни из настоящего, не обманывая вас и не вводя в заблуждение. Замалчивая факты недавнего прошлого, мы протаскиваем в будущее старое общественное лицемерие.

Порой думают, что за семейное воспитание полностью отвечают родители, которые должны давать пример всей своей жизнью. Но что делать в тех случаях, когда трагизм общества вторгается в жизнь, осложняет воспитательный процесс в семье? Скажем, нет справедливости в обществе, и я не могу оправдать власть...

Спокойной ночи желаю тебе, моя родная, и пусть приснятся тебе две богини: богиня мудрости — ее зовут Афина, и правосудия — Фемида.

Твой отец

ИСТОЧНИК СИЛ

Письмо седьмое

Добрый вечер, моя милая девочка!

Итак, начнем!

Жила-была одна...

Да ведь я тебе сказку рассказываю, зачем ты меня прерываешь? Разве ты не соскучилась по моим сказкам?

Раньше я рассказывал тебе сказки, чтобы развивать твою фантазию и воображение, чтобы ты поняла, какая борьба идет между добром и злом, как побеждает добро и как дорого обходится ему эта победа. И конечно, рассказывал еще, чтобы ты сладко засыпала и видела светлые сны.

Разве плохо видеть сны? Они как странные фильмы, связанные с твоей судьбой и жизнью, которые кто-то снял только для тебя и только тебе их показывает. И показывает лишь один раз, без повторения. Во сне ты говоришь, действуешь, дружишь или ссоришься. Словом, сны — это чудесные фильмы, чего только не увидишь в них, с кем не встретишься, в каком времени не будешь жить.

Допустим, вчера ночью тебе бы приснился сон: обе бабушки беседовали друг с другом, вспоминая что-то, то радовались, то плакали. Вдруг ты подошла к ним. Бабушки сразу вытерли слезы и улыбнулись тебе.

Ты хотела спросить: «Бабушки, чему вы радуетесь или зачем плачете?» И вдруг обе бабушки словно исчезли и перед тобой раскинулось море. И в это время ты проснулась.

Что бы ты сделала, как поступила сегодня, если бы ночью увидела такой сон? Может, начала бы гадать, что значит увидеть во сне бабушек и море. Или, может, вообще забыла бы об этом сне?

Думаю, ты поступила бы иначе. Наверное, приласкала бы сначала одну бабушку, затем другую, а потом принялась бы настойчиво расспрашивать, не беспокоит их что-нибудь? Нет, сказали бы бабушки, лишь бы тебе было хорошо, расти достойным человеком, а нам ничего не надо. «А все-таки, а все-таки», — не отставала бы ты от бабушек. И тогда бы ты поняла, что, этот сегодняшний день для бабушек — день самых горьких воспоминаний. «Маруся, продержись как-нибудь, смотри за детьми, вырасти их хорошими людьми. И себя береги. Я тоскую и тревожусь о вас». Эти слова из письма моего отца, которое твоя бабушка получила в последний раз. Дети выросли, давно стали старше своего отца, создали семьи. И люди неплохо о них отзываются. «А ваш дедушка, — скажет бабушка, и глаза ее наполнятся слезами, — погиб на войне... Будь проклята война и те, кто ее разжигает!» Вот как сбился бы твой сон...

Да, а я ведь сказку рассказывал! Чуть не забыл!

Жил-был... один гадкий утенок... нет, не утенок (это в сказке Андерсена, а ты ее знаешь наизусть). Жила-была одна гадкая девчонка, завернутая в белоснежные пеленки, а сама некрасивая, сморщенная, крикунья.

Зачем ты меня прерываешь? Разве ты не догадываешься, о ком эта сказка? О тебе, о ком же еще! Ты героиня этой сказки. Так рассказывал мне сказки и отец: я был главным героем его сказок. В сказках отца

я прошел через многие опасности и препятствия, семь раз переплывал семь морей, семь раз переходил семь гор и на седьмое небо поднимался семь раз, спасая красавицу, заточенную в замке за семью замками. У семиглавого чудовища отрезал семь голов, семь раз освобождал прикованного к скале Амираана. И хотя я уже прожил более полувека, все равно мечтаю, чтобы отец был жив и рассказывал мне сказки.

Сегодня я перечитал письма, которые отец присылал мне с фронта в 1942—1943 годах. Когда я получал эти письма, мне было одиннадцать-двенадцать лет. Учился я в деревне. С Кавказских гор ежедневно слышался такой грохот, что в домах дребезжали стекла. Несколько раз над деревней пролетали немецкие самолеты. Крестьяне выбегали во двор, нацеливали сжатые в кулаки руки на самолет, подобно зениткам, и так кричали и ругались, что, казалось, самолеты пугались и улетали. В то время письма отца наполняли меня смелостью: отец на фронте, разве что-нибудь нам могут сделать фашисты? Сегодня, спустя сорок с лишним лет, в этих же письмах я увидел моего настоящего отца, увидел молодого папу: «Присылай письма, любимый мой мальчик», «Крепко-крепко целую тебя издалека, мой мальчик, передай привет моей маленькой любимой Нателе, расцелуй ее вместо меня», «Сынок, береги сестру, не обижай ее, жалко нашу маленькую Нателу», «Почему не пишешь письма, негодник, в чем дело?» В самом последнем письме отец мне тоже написал несколько строчек: «Мой дорогой мальчик, будь здоров, учись на «отлично». Смотри за матерью и сестрой, береги их, обо мне не беспокойся».

Сердечная ласка в письмах отца, последний наказ его и по сей день сопровождают меня как призыв, что бы я — плоть и кровь его — следовал его великодушию.

«Ведь у него была же бронь, зачем он пошел на фронт?» — спросил меня товарищ, когда я был в пятом

классе. Тогда я не смог убедительно ответить ему, почему миллионы советских людей пошли на фронт добровольцами. Легко сказать! Знаешь, что такое вера? Это начало всех начал в человеке.

Человек силен, когда верит в благородный общечеловеческий идеал, когда руководствуется им, — тогда он готов в любую минуту совершить героический поступок.

Моему отцу было двенадцать лет, когда он сбежал из деревни от отца, торговца вином, и в Тбилиси начал работать в типографии рабочим. Был типографщиком, газетчиком, печатал книги и все больше проникался верой в добрые идеалы. И как он мог не пойти на фронт, когда его вере в идеал, его Родине грозило уничтожение. Есть единственный путь выразить истинную любовь к Родине — действовать ради ее блага. В отцовской вере в Родину находилось место и нам, его семье: жене, детям, близким, которые нуждались в защите. Поэтому он пошел на фронт добровольцем. Пошел для того, чтобы и мне внушить свою собственную веру.

Я дам тебе фронтовые письма моего отца, дам еще тетради с протертыми, пожелтевшими листками, в которых твой дедушка, отец твоей матери, скончавшийся за пять лет до твоего рождения, описывает свои фронтовые будни. Вот одна запись. «Мы ужинали, когда внезапно три самоходных орудия «фердинанд», которые мы уже знали по выстрелам, с ужасным грохотом обрушились на наше расположение. Около 30 минут длился этот сеющий смерть обстрел. Сколько оторванных кистей рук, сколько человеческих трупов было на земле после этой бомбежки! Стоны, мольба о помощи, вопли предсмертной агонии. Но были люди, которые не дрогнули. Пробитый пулей партийный билет, который достали из нагрудного кармана Науменко, и с не высохшими еще каплями крови карточка его ма-

ленького сына свидетельствовали о том, куда попала смертельная пуля. Часто во время отдыха где-нибудь в землянке Науменко доставал фотографию единственного сына и долго, очень долго смотрел на это детское лицо, а потом говорил: «Если погибну, оставьте фотографию эту при мне». Человек, который в боях был воплощением стойкости и надежды, оказался очень нежным и чувствительным отцом».

Ты многое должна будешь рассказать своим детям об их предках, иначе как вырастишь в них любовь к Родине! Разве достаточно уметь любоваться красивыми горами, чтобы ощутить эту землю как Родину? Человек любит своих предков. Чаще бывай на могиле дедушки, моя родная, ходи и на могилу неизвестного солдата, как будто это потерянная могила моего отца. Положи букет цветов и задумайся на несколько минут о своем долге перед ними и своих детей в будущем наставляй, чтобы они так же поступали.

...Я совсем забыл, с чего начал! Ну конечно, я рассказывал тебе сказку об утенке... Да не об утенке, а о гадкой девчонке. «Кто будет смотреть за этим гадким созданием?» — спросила мама, когда младенец так старательно дрыгал ножками, что вылез из пеленок. Бабушка осторожно взяла его и опустила в ванночку с теплой водой. «Гадкое создание» начало барахтаться и забрызгало бабушку. «Ах, ты и в самом деле гадкая!» — рассмеялась бабушка.

Тогда бабушка была моложе, за последние годы она сдала, обе бабушки сдали. Они состарились.

Знаешь ли ты, что такое старость, возраст? Морщинки на лице или седые волосы? Нет, возраст и морщинки — это еще не старость. Старость — это память о прожитой жизни, горечь о потерянных людях, тревожные, беспокойные думы о будущем детей, внуков, умудрено-наивный протест: как еще может существовать где-то зло, почему его не уничтожат немедленно.

Ты случайно не спрашивала одну из бабушек, какой сон она видела ночью? По-моему, в сновидениях нынешних бабушек чаще всего оживают истории сорокалетней давности — война, голод, нужда, поток слез из-за гибели близких.

Бабушки — самые миролюбивые люди на земле. И не потому, что они физически ослабли, себя берегут, а потому, что ими испытана, пережита необычайно большая и сильная боль: они потеряли мужей, детей, близких. Поэтому, подобно ангелам-хранителям, они оберегают, лелеют оставшихся в живых, тех, кто пришел на смену их поколению. Защищают человечество, планету...

Жила-была... Эх, ускользнула сказка!..

Как я хотел рассказать тебе веселую сказку о гадкой девчонке, но, оказывается, очень трудно рассказывать сказки в день 22 июня! Не обижайся, пожалуйста, я расскажу ее тебе в следующий раз.

Твой отец

СУДЬБА

Письмо восьмое

Добрый вечер, моя милая девочка! Вот уже несколько дней, как я потерял покой: одно письмо, которое получил от девушки, твоей сверстницы, заставило меня задуматься о твоём будущем и о судьбе этой девушки.

Моя мать — твоя бабушка — часто говорила мне: забота родителей растёт вместе с детьми. Раньше, когда я был молодым и неопытным отцом, мне все казалось наоборот. Вот, думал я, вырастут наши дети, и у нас, родителей, убавится забот, они позаботятся о нас. Но это, оказывается, было заблуждением. Возможно, вступающему в жизнь юноше кажется излишней и назойливой забота родителей. Я сам против мелочной опеки и бесконечных нравоучений. Однако собственный опыт убедил меня: то, что мне говорила бабушка, — это закон родительского сердца...

Жизнь, в которую ты вступаешь, красива и интересна, но сложна и полна неожиданностей. Мы почему-то привыкли рисовать подросткам действительность розовыми красками и как можно дольше держать их вдали от жизненных невзгод и трудностей. Так поступают учителя в школе, так поступаем мы, родители. И ребенок растёт в этой воображаемой розовой стране, и ему кажется, будто все вокруг, все люди существуют лишь для того, чтобы строить его счастье. А ведь сегодняшняя действительность создана страданиями, трудом и

кровью многих поколений, чередованием их радостей и бед. Будущее же будет создано нашим трудом, борьбой, преодолением препятствий, радостью и грустью.

Гуманное воспитание, которое я отстаиваю, вовсе не означает, что надо ласкать и лелеять детей, пичкать их как птенцов тысячу раз пережеванным и стерильным умственным и физическим кормом.

Гуманное воспитание не означает также, что из-за боязни, как бы наши птенцы не перепугались, мы станем прятать их под нашими крыльями, чтобы они не увидели, как пошел град и уничтожил виноградники, как орел схватил зайца и растерзал его на куски...

И наконец, гуманным воспитанием будет то воспитание, когда постепенно, но упорно и настойчиво мы будем знакомить ребенка со светлыми и темными сторонами жизни, с добром и злом, внушать веру в победу добра, убеждать, что в нашей общественной жизни ему, когда он вырастет, предстоит решить свою долю задач, что у него много дел впереди. Он и сам должен понять, какие тени нужно уничтожить, какое зло искоренить прежде всего, какой свет усилить и какое добро упрочить. Мы должны научить его, как идти по жизненному пути, не боясь трудностей, и как найти судьбу, точнее, как выковать собственное счастье.

Я рад, что ты уже взрослая!

Но я и боюсь! Боюсь, чтобы чувство взрослости, стремление к самостоятельности, самоутверждению не привели тебя, девушку, находящуюся в «мартовском» возрасте, к такому недоразумению, которое может искривить твою жизнь.

Я понимаю, что в жизни каждого человека есть свои трудности. И ты не избежишь их. Даже наоборот: чем активнее и добрее ты будешь, тем больше трудностей ты встретишь на своем жизненном пути, увеличится и бремя обязанностей. Меня не порадует, если ты будешь избегать трудностей, обходить их, закрыть

глаза на них, если ты будешь пытаться облегчить свою жизнь, строить свое счастье за чужой счет.

Некоторые считают, что счастье — это неожиданный случай, который вдруг постучится в дверь и наполнит тебя радостью. Утверждают еще, что судьба у каждого написана на лбу и что суждено, то и сбудется. Тогда мы ничто на этой земле, и какая-то неведомая сила, забавляясь, играет нами, а мы думаем, что боремся, побеждаем и терпим поражение, — что-то находим и что-то теряем...

Человеческий разум не сможет примириться с таким пониманием бытия. И если бы прошлые поколения жили, надеясь на чудо, тогда, уверяю тебя, сегодня бы мы сидели в пещерах и главными орудиями нашего существования были бы камни и дубинки.

Нет, ни у кого на лбу не написана его судьба, никто не распределял: этому человеку положено это, а тому — то. Нашу собственную судьбу и судьбу друг друга мы сами должны творить и одновременно уметь увидеть, что, оказывается, люди уже до нашего рождения позаботились о нашем счастье.

В конце концов, что такое счастье? Скороспелое и неожиданное исполнение самого заветного желания?

Кто может сказать, что счастлив? Неужели тот, кто не шевельнул даже пальцем в своей беззаботной жизни?

Хорошенько подумай, доченька, над тем, что я скажу тебе: счастье — это следование возвышенным целям и стремление к той радости, которую доставишь людям; тогда и они подарят тебе взамен собственную радость. И ты не удержишься и воскликнешь: «Я счастлива!»

Нужны годы, моя девочка, чтобы добиться счастья, а для роковой ошибки достаточно и вспыхнувшего минутного безрассудства, недальновидности и безволия. И тот роковой миг, который ломает твою

жизнь, будет преследовать тебя как сожаление о безрассудно утерянном прошлом...

Много раз перечитал я письмо, которое прислала мне семнадцатилетняя женщина. Мне кажется, что писала она не чернилами, а слезами. И у меня сердце сжималось при чтении его. Сейчас я прочитаю тебе это письмо и знаешь, о чем попрошу? Попробуй поставить себя в ее положение. В твоём сердце одновременно должно забиться и сердце другого человека, в твою жизнь должна вселиться ее жизнь. Лишь в этом случае возникнет в тебе истинное сочувствие, лишь тогда обретут силу твои утешительные слова. И в этом сострадании, сочувствии, заботе и печали ты возвысишься как человек.

Вот это письмо.

«Пишу Вам с той надеждой, что Вы будете более требовательны по отношению к своей дочери. Прошу прочитать его так, будто я Ваша дочь. Ведь самовольство, своеволие и упрямство могут привести ее к тому, к чему я сама пришла. Как было бы хорошо, если бы мой отец в тот злосчастный день преградил мне путь, стал в дверях и сказал бы: «Пока не образумишься, никуда я тебя не пушу!» Сейчас он страдает, но уже поздно. Он только и повторяет: «Глупая девочка, почему ты ни о чем не спросила меня?» А разве помогут мне его слова, полные упреков и горького сожаления? Сейчас и я вижу, что поступила нелепо, но невозможно вернуться в прошлое или начать новую жизнь!

Скоро мне исполнится восемнадцать. Учусь я в девятом классе вечерней школы. Жизнь у меня невеселая — в этом возрасте я уже ни во что не верю. А ведь какие надежды, какие мечты у меня были! Два года я чувствовала себя на седьмом небе, была влюблена, одурманена, витала в облаках. Оказывается, в действительности я не была влюблена, все это был мираж. Иначе куда могла исчезнуть любовь, зачем она должна была превратиться в такое горькое чувство — ненависть?

Я была в девятом классе, когда вышла замуж. Муж мой очень грубый и бессердечный. У меня уже двое детей. Сейчас всей семьей снимаем комнату. Работаю, мучаюсь, чтобы как-нибудь вырастить детей.

Супруг (можно ли его назвать супругом?) пьет, нигде не работает. Все время нахожусь в страхе, что вот придет и обидит меня, накричит на детей, заставит их плакать. Но что делать, терплю все. Мне стыдно писать об этом, но и таить боль в сердце не в силах.

Ничего радостного и доброго я не могу вспомнить в своей жизни. Будь проклят день, когда я считала себя счастливее всех и сделала необдуманный шаг!

Если б в тот день отец запер меня в комнате, сегодня не была бы я такой несчастной...

Сажу на уроке, казалось бы, слушаю, но мыслями я с моими детьми. И еще охватывает меня страх предстоящей встречи с мужем. Если опоздаю, он меня выругает, а может и ударить — почему, мол, опоздала, где была. А я нигде не была. Как только заканчиваются уроки, бегу к остановке автобуса. Разве я виновата, что автобус не приходит вовремя? Иногда он и на работу приходит, и если ему скажут, что я вышла по делу, то, не дай бог, за этим последуют скандал и неприятности. Обо всем этом я думаю на уроках, а иногда так отключаюсь, что ни одно слово учителя не доходит до меня. Почему моя жизнь такая? Почему я должна бояться мужа, когда никаких проступков не совершаю, веду себя достойно, тружусь изо всех сил, и в семье, и на фабрике?

Хорошо, когда в жизни можешь вспомнить много приятного и интересного, а моя жизнь пока что горькая. Хочу воспитать своих детей достойными людьми, хочу чтобы они никогда и никого не делали несчастными. Но мне нелегко будет вырастить детей, когда муж совсем не заботится о них, а среди близких у меня никого нет, кто помог бы, поддержал, ободрил меня. Когда ночью ребенок начинает плакать, муж кричит:

«Встань, заткни глотку этому дураку!..»

Получу аттестат и попробую поступить в торговый техникум. Конечно, с такими знаниями, когда раз в неделю еле урываю время побывать на уроках (и это письмо пишу на уроке), я многого не достигну, но очень постараюсь самостоятельно справиться с программой... Мое прошлое и настоящее так беспросветны, что рассеивают все радужные думы о будущем. Говорят, человек живет будущим. Но можете представить, каково мое положение, если я не вижу будущего. Неужели счастье не улыбнется мне?

Мечтаю получить квартиру. Но кто мне ее даст, ведь я сначала должна заслужить? И муж ничем не заслужил квартиры... Словом, не знаю, что меня ждет в будущем. А о детях думаю непрерывно и, как любая мать, мечтаю о мире в своей малюсенькой комнатке, которую снимаю...»

Вот и «судьба»!

Кто и как докажет, что именно это было предначертано девушке, которая скрывает свое имя?

Я оптимист и верю, как бы ни была сейчас надломлена ее жизнь, впереди у нее широкая дорога, и она многое может исправить. Правда, ей придется набраться сил и терпения, но все-таки она сможет выковать свое новое счастье и судьбу. Я надеюсь и на то, что, может быть, ее муж образумится, может, родные вмешаются и помогут урегулировать их семейные отношения, наставят, научат, как жить, как понимать друг друга... В крайнем же случае молодая женщина разойдется с мужем, который так безжалостно разрушил ее надежды, и начнет новую жизнь, вырастит детей, будет трудиться, учиться. Верю и в то, что она встретит в жизни человека, который поймет ее, станет ее опорой. И вновь родится семья, но основанная на этот раз на истинной любви и дружбе.

Верю, что так произойдет в будущем. Но не само собою. Чуткость и честный труд юной женщины, ее

сила воли, целеустремленность создадут это будущее. Я также хорошо знаю: трудно внушить эту веру человеку, который только что столкнулся с горем, с изнанкой жизни. Говорят, время исцеляет. Но не само время исцеляет израненную душу и сердце — главными врачевателями становятся люди, любящие, ласковые, заботливые, добрые, чуткие.

Почему оказавшаяся в беде молодая женщина пишет мне письмо? Она не просит ни помощи, ни совета, напротив, сама мне помогает: рассказывает о своей жизни с тем добрым намерением, чтобы я больше заботился о тебе. Она пишет, чтобы я был требователен к своей дочери, предупреждает меня. Спасибо, дорогая незнакомая маленькая мама, за добрый совет. Ты права: и я, и все отцы и матери должны быть более требовательными к своим детям. Мы, конечно, должны сначала советоваться, и если мы видим, что взбудораженные, переполненные эмоциями юноша или девушка, может совершить необдуманный поступок и в результате стать несчастным, в чем и будут обвинять — где, мол, вы были, родители, — у нас должно хватить силы воли обратиться к нашему родительскому праву, поступить так, как подскажут нам наши сердце и разум.

Да, мы, родители, должны быть более требовательными!

Когда девятиклассница пытается убежать из дому и выйти замуж, разве она думает о том, что ее любовь может лопнуть как мыльный пузырь и обратиться в ненависть? Как она может представить это, если у нее нет опыта, если она не знакома с жизнью, не прислушивается к советам взрослых? Или откуда ей знать, что через год-два ей придется нянчить новорожденного? Ведь не будут сидеть эти новорожденные на бархатном диване, подобно куклам, а будут они кричать, пачкаться, шалить, болеть коклюшем или краснухой!

А этот муж... Может ли одурманенная эмоциями девушка предвидеть, что ее избранник, который сейчас

является олицетворением мужества, благородства, любви, завтра окажется эгоистом и лгуном?

Нет, она не может представить этого. Не может ни представить, ни предвидеть, потому что чувства в это время подобны огню, который пылает в камине, а разум и предусмотрительность сгорают в этом огне. Может быть, и ему, буруеваемому чувствами юноше, кажется, что он влюблен?

Вот так и возникает роковая ошибка!

Как ты думаешь, моя родная, что еще должно означать ее предупреждение — будьте более требовательны к дочери? По-моему, девушка упрекает и своего отца: «Почему вовремя не вмешался, почему не запретил то, что тебе не нравилось, почему не догадался, что я готова совершить роковой шаг?» Ведь необязательно перевернуть арбу, чтобы увидеть дорогу. Зачем же тогда существуют родительское сердце, опыт, знания?

Часто думаю: как тревожно родителям предоставлять юному человеку свободу действий, для того чтобы горькие жизненные уроки заставили сожалеть о собственной близорукости, научили уму-разуму, прибавили опыта. Нет, предпочитаю, чтобы у тебя меньше было в жизни горьких, роковых ошибок (или вовсе не было их). Зато пусть будут у тебя содержательные, наполненные трудностями уроки жизни, которые станут ступенями в осознании твоего женского долга. Конечно, для этого и нужна молодому человеку воля, чтобы он приобрел жизненный опыт, стал самостоятельным. Но какими же мы будем родителями, если дадим волю упрямству сына (дочки), чтобы он (она) навлек на всех беду, сделал несчастными и себя и других!..

К тебе тоже придет любовь, моя родная, и тогда все в тебе всколыхнется, ты потеряешь покой! Великое это чувство — любовь. Как будто вырастают крылья, ты не ходишь, а летаешь, на все вокруг смотришь влюбленными глазами. Если любишь, и он тоже любит тебя, тогда ты на вершине счастья; если ты любишь, а

он — нет, тогда тебя ожидают мучительные переживания. Любви не скажешь: «Не приходи, мне пока некогда!» Ее и не нужно искать. Живи, учись, трудись, будь веселой, жизнерадостной, доброй, общайся с людьми, не забывай быть нежной и простой. И любовь придет к тебе. Она придет не сама собою, ее зажгут твое благородство, нежность, отзывчивость. И хотя любви не ставят условия, в проверке она все-таки нуждается. На какую духовную общность, моральную и трудовую ответственность она опирается, к каким общим и благородным целям стремится — вот критерии, посредством которых можно узнать, будет ли любовь прочной, содержательной, несущей счастье.

Юноши и девушки часто принимают за любовь увлечение чисто внешними качествами: красивая, голубоглазая, веселая, со вкусом одевается и т. д. Потом наспех создается семья. Но спустя два-три года, может, через два-три месяца оказывается, что внешнее очарование, с которого все началось, растаяло, как первый снег. А если к тому же всплыла и скудость духовной общности, любовь начинает разрушаться.

Любви требуются испытания на прочность, чтобы не получилась игра в любовь. А эта игра в любовь — вовсе не шутка, то же самое, что землетрясение. Как землетрясение разрушает плохо построенные здания, Так и игра в любовь изнашивает чувства, колеблет веру, коверкает судьбу и, наконец, калечит человека.

...В твое сердце тоже нагрянет любовь, моя девочка, и давай условимся: будем дружить, доверять друг другу, будем поступать так, чтобы твоя любовь сделала счастливой не только тебя, но и многих других. Тогда не понадобится мне напоминать о своих правах, и мы не измучаем друг друга упреками.

Не сердись на меня за такое взволнованное письмо.

Твой отец

«ОГОРЧЕНИЕ — ГОРЯ СЕТЬ...»

Письмо девятое

Добрый вечер, моя милая девочка!

Сколько же мы смеялись сегодня!

Пришла твоя тетя и сказала: «Хорошо, что тебя тогда не было, зря потеряла бы время, портниха уехала за город!»

И мы все не могли сдержаться, дружно расхохотались. Тетя смотрела на нас с изумлением: «Что с нами случилось, что я такого сказала?!»

Оказывается, портнихи вообще не было в городе, а у нас тут кипели страсти, что только не пережили! Мы не просто смеялись, мы радовались, что есть возможность вернуться к миру в доме. Знаешь, что мне говорил твой смех? «Какая же я глупая, сколько неприятностей возникло из-за меня и ради чего?!»

Да, и смеясь можно извиниться, выразить сожаление, наказать самое себя. Твой смех был извинением, наш — прощением.

Но ведь еще могут возникнуть обстоятельства, когда «мартовский» возраст вновь даст о себе знать? И тогда начнутся новые неприятности, новые недоразумения... И какая у нас надежда, что каждый раз все кончится смехом, и те неприятности, которые мы перенесли, целиком будут стерты?

У человека есть благородное умение (впрочем, к сожалению, не у всякого) — умение прощать. Но мы

не в силах тут же забыть то, что простили. Простить — значит, с сегодняшнего дня во взаимоотношениях с тобой забыть про все обиды. Но от нас не зависит забыть об этом. Не существует такой резинки, которая может стереть из памяти то, что нас мучает, мешает, что мы хотели бы забыть навсегда.

Как ты думаешь, отчего заболевают люди? От обиды тоже, вызванной грубым, жестоким словом, моя девочка!

Человек прошел всю войну, в легких застрял осколок мины, но он все вынес. И вот в мирное время, на работе начальник бросил ему безжалостные слова: «Бродишь без толку, сделанное тобой приходится делать заново!» Сказанное прошло сквозь сердце и завершило то, что не смогла сделать вражеская пуля. Мы должны беречь друг друга. Вернее, так жить, чтобы непрерывно делиться с людьми собственной жизнью: сочувствовать, помогать, облегчать боль и страдания, множить радость, отказывать себе и давать другим — это наш долг, человек человеком силен.

Сегодня ты так искренне смеялась, что можно будет без опасения затронуть больное место — вспомнить тот эпизод, который произошел неделю назад и наполнил всех нас горечью и обидой. Вспомнить для того, чтобы и тебе разъяснить, и самому разобраться в ошибках, допущенных в наших взаимоотношениях. И тебе и нам надо понять, чем было вызвано недоразумение, могли ли мы избежать его, как вести себя в будущем. Ведь и ты хочешь этого: разве я не видел, как ты была расстроена и тревожилась все это время, не находя себе места?

С первого взгляда будто ничего особенного не случилось. Вот какой диалог состоялся в тот день в нашей квартире.

Ты. Я иду к портнихе, тетя ждет меня в половине первого!

Мама. Куда ты пойдешь? Ты ведь сама слышала, что транспорт не будет работать? И заниматься надо, готовиться к консультации...

Ты. Ничего подобного, работает транспорт, работает... Пойду, пойду!..

Мама. Никуда ты не пойдешь, у тебя и так много дел!

Ты. Нет, пойду!

Бабушка. В чем дело?

Ты. Оставь меня в покое!

Бабушка. Что такое? Что случилось?.. Не хочу с тобой разговаривать!..

Брат. Послушай, ты что разошлась, как ты разговариваешь. Извинись перед мамой и бабушкой.

Мама. Послушай, ты же умная девочка...

Ты. Нет, не умная... О чем слушать... Почему вы не хотите, чтобы у меня было новое платье?!

Отец. Хорошо, иди, доченька, к портнихе... Я попрошу маму, чтобы она отпустила тебя...

Ты. Не хочу, не пойду, и на консультацию не пойду, и учиться не буду, не подготовлюсь к контрольной... И экзамены не сдам... И вообще уйду из дому, раз вы так хотите...

Вот и всё. Постараюсь беспристрастно оценить происшедшее.

За несколько дней до этого тетя купила тебе отрез на платье. Какая девушка не рада сшить себе новое платье? И ты с нетерпением ждала, когда тетя возьмет тебя к портнихе. Отрез всем нам понравился. В разных журналах мы вместе искали подходящий фасон для платья. Наконец на одном остановили свой выбор.

В тот день бабушка послала тебя за хлебом. Ты воспользовалась случаем, позвонила тете из автомата и договорилась, что зайдешь к ней и вы вместе пойдете к портнихе. Ты, радостная, вернулась домой и, открыв

дверь, весело сообщила: «Я иду к портнихе, тетя ждет меня в половине первого!»

Конечно, ты была одержима тем нетерпением, которое зачастую свойственно «мартовскому» возрасту. Это нетерпение заставляет все позабыть, кроме того, чем оно вызвано. Исчезает куда-то и умение сдерживаться. Подростку кажется, что все, кто призывает к сдержанности, намеренно хотят помешать желаемому. Что необходимо в это время, чтобы помочь ему прийти в себя, вернуться к здравому смыслу? Терпеливая педагогика, которой мы, родители, очевидно, еще не очень владеем.

Все мы были дома. Я работал в своей комнате. Твой брат готовил доклад для студенческого научного кружка. Бабушка с утра хлопотала на кухне — готовила обед, а мама лежала — у нее болела голова. На твою радость я не откликнулся, потому что не хотел прерывать своих мыслей. Кроме того, режим твоего дня лучше всех знает твоя мама. В тот день тебе была назначена консультация по русскому языку. Если бы ты пошла к портнихе, то могла опоздать на консультацию. На следующий день предстояла письменная контрольная работа, и к ней надо было готовиться.

А накануне вечером ты и мама обе слышали по радио, что девятого мая на центральных улицах города (и там, где живет тетя) движение прекращалось первой половине дня. Маме казалось, что объявили до двух часов, а ты помнила, что транспорт не должен был работать до 12 часов. С этого и начался конфликт.

Мама сочла, что ты забываешь о главных делах и переносишь внимание на наряды. Поэтому и сказала раздраженно: «Куда ты пойдешь... Ты ведь сама слышала, что транспорт не будет работать. И заниматься надо, готовиться к контрольной...»

Ты не ожидала, что кто-то воспротивится тебе. Консультация? Контрольная? Что говорить об этом,

когда тетя ждет, чтобы вместе пойти к портнихе!

Ты хорошо знаешь: мама была права. Платье не было срочным делом, а пропустить консультацию в самом деле было бы некстати: конец учебного года, девушка заканчивает школу, приближаются экзамены, в школе выставляются последние отметки и результаты контрольной для тебя очень важны. Да, мама была права — каждый час того дня для тебя был дорог. Однако для тебя, одержимой нетерпением, эти часы перестали быть значительными для будущего. Но какая же это будет мать, которая хоть на мгновение забудет о будущем дочери.

По-моему, мама не предполагала, что в ту минуту над тобой одержал победу каприз «мартовского» возраста, и потому таким категоричным тоном напомнила о твоих делах. Конечно, было бы лучше, если бы мама более мягко сказала: мол, по таким-то и таким-то причинам, доченька, может быть, не стоит сейчас идти к портнихе?

Все равно ты бы огорчилась, однако не произошло бы того, что случилось: ты упрямо и грубо ответила маме: «Ничего подобного, работает транспорт, работает... Пойду, пойду...»

А не лучше ли было тебе спокойно, ласково (ты знала, что у мамы болела голова) объяснить: «Мамочка, транспорт правда работает, движение было прекращено только до 12 часов. И я все успею: и подготовиться к контрольной, и пойти на консультацию, только сейчас отпусти меня пожалуйста к портнихе, мне не терпится, мне так хочется сшить новое платье!»

Мама, возможно, согласилась бы, возможно, и нет, но, тем не менее, мы непременно избежали бы последующих неприятностей.

Твой несдержанный ответ еще больше обидел маму. События порой так быстро разворачиваются, что не успеваешь оценить их. Мать многое стерпит и уступит

пяти-, десятилетнему ребенку: он ведь еще не набрался ума. Но в пятнадцати-шестнадцатилетней девушке мать уже ищет сочувствующего, понимающего, чуткого друга. Поэтому обращается к дочери как к взрослой, которая обязана действовать предусмотрительно и разумно. Она ласковая, понимающая, справедливая. Но сейчас, потеряв терпение из-за твоей грубости, она категорически заявляет: «Никуда не пойдешь, у тебя и так; много дел...» А ты: «Нет, пойду!»

События еще более накаляются. На шум выходит бабушка и спокойно спрашивает тебя: «В чем дело?» А ты кричишь: «Оставь меня в покое!» Я говорю: кричишь, слышишь? Подумай только, на кого ты кричишь? Кому же, как не тебе, заботиться о бабушке, беречь ее? Да и запомни, дочь: если ты однажды проявишь грубость и кто-то сразу же не остановит тебя или тобою не овладеет чувство сожаления, тогда дальше ты даже можешь и не почувствовать, что поступаешь грубо.

Услышав твой ответ, бабушка так растерялась, что только и смогла сказать: «Не хочу с тобой больше разговаривать!» Ее глаза наполнились слезами, и, дрожащая, она опустила в кресло.

И опять все могло бы уладиться, если бы ты сумела переломить себя, обняла бы бабушку и ласково сказала: «Прости, моя дорогая бабушка, я не хотела тебя обидеть!» Но этого не случилось.

Брат оставил свои дела и спокойным, строгим голосом сказал тебе: «Послушай, что ты разошлась, как ты разговариваешь! Извинись перед мамой и бабушкой!» Хоть бы послушалась ты своего брата! Но теперь ты и на него набросилась: «Отстань от меня... Зачем я должна извиняться... Ни перед кем не буду извиняться!»

Мама хотела успокоить тебя: «Послушай, ты же умная девочка...» А ты уже не могла сдержать себя:

«Нет, не умная... О чем слушать... Почему вы не хотите, чтобы у меня было новое платье!..» И заплакала.

Я уже не мог продолжать работу, не знал, что делать. Мне казалось, что ты держишь в руке пистолет, заряженный горькими, обидными словами, и безжалостно стреляешь и стреляешь. Да, знаешь, моя девочка, слово, начиненное злобой, грубостью, — оно даже хуже пули. Пулю можно вынуть, а слово может остаться в душе навсегда. Когда кто-нибудь начинает бросать такие слова в другого, другой, случается, потеряв терпение, хватается за то же оружие. А раздраженные люди не могут слушать и понимать друг друга.

Я пытался вмешаться в дело, хотел успокоить тебя, сказал: «Хорошо, иди, доченька, к портнихе... Я попрошу маму, чтобы она отпустила тебя...» Ты уклонилась и от ласково протянутых рук, не прислушалась к моим словам, бросив: «Не хочу, не пойду, и на консультацию не пойду, и учиться не буду, не подготовлюсь к контрольной... И экзамены не сдам... И вообще уйду из дому, раз вы так хотите...»

Именно подростки «мартовского» возраста умеют так: если родители сделали им строгий выговор, в тот же миг они уже никого не любят, даже родителей, им кажется, что и родители не любят их, и возникает мысль о бегстве из дома. Некоторые так и бегут. Девочки прячутся у родственников, друзей, мальчики могут оказаться в другом городе. Не всегда добром кончаются подобные «приключения».

Чтобы разрядилась обстановка, чтобы мы успокоились, я нахожу единственный выход — прекратить спор с тобой и показать тебе, как мы ранены твоими словами. Удрученные и обиженные, мы оставляем тебя в покое и возвращаемся к своим делам.

И трех минут не заняли эти пререкания, но как тяжело стало всем на сердце. Немного погодя, видно, ты и сама сожалела о том, что произошло. Но разве

легко восстановить отношения? Сколько веков нас учит Руставели:

«Точно сказано в науках:

— Огорченье — горя сеть».

Ушло из дому бодрое, веселое настроение. Мы хотим вернуть его, но и нам нелегко простить тебя.

Пока что единственное лекарство, исцеляющее раненое сердце родителя, — ласка дочери (сына), которая пронизана переживанием вины.

Прежде, когда ты дулась на нас, мы тебя ласкали. А сейчас твоя очередь: мы уже не считаем тебя ребенком...

Так безрадостно миновало несколько дней, пока не пришла тетя и не выяснила, что спорили и страдали мы понапрасну. Мы смеялись и чувствовали, как все мучались и как жаждали веселых, откровенных, добрых взаимоотношений, как хотели, чтобы в нашей семье был собственный «голубь мира».

Один тревожный урок помогает нам приобрести важнейший опыт общения и любви. Надо только знать, какие выводы сделать. Каким же он стал для тебя?

Твой отец

«ЛЮБ РАЗУМНОМУ УЧИТЕЛЬ»

Письмо десятое

Добрый вечер, моя милая девочка!

Как закончился ваш выпускной вечер? Представляю, сколько вы смеялись, веселились, шумели... Наверное, вспоминали разные интересные события из вашей жизни и, осмелев (теперь уже ничего не будет!) спрашивали учителей: «Помните, уважаемая В. Н., как однажды вы попросили меня привести отца. Как бы я посмел сказать ему, что его вызывают в школу? И привел соседа — мол, это мой отец... А в прошлом году пропал журнал, знаете, куда он исчез? В том журнале было столько двоек, что он сгорел от стыда!»

Что учителя могли ответить вам? Наверное, они смеялись и прощали вам, что им оставалось еще делать?

Понравилось ли друзьям твое новое платье? Ты была такой красивой в нем, похожей на лебедь. А помнишь, как ты тревожилась из-за него — портниха, мол, не успеет. И произошел у нас конфликт. И на мое письмо «Огорченье — горя сеть» — ты тоже поначалу обиделась. Я ведь пишу письма тебе не для того, чтобы рассказывать, какая ты умная и хорошая, а для того, чтобы помочь тебе понять себя и других, научиться разбираться в людях.

Сегодня вся семья была занята тем, что обслуживала тебя: бабушка делала вышивку на бальном платье,

мама готовила праздничный торт, брат читал тебе наставления, как вести себя на выпускном вечере (ты снисходительно слушала его), а я писал это письмо. На вечер проводил тебя брат, а поздно вечером я зашел за тобой и привел домой — счастливую, довольную и усталую.

Вот и остались позади одиннадцать лет школьной жизни. И пока ты была на балу, я думал об этих годах, думал о том, какой путь прошли все мы вместе: и дочь, и родители, и все твои учителя. Этот одиннадцатилетний путь воспитания был, пожалуй, верным, но, думаю, некоторые его отрезки можно было лучше прожить.

Мы, воспитатели, никак не можем избавиться от одной ошибки: недостаточно внимания уделяем воспитанию личности подростка, его жизненной позиции, жизненных планов, как будто надеемся, что все это само собою последует за хорошими знаниями. О чем говорит аттестат об окончании средней школы? Мы допустим большую ошибку, решив, что этот аттестат, в котором нет ничего другого, кроме перечня учебных предметов и соответствующих цифр, обязательно подтверждает готовность выпускника к гражданской жизни. Аттестат в том случае станет выразителем зрелости подростка, если мы будем знать, что его обладатель может и любит трудиться, у него развиты чувства долга и ответственности, его устремления направлены на общественное благо, а не только на желание достичь собственного счастья. Словом, аттестат должен говорить не о том, какие знания гнездятся в голове того или иного выпускника, он должен представлять его как целостную личность.

Однажды, помню, ты вернулась из школы вся в слезах — у тебя вышел конфликт с учителем истории. Из-за чего? Конечно, из-за отметки. Учитель поставил тебе «3», ты же несдержанно возразила: «Я сомневаюсь

в объективности вашей оценки!» Учитель обиделся и выпроводил тебя из класса. Ты плакала: «Не буду ходить на уроки истории, он несправедливо ставит отметки, придирается ко мне». «Люб разумному учитель, доченька моя, от него глупцам беда!» А если бы ты задумалась: что же ждал от тебя и всех вас учитель? Он недавно пришел к вам и тщательно готовился к урокам, искал новые методы преподавания. А вы, девятиклассники и девятиклассницы, с первых же минут урока старались сбить молодого учителя: «А. С, не можете ли вы сказать, сколько стоит ваниль?», «А.С, вы в детстве играли в баскетбол?» Не давали ему возможности хорошо объяснить урок, а затем ликовали, радовались, что вывели учителя из терпения. И вас вовсе не тревожило, что знания, с которыми он пришел в класс, до вас так и не дошли. Если бы вы дали ему возможность освоиться, вы бы увидели, какой у вас хороший, добрый, душевный учитель, как он стремится дружить с вами. Природа учеников такова: все всегда и во всем считаете себя правыми, а отметки, которые вам не нравятся, несправедливыми. Ты споришь с учителем не о достоверности исторических фактов, а об отметке, не о логике решения физических задач, а об отметке, для тебя главное — не правильность формулы химической реакции, а отметка.

«Люб разумному учитель...» А если было бы все наоборот? «Уважаемый учитель, пожалуйста, помогите разобраться, понять, решить, еще, еще, я не устала, если только вас не утомила моя любознательность! Что поделаешь — пока я все не пойму, не отстану от вас!» Да, люб разумному учитель...

Хорошо знала Наргиза Георгиевна, что ты не станешь математиком. Но ведь она должна была вселить в тебя веру, что ты можешь познать математику, иначе ее уроки стали бы для тебя мучением. Поэтому нарушала она инструкции и несколько раз предуп-

реждала нас: пусть ваша дочь хорошо подготовится, хочу вызвать ее. Этот секрет мы тебе, конечно, не раскрывали, но проверяли, как ты выполняешь задания. А потом произошло чудо: оказывается, ты можешь овладеть математикой, оказывается, Наргиза Георгиевна — прекрасный учитель и необычайно добрый человек. «Ложись, доченька, уже поздно!» — говорила иногда тебе мама. «Нет, я должна подготовить математику, неудобно перед учительницей!», — отвечала ты, и это нас радовало.

А помнишь, как Капитон Петрович грозно посмотрел на тебя: «Ты не признаешь науку химию? Пусть не буду я учителем, если ты не поймешь, чему я тебя обучаю!» И помог хорошо понять, что без химии нет сегодняшней жизни.

«Для чего мне математика! Для чего мне химия! Для чего физика!» Люб разумному учитель... Даже если ты забудешь многое, чему учили на этих уроках, ты думаешь, все бесследно исчезнет? Нет, конечно. Останутся развитое мышление, умение творчески трудиться. Спроси кого хочешь, мало кто помнит те стихотворения и рассказы, которые учили в детском саду или в начальных классах. Может быть, воспитатели зря старались? Зачем они учили тому, что непременно будет забыто? Затем, что в этом учении развиваются ум и сердце, растут понимание и сочувствие. Напрасно думать, школа — нечто вроде склада знаний и главное для ученика — побольше унести оттуда этих знаний. Отношение к жизни, к знаниям, к учителям, друг к другу, развитие в процессе этих взаимоотношений собственных сил, возможностей, способностей, мировоззрения и убеждений — вот самое важное, вот поистине бесценный клад, который школа должна дать подростку. Именно это развитие и полученные в ходе его знания открывают путь к творческому труду.

Я начал с того, что некоторые отрезки одиннадцатилетнего совместного пути мы могли бы прожить лучше. Знаешь ли ты, кто был «невидимка», который посылал тебе книги сказок и письма? Ты пошла в первый класс, когда я впервые прислал тебе книжку сказок и письмо от «невидимки». Ты удивилась, быстро прочла сказки и с нетерпением стала ждать новой посылки. Книжки от «невидимки» приходили целый год. Для чего мы это делали? Для того, чтобы у тебя появились интерес к чтению и любовь к книге. Если бы мы стали принуждать тебя читать книги, у тебя, первоклассницы, мог совсем пропасть интерес к чтению, тем более что в нем ты была несильна. Но вот в подростковом возрасте интерес к книгам у тебя снова пропал. Вначале мы не обратили на это особого внимания. Но потом мама заволновалась: что же делать? Она заставляла тебя читать книги. Тщательно подбирала их, беседовала с тобой о них, и в тебе вновь пробудился интерес к чтению. Но ведь сколько времени ускользнуло от нас. Твою тогдашнюю жизнь это обеднило. Сейчас ты уже не сможешь с таким же увлечением прочесть то, что должна была прочитать в 5—7 классах. Ты в долгу перед книгами.

Пионерский и комсомольский периоды твоей школьной жизни не были содержательными. Помню, однажды ты поздно вернулась из школы — у вас была радиолейка. Но чему она была посвящена, как вы готовились к ней, какое решение приняли — об этом ни ты, ни твои подруги ничего не могли сказать. Со временем и пионерский галстук ты и твои друзья часто не повязывали, а носили в портфелях.

В девятом классе ты стала комсомолкой. Однажды ты вернулась домой очень довольная: тебе поручили опекать малышей, ты долго рассказывала, какие они славные и забавные. Строила множество планов: возьми их в поход, организую встречу с поэтами, вместе

посадим деревья. Как было бы хорошо, если бы все это ты сделала. Это было бы хорошо и для тебя, и для твоих малышей...

Внимательнее нам надо было отнестись к твоим урокам труда. Как будто ты и тетрадь завела для кое-каких рецептов по изготовлению блюд и некоторых выкроек. Как будто на уроках вы кулинаричили. Но постепенно становилось ясно, что ты и твои подруги несерьезно относились к урокам труда. Готовить тебя научили бабушка и мама. И шить тебя бабушка научила и вязать. А что же уроки труда? Наверное, вы развлекались, пустословили, возможно, иногда даже пропускали уроки («Все равно ничего не делаем!»). А хорошо было бы на этих уроках побеседовать о роли женщины в семье, о науке управлять семьей, о семейном бюджете и экономике, о бережливости.

Однажды дома ты начала шить передник. «У тебя же есть передник?» — удивилась мама. «Учительница поручила!» Изделие получилось смешное — вряд ли ты пошла бы в нем в школу. Но досадно было то, что ты его вообще выбросила, а учительница даже не заинтересовалась, как было выполнено ее задание. Философия труда, его эстетика, общественная ценность, особенности женского труда — тайны вот каких проблем вы должны были постигнуть на школьных уроках. И снова я сожалею: почему я как родитель не потребовал у руководителей школы: «Что же делается на этих уроках? Вместо того чтобы возвеличивать труд, они становятся пародией на него? Почему девушки лишены радости от результата труда, удовольствия от вызванной трудом усталости?»

Мое сожаление уже не исправит прошлого, но, может быть, оно встревожит тех родителей, чьи дети еще на школьной скамье.

Итак, прошло одиннадцать лет. Я вижу, ты очень радуешься окончанию школы. Радуешься потому, что

вступаешь в новую жизнь. И главное, не боишься этой новой жизни, полна надежд и веры в будущее. И мы полны надежды и веры, что твои мысли о будущем не окажутся скудными и бесполезными...

Кого же мы должны благодарить сегодня, если, в тебе есть что-либо хорошее?

Конечно же, твоих учителей.

В первую очередь маму — главного твоего воспитателя, начало твоей души и сердца. Во-вторых, тех добрых людей, которые с редчайшим терпением обогащали и совершенствовали твою душу, ум и сердце. Люб разумному учитель, девочка моя! Поэтому низко поклонимся и произнесем от всего сердца: «Спасибо вам, учителя, за терпеливую любовь и заботу!»

Твой отец

ЕССЕ НОМО Письмо одиннадцатое

Добрый вечер, моя милая девочка!

Как ты привыкаешь к новой, послешкольной жизни? Замечаешь ли, как меняется наше отношение к тебе? Открою один секрет. Мы, члены семьи и близкие, договорились: теперь во всем будем обращаться с тобой как с совершенно взрослой, равноправной.

Я слежу за тобой и вижу: иногда ты дичишься наших новых взаимоотношений, порой обижаешься, когда мы без снисхождения на возраст делаем тебе замечания, высказываем свое неодобрение, иногда удивляешься, когда, например, обращаемся к тебе за советом (плечами пожимаешь и словно в недоумении спрашиваешь: «Что я могу сказать, откуда я знаю?!»), иногда радуешься, если наше доверие превосходит твои ожидания. Нынче у нас, так сказать, переходный период: мы еще не успели полностью Свыкнуться с мыслью, что ты уже не школьница, но и ты пока не смогла избавиться от отголосков детства и ученичества. Но, несмотря на некоторые недоразумения, думаю, что все идет хорошо. Думаю, что в моей дочери сдержанность и разум одержат верх над чисто детскими аффектами и эмоциями.

Впрочем, моя девочка, ты более строго и непреклонно должна встречать строптивость своего «мартовс-

кого» возраста. Вокруг тебя люди, которые нуждаются в твоей, именно в твоей сердечности, сочувствии и ласке.

Что может случиться, если «мартовская» строптивость одолеет тебя? За этим ничего хорошего не последует. Есть некоторые детские болезни, которыми болеют раз в жизни. Если мать заботливо ухаживает за ребенком, болезнь быстро пройдет, не оставив никаких последствий. Но если нарушить правила ухода, тогда она может навсегда оставить свой след в жизни ребенка: изуродовать лицо, ухудшить зрение, слух, поразить лимфатические железы.

Ну, а если ребенку тринадцать — пятнадцать лет, он, наверное, и сам должен понимать, что необходимо выполнять предписания врача: говорят — не простужайся, значит не надо раскрываться; говорят — нельзя чесаться и раздражать сыпь на лице, значит, нужно сдерживаться. Рядом с маленьким ребенком, наверное, будет сидеть кто-то из взрослых, чтобы развлекать его и держать под постоянным наблюдением.

Именно так с «мартовским» возрастом: если взрослые внимательны и заботливы, а дети не отвергают этих забот, он может пройти вполне благополучно. И, любуясь девушкой или юношей, мы восторженно произнесем: «Ессе Homo!» — «Вот Человек!» Но если нарушаются нормы общения, будет утрачено взаимопонимание, тогда «мартовский» возраст может вызвать у юноши или девушки свои осложнения: эгоизм, замкнутость, зависть, развязность.

Взрослый не может (и не надо этого!) быть всевидящей нянькой для пятнадцати-шестнадцатилетней девушки. Да и какая девушка потерпит, чтобы взрослые постоянно докучали ей советами и нравоучениями. А опасность «болезней» реальна: вот победят какие-то эгоистические претензии и девушке покажется, что близкие не в силах понять ее. Откровенные пожелания

и замечания взрослых она будет воспринимать с обидой, начнет грубить и раздражаться. К кому же ей обратиться за помощью? К себе самой: именно она сама, преодолев себя, может найти свой подлинный характер. Как одолеть? Для этого существуют критические суждения о собственных поступках, упражнение в чуткости, сочувствии и простоте, в разумности и предусмотрительности.

По моему мнению, конечная цель воспитания — научить человека преодолевать самого себя, ибо личность рождается в борьбе с самим собой, и первейший долг воспитателя — помочь воспитаннику одержать победу в этой борьбе.

Вряд ли требуется много усилий, чтобы поддаться собственным прихотям, но нужна большая мудрость, чтобы следовать полезным выводам жизненного опыта и знаний. Сочувствуя чужой боли, ты облегчишь свою; доставляя другим радость, ты умножишь собственную. Такова нравственная философия нашей семьи, таковы моральные правила общества. Эта философия, эти правила подобны волшебному зеркальцу: посмотришь в него и увидишь, какова ты и какой можешь стать.

Точнее, этим волшебным зеркальцем являются люди, так как в них воплощены все нравственные принципы. Во взаимоотношениях с людьми ты познаешь самое себя; только во взаимоотношениях с людьми, в совместном труде с ними узнаешь, кто ты, что ты можешь, чего ждут и требуют от тебя, что позволено тебе и что нет. И главное, поймешь еще, что человек живет не только ради самого себя. Заботясь друг о друге, мы поднимаем самих себя на пьедестал человечности. Мы для того и появились на свет, чтобы доставить друг другу радость, вселить надежду, приносить счастье.

Вокруг тебя много хороших людей, а в жизни их еще больше. Кое для кого ты чужая — ни ты не знаешь,

ни они не знают тебя. Для своих родных ты — сестра, дочь, внучка, племянница, близкий и любимый человек. Для кого-то — знакомая и подруга. И, несмотря на то, с кем и какими узами ты связана, знают они тебя или не знают, все равно они от тебя чего-то ждут, требуют, питают какую-то надежду. Старайся, девочка моя, увидеть себя их глазами. К сожалению, в школе не преподают самую важную науку — человековедение, не обучают тому, как понять человека, как проявить сочувствие к нему, как поделиться с ним теплом сердца.

Что требуют люди от тебя?

Я буду говорить не о каких-то высоких требованиях — о самом простом, обыденном. Незнакомые, наверное, ждут, чтобы ты всегда была готова помочь, скажем, женщине, которой стало плохо и она чуть не упала на тротуар; чтобы вежливо и доброжелательно могла объяснить приезжему, как найти улицу, которую он ищет. А может быть, хотят видеть на твоём лице приветливость и доброжелательность, а не безразличие. Знаешь, есть люди, которые и на улице ведут себя так, как будто никого не видят или никого ни во что не ставят.

Соседи хотят, чтобы ты первой вежливо приветствовала их, интересовалась их здоровьем, приветливо говорила с ними, не стеснялась обращаться к ним с просьбой. И сама готова была бы протянуть им добрососедскую руку. Соседство сближает людей друг с другом и делает их друзьями. Сейчас строятся огромные дома, в которых размещается сто, двести, а может быть, триста и более семей. Постепенно исчезают старые дома и дворы, где соседи жили как добрые родственники, деля между собой радость и горе. Примириться с этим? Нет, не в наших правилах жить без добрых соседей.

Самую большую надежду на тебя возлагаем мы — родные и близкие. Чего же мы ждем от тебя?

Ждем, чтобы в общении с нами ты была простой и приветливой. Строптивость характера усложнит общение с тобой, даже при большом желании ты не сможешь принести нам радость. Разве может стать душевным целителем разобиженная и надутая девушка, которая хоть и хочет, но не в состоянии откровенно признаться: «Я не права!» Или столь же искренне сказать: «Ничего страшного, я не сержусь».

Мы ждем, мы хотим ощутить, как старательно ты заботаешься о каждом из нас, бережешь наши чувства. Мы хотим увидеть, что ты любишь людей, которые тебя воспитывали. Говорят, долг платежом красен. Но платить можно по-разному.

Пусть будет для тебя так же естественно выразить благодарность, как яблоне дарить свои плоды людям. Надеюсь только, что ты не станешь, как яблоня, только раз в год дарить людям свои плоды.

Постоянная забота, сердечность, сочувствие, ласка, внимание, добрая улыбка, доброе слово, уважение и непосредственность, простота в общении — может быть, этого ждут те люди, которым ты обязана своим развитием, своими радостями, своими знаниями. Об этом долге они никогда не напомнят тебе. Единственная благодарность, на которую они надеются: чтобы ты в ответ на их заботы стала полезным обществу человеком, чтобы утвердилось твое доброе имя, чтобы ты еще более возвысила и укрепила достоинство своей семьи и рода.

Поспеш, моя девочка, платить добром за все, что сделали для тебя люди. А то годы летят, стареют бабушки, да и родители не становятся моложе. Когда же им порадоваться результатам своего самого большого творческого труда, именуемого воспитанием детей и внуков?

Твой отец

САМЫЙ ГЛАВНЫЙ СОВЕТ

Письмо двенадцатое

Добрый вечер, моя милая девочка!

У тебя сейчас жаркие дни. Во-первых, потому, что июль-август самые жаркие месяцы в Тбилиси; во-вторых, потому, что ты готовишься к вступительным экзаменам в Тбилисский университет.

Не знаю, влияние ли это твоей мамы, которая так влюблена в свою науку, или это твой самостоятельный выбор, но ты остановилась на той же специальности и решила поступить на факультет русского языка и литературы, что когда-то окончила мама.

Ты усердно готовишься, приводишь в систему свои знания, ходишь на консультации. Все время нервничаешь, что не успеешь все хорошо выучить, тревожишься — а вдруг не сдашь экзамены, что тогда?

Не делай из этого трагедии! Станешь студенткой — отлично, будет для всех нас большая радость. А если не сдашь, разве это беда? Пойдешь работать. Может быть, будет и лучше, если познаешь трудовую жизнь, это тебя очень обогатит, сделает опытной и сильной. Твой брат уже подыскал тебе работу в типографии, той самой, где он служил лифтером грузового лифта, будучи еще школьником. У него там есть много друзей. На днях он пошел к директору, порекомендовал тебя, и директор согласился, сказал, что даст тебе работу в переплетном цехе.

Я решил больше не писать тебе письма. Не хочу мешать тебе в это жаркое лето. А важнее то, что, пожалуй, сейчас нет необходимости посылать письма из комнаты в комнату, ибо и без них мы уже отлично понимаем друг друга. Дружба наша стала крепкой и надежной, сердечной и доверительной. Не так ли?

По вечерам, перед сном, когда я захожу в твою комнатку и мы с тобой начинаем шушукаться, знаешь, как это меня обогащает? Я многое о тебе узнал, и узнал самого себя тоже — какой я отец для своей дочери. Хотя учил тебя своими письмами уму-разуму, но одновременно сам тоже учился тому, каким мне надо быть. Я заглянул в твое сердце, в твою душу — они у тебя оказались добрыми, чуткими, отзывчивыми. Но я познал еще и твой характер — в нем пока еще есть шероховатости «мартовского» возраста. В народе говорят, что март выпросил у апреля двенадцать дней, и эти дни смешаны с апрельскими. А апрель — тот месяц, когда весна стремится проявить всю свою прелесть и очарование. Вот я и думаю, что в твоём характере остались еще отголоски марта, но и они скоро исчезнут. В общем, ты сама прекрасно знаешь, что я имею в виду.

Мы уже друзья, и навеки, правда? Не знаю как для тебя, но для меня дружба эта — маяк в душе.

Значит, не буду больше посылать тебе письма из комнаты в комнату, разве только тогда, когда возникнет необходимость.

Но ты попросила меня дать тебе самый главный совет. «Вот если бы подытожить все твои наставления, изложенные в письмах, какой самый-самый главный совет дал бы ты мне для руководства на всю жизнь?» — так ты мне сказала на днях. Самый-самый главный совет! Бывает ли такое?

Да, есть у меня такой главный совет. Этот совет служил и мне источником пожеланий тебе. Вникнешь раз в эту самую-самую главную мудрость и открываешь

для себя одну истину. Вникнешь другой раз — и другая истина открывается тебе. И так это может продолжаться бесконечно много раз, только нужно, чтобы преобладала в тебе страсть к человеческому самосовершенствованию.

Вот этот совет, древнейшая заповедь: «Познай себя самого».

Помочь тебе разобраться в этой истине?

Но может быть, будет лучше, если ты сама попытаешься вникнуть в ее суть. И попытаешься сделать это не раз или два, а много-много раз. И не только с той целью, чтобы философствовать, кто же такой человек среди людей, но и с той, чтобы жить среди людей как человек, жить так, чтобы ты, Нина Шалвовна, нужна была людям.

И тогда ты увидишь еще, что моими письмами я стремился научить тебя как самой очеловечивать себя.

Очеловечивать себя для людей!..

Нет у меня других самых-самых главных советов для тебя, моя родная.

Давай будем жить так, каждый день очеловечивая себя, и поможем в этом друг другу: я — тебе, а ты — мне!

Спокойной ночи желаю тебе, моя дорогая!

А сон? Какой сон тебе пожелать?

Желаю тебе в эту ночь видеть сны о том...

Лучше, знаешь что: и в эту ночь и впредь желаю тебе видеть добрые сны, и чтобы они потом помогли тебе творить добрые и настоящие дела.

Твой отец

СОДЕРЖАНИЕ

ИСПОВЕДЬ ОТЦА СЫНУ

Вступление	3
ОТ ПЕРВОБЫТНОЙ БЕСПЕЧНОЙ УЛЫБКИ ДО ПЕРВЫХ СЛЕЗ СОЖАЛЕНИЙ	
Ожидание	6
Отец	8
Имя	11
Чудо	15
Улыбка	18
Вулкан	22
Развитие	25
Гонзик	27
Буратино	29
Шалость	33
Друзья	36
Речь	38
Сестренка	44
Слезы	47
В школу	48

ОТ ПЕРВЫХ СЛЕЗ СОЖАЛЕНИЯ ДО ЧУВСТВА ДОЛГА

Идеал	52
Книги	55
«Дэда Эна»	62
Познание	64
Задачи	67

Учение	73
Карлсон	79
Позиция	83
Письма	88
Отметки	93
Задания	96
Конфликт	98
Сказки	101
Мужской разговор	107
Память	114
Долг	119
Надежда	122
Семейный словарь	124

ПИСЬМА К ДОЧЕРИ

Вместо предисловия. Трудно ли воспитывать детей в семье?	128
«Мартовский» возраст. Письмо первое	130
Главное достоинство женщины. Письмо второе	139
«Я — кошка, но вы-то люди?» Письмо третье	145
Мать. Письмо четвертое	153
Властитель времен. Письмо пятое	160
Колючие вопросы. Письмо шестое	166
Источник сил. Письмо седьмое	175
Судьба. Письмо восьмое	181
«Огорченье — горя сеть...» Письмо девятое	190
«Люб разумному учитель». Письмо десятое	198
Ессе Ното. Письмо одиннадцатое	205
Самый главный совет. Письмо двенадцатое	210

Духовно-педагогическое наследие

Амонашвили Шалва Александрович

БАЛЛАДА О ВОСПИТАНИИ